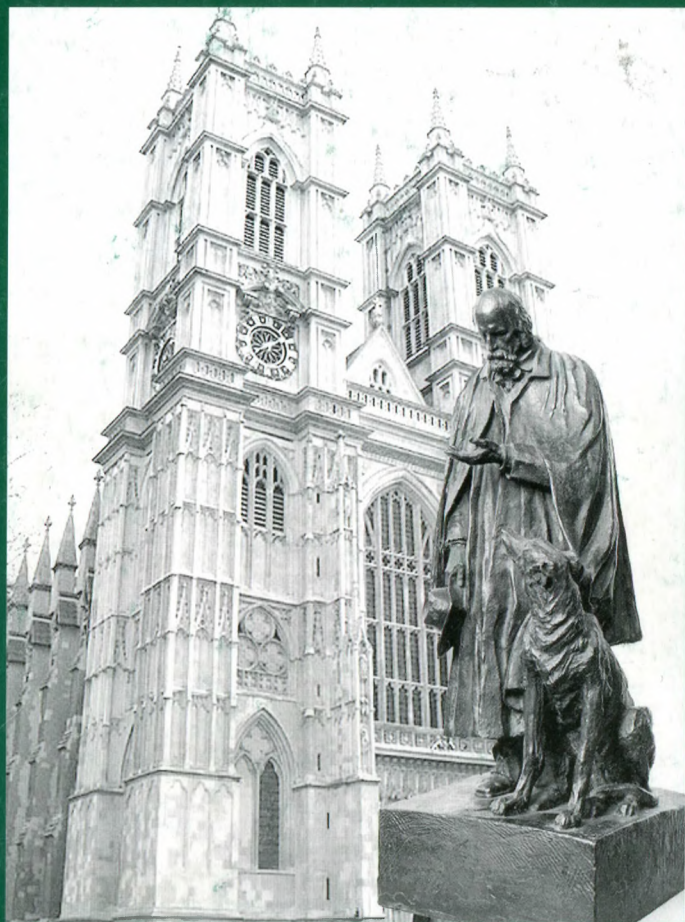

Альфред ТЕННИСОН

ИЗБРАННОЕ

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

ИЗБРАННОЕ

Перевод с английского
Эммы Соловковой

«Европейский Дом»
Санкт-Петербург
2009

УДК 821.134.3
ББК 87(70)
К76

Альфред Теннисон. ИЗБРАННОЕ. (перевод с английского Эммы Соловковой) — Издательство «Европейский Дом». Санкт-Петербург, 2009 — 242 с., илл.

В книге представлены избранные произведения выдающегося английского поэта-романтика XIX века Альфреда Теннисона, большинство из которых в России ранее не издавалось. Надеемся, что читателей не оставит равнодушными эта проникновенная и мудрая поэзия. Иллюстрации — репродукции произведений западно-европейских художников XVII–XIX веков.

Воспроизведение всей книги или любой ее части без письменного разрешения переводчика воспрещается

ISBN 978-5-8015-0251-9

© Э.А. Соловкова (перевод), 2009
© Издательство «Европейский Дом», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
-------------------------------	---

ПОЭМЫ

Принцесса	15
In Memoriam А.Н.Н. (Памяти А.Г.Х.)	92
Замок Локсли	169
Замок Локсли шестьдесят лет спустя	175
Энон	183
Дворец искусств	190
Воспоминания об арабских ночах	198

СТИХОТВОРЕНИЯ

Королеве	203
Кларибель	204
Высший пантеизм	205
В долине Котерек	206
Так поздно, поздно	206
Праздные мечтатели	207
Хоральная песня	209
Мариана	213
Мариана на Юге	215
В горах Свобода восседала	218
Ночь святой Агнессы	219
К J.S.	220
Вергилию, написанное по просьбе мантуанцев к 1900-летию со дня его смерти	222
Ты вопрошаешь «Почему?»	224
Песня «Дух вспоминает»	225
К***	226

Покинутый дом	227
Любовь и смерть	228
Умру — не приходи	228
Мы свободны	229
Сонет	229
Тифон	230
Спящий дом	232
Ей равных нет	232
Песнь Элейн	233
Песнь Вивьен	233
Переходя черту	234
Комментарии	235
Источники	241

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

*Вы не поняли, лорд:
Я отнюдь не стремлюсь в Ваш чертог;
Я вот только считал,
Что нам есть, что поведать друг другу...*

Андрей Макаревич

В 2009 году мировая общественность отмечает 200-летие со дня рождения **Альфреда лорда Теннисона** (6 августа 1809 г. — 6 октября 1892 г.) — выдающегося английского поэта-романтика XIX века, основателя психологического направления английского романтизма, автора знаменитой фразы «Бороться, искать, найти и не сдаваться» (*To strive, to seek, to find, and not to yield* (1)). Живший в эпоху королевы Виктории, именно поэт-лауреат Альфред Теннисон явился самым глубоким представителем идей и ценностей эпохи английского викторианства с ее усилением позиций среднего класса и развитием системы образования в Англии. Многие его произведения выражают и общечеловеческие ценности и не утрачивают своей актуальности и по сегодняшний день. Так, например, в его крупнейшем цикле эпических поэм «Королевские идиллии» (*Idylls of the King*) (1859–1885) о короле Артуре и «рыцарях круглого стола» (2) выдвигается очень злободневная проблема доверия народа к выбранной им власти (по сути, проблема президентства), в его сатирико-лирической поэме «Принцесса» (*The*

Princess) (1847) – проблема семьи и женской эмансипации, а его элегическая поэма «Памяти А.Г.Х.» (*In Memoriam A.H.H.*) (1850) способна проникнуть в сердце и духовно поддержать любого человека, столкнувшегося с горем утраты.

Теннисон, почти ровесник XIX века, прожив долгую жизнь, оставил после себя очень большое и разнообразное литературное наследие, куда, помимо вышеуказанных произведений, вошли его лирические сборники стихов, например, «Стихотворения, в основном лирические» (*Poems, Chiefly Lyrical*) (1830), «Лирические стихотворения» (*Lyrical Poems*) (1833), философская поэма «Замок Локсли» (*Locksley Hall*) (1842), мифологическая поэма «Энон» (*Oenone*) (1832) и стихотворение «Улисс» («Одиссей») (*Ulysses*) (1833), баллады «Страдания Мальдуна» (*The Voyage of Maeldune*) (1880), «Мечь» (*The Revenge*) (1880), исторические драмы «Королева Мария» (*Queen Mary*) (1875), «Гарольд» (*Harold*) (1876), «Фалькон» (*The Falcon*) (1884), «Кубок» (*The Cup*) (1884) и многие другие. Но для большинства читателей он был и остается прежде всего гениальным лирическим поэтом, наибольшую славу которому принесли его лирические произведения. Последнее время в мире отмечается рост читательского интереса к его такого характера большим поэмам – «Прищесса», «Замок Локсли», «Энон Арден» (*Enoch Arden*) (1864) и другим.

К сожалению, хотя имя Теннисона вошло в российские антологии и учебники зарубежной литературы, сами его произведения издавались в России неоправданно мало и в основном в XIX веке или в начале XX века. И лишь столетие спустя в России снова вышел русский перевод его поэм «Королевские идиллии», «Волшебница Шалотт» (*The Lady of Shalott*) (1832), «Годива» (*Godiva*), «Замок Локсли», ряда стихотворений и стихотворных отрывков из некоторых поэм. Что касается большинства других его произведений, то они либо вообще не переводились на русский язык, либо их перевод практически не доступен современному российскому читателю.

Мое собственное знакомство с поэзией Теннисона произошло почти случайно. Как-то меня как профессионального переводчика попросили помочь с переводом на русский язык литературной критики его творчества и отдельных отрывков из его произведений. Когда я приступила к переводу поэтических отрывков, моей первой реакцией было удивление. В одном из отрывков из поэмы «Прищесса» автор просто перечислял, что видит:

*А где-то ниже человек какой-то,
В руках держащий трубки с проводами,
Там гильзу зарядить вовсе пытался...
А группа шумных девушек ждала
Того, кого ударило здесь током,
И с визгом, и со смехом в то же время...
А далее столбы от телеграфа
Свое посланье света отправляли...*

Там говорилось о продуктах изобретения электричества: проводах, телеграфных столбах... Но у Теннисона и это звучало как Поэзия. Воистину: тот Поэт, кто и об электричестве пишет, как Поэт.

Стояла осень — теплая, сухая, «золотая». Я переводила строки из поэмы, где главный герой обращается к своей возлюбленной:

*Иди ко мне, не бойся, прикасайся
Своим дыханьем к моему челу.
В прозрачном этом воздухе дрожу я:
И, словно дымка, прошлое все тает
В заветный этот час. И это утро —
Начало многому; а все, кто зван,
Кружатся в танце, как листва золотая
Осенняя сквозь дым горящих трав...*

И я вдруг явственно ощутила удивительную прозрачность и загадочность осеннего воздуха и роскошь золотого осеннего праздника, и дыхание смерти на лице главного героя и в то же время, вопреки всему, его неистребимую жажду любви и близости с любимой и предчувствие начала новой жизни. И обо всем этом мне поведали всего 8 строк — поведали удивительно лаконично, емко и образно. А дальше я приступила к полному переводу этой поэмы и других произведений Теннисона, и в меня вошел на редкость притягательный мир его поэзии — поэзии общечеловеческой, стирающей сословные, национальные и временные границы.

Хочется подробнее остановиться на самых лучших переведенных мною поэмах Теннисона «Прищесса» и «Памяти А.Г.Х.», с которых началась его поэтическая слава. В одном из своих самых первых зрелых произведений — блестящей, непосредственной, остроумной поэме **«Принцесса»** — автор затрагивает тему женской эмансипации, которая в XIX веке в Англии (которая, как общепризнано, первой дала ей рождение) и ряде других европейских стран вышла на передний план. Тема борьбы женщины за свои права в XIX веке часто поднималась писателями разных стран (в том числе и Рос-

сии) и самых разных литературных направлений (на Западе – такими писателями, как Ж. Санд, Г. Ибсен, А. Стриндберг и др.). Теннисон в своей поэме «Принцесса» изображает феминизм сатирически, беззлобно подсмеиваясь над ним и одновременно выражая ему свое человеческое сочувствие: видно, что в чем-то он согласен с женщинами, а в чем-то – нет. В то же время он как бы предостерегает женскую половину человечества от излишних феминистских увлечений, показывая, к каким печальным последствиям это может привести, преподнося это читателю в очень непринужденной и аллегорической форме сказки-легенды без какого – либо излишнего дидактизма и менторства. Автор – христианин по вероисповеданию – выступает за сохранение семейных устоев и хочет вернуть своих современниц к истокам, к библейскому пониманию предназначения женщины: прежде всего – быть хранительницей домашнего очага,

*...Воспитывать, учить детей,
Меж поколениями людей
Служа связующим звеном.*

Но эта поэма обращена и к нам, живущим полтора столетия спустя в век сверхскоростей и супертехнологий, когда в большинстве стран мира женщины во многом добились равных с мужчинами прав.

Здесь современные идеи раскрываются на фоне фантастического места действия – женского колледжа античного образца в средневековой Англии. Главные герои произведения – юная прекрасная Принцесса, учредившая женский колледж и сражающаяся за женское равноправие, и юный прекрасный Принц, сражающийся за ее любовь. Но сквозь средневековый антураж и условности в героях этой поэмы мы узнаем черты людей – современников Теннисона и даже наших с вами современников. Теннисон, считающийся наследником литературных традиций английских поэтов-романтиков Вордсворта и Китса, привнесит в английский романтизм свое, новое, а именно: углубление во внутренний мир человека, элементы тонкого и точного психологизма. Автору важны не только поступки его героев, но и мотивы этих поступков и предшествующие им размышления, колебания и противоречия – все, что так свойственно большинству обычных людей. Поэтому его герои так реалистичны, понятны и близки нам. Таковы и «сказочные» Принц и Принцесса. Со свойственным молодости максимализмом Принцесса сначала решает целиком посвятить себя феминистской борь-

бе за «дело женщины» и никогда не выходить замуж и пытается добиться этого и от своих приспешниц. Она самозабвенно говорит об этом своем решении, высокомерно называя себя во множественном числе:

*Когда свои мы протянули руки
К великой сей работе, мы решили,
Что замуж мы не будем выходить...*

Она, явившаяся «воплощеньем мальчишеской мечты заветной» влюбленного в нее Принца, сначала упорно и с возмущеньем отвергает его любовь. На полный искреннего удивления его вопрос:

*Неужто Ваша жизнь пройдет напрасно:
Совсем без исполненья долга женщин
И без детей и без любви – без счастья?*

она возражает ему тем, что «дети умирают временами; / делам великим смерть же не страшна».

Но автор вовсе не стремится изобразить Принцессу одиобок, как сухую доктринершу и «синий чулок», совсем не способную на любовь. Скорее наоборот: он психологически тонко показывает, что в ней, как и в большинстве женщин, есть желание любить и быть любимой: она сильно привязывается к своей сообщнице леди Психее и очень тяжело переживает переход той в лагерь «врагов» – противников женской эмансипации. А забрав в отместку у нее ее грудного ребенка, начинает проявлять к нему материнские чувства, называет его «бутои прекрасный, лилия доли, лесной полураскрытый колокольчик». В поэме она как бы разрывается между холодными доктринами феминизма и нежной и любящей женской природой. А в конце произведения фанатичную феминистку в ней все-таки побеждают женщина и любовь. Когда она ухаживает за тяжело раненым из-за нее Принцем, вдруг постепенно обнаруживается, что:

*Что-то первозданное затем,
Что даже знанья всякого сильнее,
Внезапно сердцем Иды завладело...
Но вот, от длительных своих стараний,
Печальных бдений в темноте ночной...
И видя рядом счастье влюбленных...
Она потом почувствовала нежность.
И, наконец, в ответ на это все
Любовь, как тот альпийский колокольчик,
Проснулась в ней одним холодным утром:*

*Лишь слабая и хрупкая сначала...;
Но с каждым днем она все расцветала...*

Только эта любовь, вдруг возникшая в «жестокой и холодной» ранее Принцессе, и спасает Принца от смерти, и эта по сути сатирическая поэма затем превращается в гимн всепобеждающей Любви.

Поэма «Принцесса» написана в основном белым пятистопным ямбом; художественная ткань ее весьма плотная. Поэма разнородна по своему жанру (не зря автор дал ей подзаголовок «A Medley», что с английского буквально переводится как «мешанина»): она прекрасно сочетает в себе комизм, сатиру, героинку и вдохновенную великолепную лирику. Неотъемлемой ее частью являются лирические отступления: здесь и живописные пейзажные зарисовки (Теннисона с его любовным, чувственным восприятием природы недаром называют «поэтом-пейзажистом»), и героические баллады, и незабываемые лирические любовные песни, редкие по своей утопченности и красоте, любовь в которых способна прорваться даже в высоты Космоса:

*Спит алый лепесток, и белый спит;
Не шелхнется даже кипарис:
В фонтане не мелькнет плавник золотой.
Проснулся светлячок, и ты со мной.*

*Застыл павлин, весь белый, как виденье;
Видение мерцает предо мной.*

*Открылась вся Земля – Даная – звездам;
И сердце у тебя открылось мне.*

*Скользит метеорит по небу, след свой
Там оставляя: так и ты во мне.*

*И складывает лилия красу
И утопает в озера груди.
Приикни же к груди моей скорей,
Любовь моя, и растворишь во мне...*

И Принц, и Принцесса, несмотря на свои порой паншность и заблуждения, остаются для нас бесконечно привлекательными и родными, а идеи поэмы продолжают волновать нас и по сей день.

Вторая приведенная в данном издании поэма носит латинское название «**In Memoriam...**», которое можно перевести как «**Памяти...**». Она посвящена памяти лучшего друга юности автора Артура Генри Халлама, помолвленного с его сестрой Эмили и умершего в молодом возрасте в 1833 году в Вене.

Произведения в память об умерших близких людях писали в Англии, конечно, и до Теннисона: и Байрон, и Шелли, и другие английские поэты. Эта поэма занимает достойное место среди них, отличаясь своей необычайной искренностью, философским характером и глубочайшим психологическим проникновением во внутренний мир человека.

Теннисон со смертью лучшего друга Артура, который был ему «дороже братьев всех и ближе», по сути, пережил жизненную катастрофу. Как и большинство начинающих поэтов, он в молодости, конечно, мечтал о карьере поэта, о славе, которая бы ему досталась, желательно по возможности, как говорится, «малой кровью». Мог ли он предположить, что формироваться как настоящему Поэту ему придется и через горе утраты самого дорогого в жизни? В поэме есть такие строки: «...руки из нечи выходят / формировать из нас людей ...». Впоследствии это горе сделало из него и личность, и поэта: глубокого, мудрого («мудрее делает нас скорбь») и самостоятельного человека и подтолкнуло его к написанию прекрасной искренней поэмы: «Так я нашёл цветок в страданье / по другу сердца моему; / поэзии цветку тому / ничуть не страшно увяданье...».

По своей художественной форме поэма представляет собой собрание медитативных элегий (грустных лирических песен). Она состоит из четырехсложных строф размером четырехстопный ямб с кольцевой рифмой. Поэма включает в себя вступление, в котором автор обращается к Любви, песни плача и грустные воспоминания (в начале поэмы), картины воображения, описание трех рождественских праздников, свадебную песню (в эплоге), а также глубоко философские размышления о жизни и смерти, о дружбе и любви, о предназначении человека, о проблемах и задачах творчества, о Боге.

Главным героем здесь является сам автор – молодой лирический герой, столкнувшийся со смертью своего любимого друга; от его лица и ведется здесь повествование. Теннисон внимательно и психологически точно отслеживает тончайшие нюансы чувств человека, пережившего утрату. Он показывает, как его герой сильно привязан к умершему другу – через его горестные причитания: «Надежды обратились в прах», «Мой друг, моя любовь, мой брат».

Столкнувшись с внезапной потерей друга, наш герой испытывает сильнейшее психологическое потрясение, неутешное горе, растерянность и разочарование в жизни. В какой-то момент он даже начинает испытывать сомнения в Высшей справедливос-

ти: «я вряд ли прав был, коль затменно считал, что... смиренье нам пристало...». Но вот, в ответ на упреки окружающих его людей: («Да время ли сейчас сознанье / терять от чувств своих, спикая, / когда Наука прошикает / все глубже в тайны мирозданья?»), он искренне пытается побороть эти свои сомнения и отчаяние. Теннисон очень реалистично показывает, насколько труден этот путь героя, полный боли и противоречий: «И как же трудно одному мне / с моим отчаяньем безумным / и скорбью дикою бороться...».

Но «Памяти...» — это и философское произведение. В нем наш герой, желая преодолеть свое горе, пытается пайти ответ на вопрос, почему его друг так внезапно ушел из жизни и что происходит там, за гранью нашего земного существования. В своем воображении он обращается к небесным светилам, к земной природе, к искусству, к философии, к Богу: «Я руки в вере простираю, / сквозь сор бреду я одиноко / к тому, кого считаю Богом, / и я с надеждой оживаю...».

Понадобилось целых три года для того, чтобы он, наконец, смирился с фактом смерти друга. Любимый праздник нашего героя-христианина — Рождество; но после смерти друга для него уже «был грустен Рождества приход». И только после третьего Рождества его горе, которое «глубоко, словно жизнь», становится все же «покорно воле Бога». От пессимистических восклицаний типа «О жизнь, вся в хрупкости и тщете!» он переходит к рассуждениям, что «все имеет цельпужду, / и что не гибнут просто так: / подобно мусору, никак / не канут просто в пустоту».

В конце поэмы герой укрепляется в своей мысли о высоком предназначении человека и о бессмертии его духа: «Но жив я в духе остаюсь / с мечтаньями, которым верю...».

Но в этой поэме, как и во многих других поэмах Теннисона, есть еще один главный герой — это «могучий Бога плод, Любовь». Это любовь и к Богу, и к другу, и к жизни, и к нашей планете — божьему творению. Автор — лирический герой в конце концов приходит к выводу, что, вопреки всем трудностям, а порой и трагизму нашего земного существования, все равно пужно любить жизнь и нашу Землю, о которой он ишет с таким неподдельным восхищением: «Зеленый шар — планета света / неимовернейшей красоты, / похожая на миражи / у сумасшедшего Поэта...». У него постепенно складывается следующее выстрадавшее им убеждение: «Я верю с твердостью в душе, / пусть даже вновь и вновь скорбя, / что лучше потерять, любя, / чем в жизни не любить вообще...».

А кульминационным моментом этого произведения является, наверное, его обращение в канун Рождества к рождественским колоколам (CVI): оно звучит как своего рода завещание с мечтой о том, что в будущем «в мире победит добро — пускай не скоро и не сразу»:

*Колокола, издайте звон
Вы к небу, облакам и свету;
В ночи год умирает этот;
Звоните же — пусть сгинет он ...*

*Звоните по болезням грешным
И по любви к золотым монетам,
По войнам, чтоб канули в Лету,
За мир тысячелетний здешний.*

*Звоните, чтоб бесстрашным стал,
Свободным, добрым человек;
Пусть тьма уйдет от нас навек;
Звоните именем Христа...*

Последние же строки поэмы — это выражение автором — лирическим героем его укрепившейся веры в то, что его друг отыщется:

*... у Божьего чертога;
А Бог — бессмертный и единый,
Далекий, любящий и дивный;
И все творение — для Бога.*

Что касается остальных вошедших в данную книгу поэм и стихотворений и отрывков из других произведений Теннисона, то они очень разнообразны как по своей художественной форме (по стихотворному размеру, по рифме и т.д.), так и по содержанию. Многие из них носят философский характер. Теме поэта и поэзии посвящено его стихотворение «К***» (*To —*) (1994), теме богоскательства — стихотворения «Высший пантеизм» (*The Higher Pantheism*) и «Ночь святой Агнессы» (*St. Agnes' Eve*), теме исканий и потребностей человеческой души — поэма «Дворец искусств» (*The Palace of Art*), теме свободы — стихотворения «Мы свободны» (*We Are Free*) (1848), «В горах Свобода восседала» (*Of Old Sat Freedom on the Heights*), «Ты вопрошаешь «Почему?»» (*You Ask Me, Why, Tho' Ill at Ease*). Автор часто затрагивает тему любви, жизни и смерти (поэмы «Замок Локсли», «Энон», отрывки из цикла «Королевские идиллии» «Песнь Элейн» (*Elaine's Song*) и «Песнь Вивьен» (*Vivien's Song*), стихотворения «Любовь и Смерть» (*Love and Death*) (1833), «Сонет» (*Sonnet*) (1850), «Покинутый

дом» (*The Deserted House*) (1832), «Умру – не приходи» (*Come Not When I am Dead*) (1842), «Тифон» (*Tithonus*) (1834) (на основе древнегреческого мифа), «Спящий дом» (*The Sleeping House*), «Марнапа» (*Mariana*) (1830), «В долине Котерец» (*In the Valley of Cauteretz*), «К J.S.» (*To J.S.*) и «Переходя черту» (*Crossing the Bar*) – одно из его лучших позднейших стихотворений). Стихотворение «Ей равных нет» (*There Is None Like Her*) восходит к библейской тематике, поэма «Воспоминания об арабских почвах» (*Recollections of the Arabian Nights*) – к сказкам «Тысяча и одна ночь». Посвящения королеве Виктории (*To the Queen*) (из цикла «Королевские идиллии») и «Вергилию...» (*To Virgil...*) сродни классическим одам, а «Хоральная песня» (*Choric Song*) (1832) и песни «Дух вспоминает...» (*A Spirit Haunts...*) и «Кларибель» (*Claribel*) сродни средневековым балладам. И мне бы очень хотелось своими переводами Теннисона донести до российских читателей красоту и мудрость его поэзии.

Соловкова Э.А.

Принцесса

попурри

ПРОЛОГ

Сэр Вальтер Вивиан свои лужайки
Обширные народу предоставил
На целый летний день, вплоть до заката;
Там арендаторы его собрались
И чуть не половина городка
Соседнего, где колледж опекал он.
Я был там со своими, по пути
Из колледжа, где сына навестил:
Мы всемером у Вивиана были.

Мне Вальтер утром показал свой дом,
Дом греческий: стояли бюсты в нем,
Цветы красы небесной в вазах в зале —
Красивей даже, чем их имена;
У дома в парке — камни мостовой
Руин аббатства: древние, резные;
А на столах века и страны все
Смешались вместе: трубки от индейцев,
Палаш и лыжи, и игрушки в лаве,
Сандаловые опахала, амбра
И четки очень древние с Востока,
Кривой кинжал малайский, с островов
Дубинки боевые, по стенам же,
Среди рогов лосиных и оленьих —
Доспехи и оружие от предков.

«Вот этим — он сказал, — сэр Хью сражался
При Азенкуре (3), а вот тем — сэр Ральф
При Аскалоне: славный был он рыцарь!
Мы хроники о нем все здесь храним».
Я погрузился в хроники-легенды
О королях и рыцарях и графах.
И леди там была средь них: она,
Закрыв свои власа златые шлемом,
Прокравшись через крепости ворота,
От стен ее смогла отбить врагов.

«О, чудо-женщина, — гласила книга, —
О, сердце храброе: она, вплотную
Припертая к стене злым королем,
Желавшим подчинить себе ее,
Не дрогнула все ж пред угрозой смерти:
Когда потеряно все словно было,
Она в рассветном солнце пред врагами
Возникла вдруг с горящими глазами
Под звуки труб на крепостной стене
И, на врагов своих внезапно прыгнув,
Копытами коня их затоптала.
А остальных снарядами убили
Иль пиками, иль просто утопили.
О, женской доблести пример прекрасный!»

Так в книге благородной говорилось:
Она меня так сильно захватила!
«Ну, а сейчас — нам предложил сэр Вальтер, —
Пройдем-ка мы к аббатству: там найдем
Мы Лилию и тетю Лиз с другими».
И мы пошли (а я с собой взял книгу);
Сквозь парк прошли мы, а потом пред нами
Предстала очень странная картина:
Все пастбище как будто рокотало:
Не меньше тысячи людей там было!
Их лица были радостны, как в праздник.
А терпеливые учителя
Учили их с использованием фактов.
Один из них воздвиг фонтан из камня,
К нему направив воду родника;
Теперь своими струями фонтан бил,
Как дождь жемчужный или столб крутой.
А где-то ниже человек какой-то,
В руках держащий трубки с проводами,
Там гильзу зарядить всюю пытался.

Звук эха шел со скошенных лугов;
Большие телескопы были здесь,
Чтоб неба синеву обозреть;
А группа шумных девушек ждала
Того, кого ударило здесь током,
И с визгом, и со смехом в то же время.
По озеру меж тем плыл пароходик:
Пускал он струи пара по холмам;
А рядом шла железная дорога;
Пред рошей шар воздушный поднимался:
Вслед за собой он прошлое оставил;
А далее столбы от телеграфа
Свое посланье света отправляли.
В крикет играла группа мальчуганов;
В траве катались дети, словно фрукты;
А люди взрослые пустились в пляс:
Там скрипочка гнусавая звучала.
А высоко над нами раздавалось
В густых душистых кронах лип в цвету
Гуденье пчел — от края и до края.

И нам казалось это странным все:
Глядели долго мы на то. Потом
К развалинам аббатства подошли мы.
Парк с аркой и плющом увитый дом
Примером были готики чудесной,
Хоть запустеньем веяло от них;
Но был порядок в доме изнутри:
Там были Лилия и тетя Лиз
И женщины-соседки. Сам сэр Ральф
Там был, чья статуя разбитая
Стояла, прислоненная к стене:
И был сэр Ральф веселый, как и все.
А Лилия, еще совсем подросток,
Вся в возбуждение после игр спортивных,
Вдруг шлем у Ральфа каменный покрывала
Своим оранжевым шарфом, а плечи
У Ральфа — розовым шарфом из шелка:
Вояка старый засиял, как солнце;
А праздник рядом с ним всю сверкал.
Но девственная тетя Лиз, однако,
Сей день священным текстам посвятила,
Распространяя на толпу культуру.
А мы о колледже заговорили,
Что возвышался среди соседних шпилей.

Один куратора критиковал,
Что был с людьми простыми очень жестким,
Но с лордами зато — уж очень мягким;
Другой — того наставника, который
Лишь видимость культуры создавал.

Но я поверх голов их вдруг увидел
Бойца средневековья в женском платье,
Что мне о книге сразу же напомнил;
Я зачитал страницы две о Ральфе
И с восхищением затем — о той,
Что возле крепости врагов разила.
«А где же нам найти — спросил сэра Вальтер —
Такую чудо-женщину сейчас?» —
И по головке Лилию погладил.

Но быстро Лилия ему сказала:
«Сейчас найдутся тысячи таких;
Но вот условности их задавили;
Но это дело воспитанья лишь.
А виноваты в этом вы — мужчины:
За это я вас всех так ненавижу!
Будь я какой великой поэтессой,
Тогда бы я вас сразу пристыдила!
А если б я была Принцессой, то
Построила бы женский колледж я
Подальше от мужчин; но походил бы
Зато во всем на колледж он мужской».

Один из нас с улыбкою ответил:
«Как интересно было б посмотреть,
Как женщины б по колледжу ходили,
Как бы кураторы иль же деканы,
Девицы ж — как студентки. Но не верю,
Что много Лилий вы таких нашли бы.
И как ни укрывали б вы гнездо,
Какой-нибудь мальчишка все равно
Его бы выследил».

Ему на это
Своею ножкой топнула она:
«Вы говорите, что хотите, — я же
Любого бы мужчину наказала
За то, что он на нас взирал бы, смертью».

Она так раздраженно говорила,
Но и смеялась над собой при этом.
Была она прекрасна, словно роза,

Хоть мелкие шипы имела тоже.
Но ей в ответ ее назвал сэр Вальтер
«Неблагодарной кошкой», «людоедкой»,
Поклявшись, что скучал лишь от ученья;
Все ж остальное было славно там:
Игра в крикет, катанье на конях
И ставки на коней, друзья и клубы
С беседой о политике, искусстве.
Так в молодости время прожигая,
Смотрели по верхам они в семестрах
И тем своих деканов огорчали —
Полушутливо говорил так Вальтер.

«О да, но вы по нам скучали сильно —
Я поклянусь своим кольцом с рубином».

Она с кольцом тут вытянула палец;
Ее так нежно укусил за палец
Сэр Вальтер. Вскрикнула она тихонько
И пальцы стиснула свои. «Ты снова
Не веришь мне. Так слушай! — он сказал. —
Конечно, вас нам очень не хватало.
На Рождество для чтения всемером мы
Там оставались, и мы выбирали
Наставника нам для занятий чтением.
Ученье нас тогда не вдохновляло:
Ему мороки с нами столько было.
Когда мы по морозцу там гуляли,
И эхом отдавался звук шагов
В «монастыре», нам было так тоскливо;
Мы говорили лишь о вас тогда
И в Святки за здоровье ваше пили.
И часто, как и многие девчонки,
Устав скучать по дому своему,
Играли мы в шарады и загадки;
И мы рассказывали даже сказки
Из уст в уста на Рождество друг другу,
Как часто здесь на Рождество у нас».
Тут вспомнила она игру про сказки:
Она ей больше нравилась, чем фанты
И музыка, и остальное. Здесь же —
Какие могут у мужчин быть сказки?

И легкое презренье появилось
На розовых ее надутых губках.
Главой кивнув мне, подтвердил сэр Вальтер:

«Наставник начинал — мы продолжали
По очереди всемером, и так
Мы сказки очень сильно изменяли,
Зимою чтоб лишь время убивать».

«Убейте же его сейчас, тирана! —
Вскричала Лилия. — Убейте летом
Его, сейчас!» «А почему бы нет? —
Вдруг девственная тетя Лиз вмешалась. —
Чем летние легенды хуже зимних?
Пусть героическою будет сказка:
Герой под нами похоронен».

Вальтер

Свой рот скривил торжественно-шутливо;
Мы вместе с Лилией развеселились.

А эхо, словно призрак дятла, скрылось
В развалинах потом. А тетя Лиз,
Чуть раздумавшись, мне тут сказала:
«Ну, как хотите — коль хотите Вы
Героику иль же чего другого
Иль сами стать героем — Ваша воля».

«Возьмите Лилию как героиню! —
Воскликнул Вальтер. — Сделайте ее
Какой-нибудь Принцессою великой;
Вы ж будьте Принцем, что ее сразит».

Ответил я: «Пусть каждый роль получит!
Нас семеро, но все мы заодно;
Мы будем, словно тени в сновиденье.
Должна быть героической Принцесса.
А что до времени и места, то
Готические будут там руины,
Дом греческий; о женском колледже
И женском праве много разговоров
И даже славный рыцарь в маскараде;
И очень странные эксперименты
Начнут там ставить женщины: их всех
Сэр Ральф за это сжег бы на костре.
Какая это *будет* мешанина!
А леди пусть поют нам по желанью
Баллады или песни иногда».

Вот так я начал. А другие мне
Повиновались: женщины запели
На фоне грубых голосов мужских.
А дальше привожу поэму, песни.

I

Я Принц был — златокудрий, синеглазый,
Прекрасен ликом, нравом, словно май.
Когда родился я, над колыбелью
Светила мне Полярная звезда.

Жила одна легенда в нашем доме:
Когда-то колдуна наш предок сжег
За то, что не отбрасывал тот тени.
А умирая, тот колдун предрек,
Что весь наш род не будет видеть тени
Предметов; одному ж из нас придется
С теньями в бой вступить и пасть за это.
Мне мать легенду эту рассказала.
Мне ж наяву бывали сны порой;
И странное воздействие от дома
Я чувствовал тогда. Переживал я
Таинственные приступы внезапно
Средь бела дня, среди людей подчас.
И мне казалось вдруг тогда, что я
Как будто в мире призраков брожу,
И ощущал себя я тенью сна.
Судья великий наш — Гален — при этом
Своею тросточкой играл и трогал
Свою бородку, бормоча: «Столбняк».
А мать моя, меня жалея сильно,
Молитв творила массу — очень кроткой
Она была — ее боготворили.
Но мой отец царем был из царей:
Плевал он на «воздействие от дома»;
Держал он скипетр свой, чтоб отбивать
Своих обидчиков атаки жестко.

Но вот случилось так, что как-то я,
Хоть был тогда еще совсем подростком,
С соседнею Принцессой стал помолвлен.
То сделали без нашего участия
И чрез доверенных. Но достигали
О южной красоте ее нас слухи
И об ее младых могучих братьях.
Был у меня ее портрет и локон;
О ней, бывало, сладко я мечтал.

Как только время свадьбы наступило,
Отец послов с подарками отправил,
Чтоб взять невесту; с той же стороны

Нам гобелен красивый прислан был лишь
И с ним ответ — как бриз неуловимый.
Послы те лицеизрели короля:
А он, хоть принял их дары, сказал,
Что помнит уговор, но все зависит
От дочери его — она ж капризна,
Свободу любит: в брак она не вступит.

Я в комнате приемной был в то утро
С друзьями — Флорианом и Сирилом.
Сирил (отец его был разорен)
Разочарован в жизни был, хоть он
Не прочь был и удариться в кутеж.
А Флориан моим вторым был «я»:
Мы вместе были с ним везде, всегда.

Пока послы вели рассказ такой,
Увидел я, как у отца лицо
Вдруг вытянулось все и мрачным стало:
Объятый гневом, в клочья разорвал он
От короля письмо и тот подарок.
А в заключение он нам поклялся,
Что сотню тысяч человек отправит,
Чтоб привезли невесту те тотчас.
Потом с военными он вел беседу,
И тем тоску свою он прогонял.

И я в конце концов ему сказал:
«Отец, позволь мне к ним поехать. Может,
Ошибка грубая есть в том докладе:
Ведь короля того считают добрым
И хлебосольным. Может быть, и сам я,
Невесту раз увидев, с огорченьем
Найду, что та игра не стоит свеч».
А Флориан сказал: «Моя сестра —
Придворная сейчас у той Принцессы;
Она — вдова ведь знатного вельможи,
Что ей на той земле оставил замки.
Нам чрез нее узнать все это можно».
Шепнул Сирил: «Возьми меня с собою».
Затем добавил он, смеясь: «А что,
Коль вдруг с тобой случится приступ твой
На той земле, а рядом — никого,
Чтоб вывести тебя из власти тени?
Возьми меня, и пригожусь тебе я:
Я здесь вишу на волоске». Но «Нет!
Не нужно! — резко крикнул мой отец. —

Мы сами быстро все разрушим бредни
Девицы той: окончен наш совет!»

А как закончен был совет, пошел я
В лес дикий, что наш город окружал:
Там место тихое нашел и вынул
Ее портрет и на него взирал.
Что за фантазии могли прийти к ней?
Зачем же не сдержала обещанья?
У ней так сжаты губы на портрете.
Пока я думал, вдруг поднялся ветер:
Подул на юг он, заглушая враз
Там леса песни, шорохи и крики;
Сквозь этот шум послышался мне Голос:
«Иди, иди, не бойся: победишь ты».
И вот, как в небе месяц появился,
Я вышел незаметно со двора
В компании Сирила с Флорианом.
На цыпочках мы крались через город,
Боясь от моего отца погони.
Мерцал ночной огонь в окне каком-то,
Но было тихо все. Мы друг за другом
Попрыгали все быстро с бастиона,
Ну, а затем пересекли границу.
Сквозь заросли густые пробираясь,
Мы до столицы, наконец, добрались,
И во дворце нашли мы короля.

Король тот звался Гамою. Он был
Старик совсем — сухой и низкорослый
С таким надтреснутым и тихим гласом
И без звезды — ну, словно не король;
Но кроткою была его улыбка.
Три дня нас чествовал он, на четвертый
Я рассказал ему, зачем пришли мы,
И про свою помолвку. «Принц, Вы честь
Нам оказали, — молвил тут король,
Взмахнув своею бледною рукой. —
Мы помним, как мы в юности златой
Своей любили сами; договор же
Тот много лет назад был заключен,
В тот год, когда погибли наши рощи.
Хотел бы от всего я сердца, Принц,
Чтоб Вы Принцессу нашу получили.
Но вдовы здесь замешаны, однако:

Их две — Психея (4) леди, леди Бланш.
Теориями разными они
Напичкали Принцессу, утверждая,
Что женщина мужчине станет равной
При равных с ним в супружестве правах.
Поют они все время песню эту
И даже на банкетах, танцев нет,
И разговоры лишь у нас остались,
И уши у меня от них краснеют.
Как утверждает дочь моя, познание
Заменит все; все люди — дети лишь,
И женщинам детей иметь не нужно.
Она, сэр, также оды пишет жутко
Все про детей утрату — так гнетуще, —
Пророчества без смысла очень мрачно,
И все, что делает она, — ужасно.
Что до меня — я лишь искал покоя;
Они меня, однако, одолели.
И выпросила у меня Принцесса
Дворец мой летний на границе с Вами.
Я против был, но все ж отдал его им;
И понеслись они туда галопом
С тем, чтобы основать там колледж женский;
О нем мы больше ничего не знаем.
Они мужчин теперь уже не видят
И даже братьев старших трех ее,
Хоть любят те сердечно все ее.
Я спорить с нею больше не намерен;
Могу я для нее письмо лишь дать Вам.
А, говоря по правде, я считаю,
Что шансов нет у Вас почти совсем».

Все это мне сказал король, а я,
Хотя и был рассержен тем, что он
Приуменьшал значенье договора,
Продолжил, тем не менее, с друзьями
Искать свою невесту. Мы чрез горы
Так долго ехали опять на север,
А вечером на город набрели,
Что был вблизи границ земель свободных:
Был серебристой речкой окружен он.
В том городе отель мы старый сняли,
К хозяину отеля обратившись.
Его вином мы крепким угостили;
Ему мы показали наши письма.

А он так продолжительно присвистнул,
Окинув нас незрячим словно взглядом.
Затем он раскричался, утверждая,
Что нам туда идти — вне всяких правил.
Потом, смягчившись от вина, сказал:
«Но коль король дал письма вам свои,
Он, значит, это сможет подтвердить».
А напоследок он в хмелю добавил:
«Добьетесь своего — не сомневаюсь.»
Вблизи него она раз проходила:
Тогда он даже слышал глас ее;
И напугала как она его!
Он раньше никогда таких не видел:
Она была суровой, грандиозной;
И поклонился он своей синьоре.
Как понял он, на мили землю здесь
Лишь женщины возделывают только;
Собаки, свиньи женского здесь пола.

Но вот, пока он так острил пред нами,
Я вспомнил, как мы представляли Деву,
Богиню, Нимфу в масках, в маскараде
На карнавале при дворе отца.
Послали мы хозяина купить нам
Одежду женскую. Ее принес он,
Сам затянул в корсеты нас, и мы
Оделись в платья женские, все в перьях:
При этом мы не сдерживали смеха.
Ему ж мы заплатили, чтоб молчал,
Затем отправились к свободным землям.

Мы на конях вдоль речки продвигались
До середины ночи — до тех пор,
Пока не встретил нас мерцаньем колледж.
Мы в арку въехали, и вдруг пред нами
Во тьме из камня женщина предстала
С четверкою коней крылатых. Надпись
Какая-то виднелась впереди:
Какая — ночью мы не разобрали.
Потом до узкой улочки добрались:
На улице дома и парки были,
И еле слышно били там часы,
Как молоточками из серебра;
Фонтан играл там струями своими:
Окатывал жасмин и розы он;

А соловей пел прямо рядом с нами
Так увлеченно, не боясь силков.

Над входом бюст Паллады был, как символ:
Он был украшен парой круглых ламп,
Что означали Небеса и Землю.
Мы въехали, в звонок мы позвонили:
К нам конюх-женщина тут подбежала,
А вместе с нею — статная девица.
Затем хозяйка вышла: хороша
Как распустившийся цветок; она
В покои для гостей нас провела.
Ее спросили мы о том и этом,
И кто у них кураторы сейчас.
«Психея Леди, Леди Бланш», — ответ был.
«А кто из них всех краше и всех мягче
Характером своим?» — «Психея Леди».
«Тогда ее мы!» — хором мы вскричали,
И я письмо Принцессе написал:

«Три леди Северного королевства
При Вашем быть Высочестве хотят,
А чтоб учила их Психея Леди».

Письмо я запечатал. На печати
Был Купидон со свитком и Венера,
Снимавшая повязку с глаз его.
Письмо отправить утром я велел,
Затем лег спать: мне показалось в дреме
Вдруг, что по морю я плыву ночью:
Сияет море в лунном свете все
И волнами о брег какой-то бьется.

*

*По полю вечером мы шли
И колоски срывали,
И вдруг поссорились с женой,
Но с плачем после ссоры той
Друг друга целовали.
Благословенны будут ссоры,
Хранящие любовь,
Коль после нашего раздора
Целуемся мы вновь!
Потом мы встали у могилы,
Где сын — родная кровь;
И там, над маленькой могилой,*

*Да, с плачем над его могилой
Мы целовались вновь.*

II

А утром к нам Привратница пришла:
Она нам платья принесла из шелка
Лиловые и с капюшоном — форму.
Надели мы все это на себя
И на личинок все похожи стали.
Она, с почтеньем реверанс нам сделав,
Дала понять нам, что нас ждет Принцесса.
Мы вышли; был я первым; миновали
Мы портик с лавром и во двор вошли.
Одетым в мрамор был весь этот двор:
Античные навесы и бордюры
Среди колонн, цветов большие вазы;
Там окружали Грации и Музы
Играющий фонтан, а у решеток
Лежала книга или лютня. Мы
Все это пробежали разом, быстро,
И поднялись по лестнице мы в зал.

А там, на троне, с книгою, бумагой
И с леопардами двумя ручными
Принцесса Ида восседала: в ней
Как будто красота вся воплотилась,
Как если бы не на Земле жила
Она, а на планете, ближней к Солнцу:
И необычно так она взирала,
И грацией вся стать ее дышала
И силою от головы до ног.
Встав в весь свой рост, промолвила она:

«Добро пожаловать к нам; нет сомнений:
Вы прибыли сюда для пользы, славы;
Во весь свой голос запоете вы.
А в ваших землях леди так высоки?»
«Придворные мы», — отвечал Сирил.
«Так Вы, наверное, знакомы с Принцем?»
«Да; все свои сознательные годы
Он идеал Ваш обожает, словно
Единственную в этом мире розу».
И тут ему ответила Принцесса:
«Не представляли мы, что у себя
Такую речь убогую услышим,
Что из мужских дешевых комплиментов.

Но Ваш побег из темноты без книг —
Он выдает любовь к познанию Вашу.
По речи ж Вашей Вы еще ребенок.
Да: не мечтаем мы сейчас о Принце.
Когда свои мы протянули руки
К великой сей работе, мы решили,
Что замуж мы не будем выходить.
И вы поддержите почин сей, леди:
Прибыв сюда, все бросите привычки,
Что делают игрушкой нас в руках
Мужчин, так, чтоб со временем тогда
Стать равными сим лордам самозванным».

Внимая сим словам высоким, мы
Разглядывали пристально циновку.
Затем служительница с места встала
И зачитала нам устав их строгий:
На протяжении трех лет нельзя:
Обмениваться письмами с семьею,
Пересекать границы сих земель,
Общаться с лицами мужского пола.
И много было там еще того,
Под чем мы спешно дружно подписались.
«Ну, а сейчас, — воскликнула она, —
Смотрите: это греческий наш зал!
Пред вами женщин статуи стоят!
Не тех, кого б желали все мужчины —
Холеных одалисок или модниц,
А той, учила что Сабину править,
Что стены Вавилона возвела;
Здесь Артемида — сильная в бою,
Родоппа, что создала пирамиду.
Разглядыванье благородных форм
Облагородит тонкую натуру.
И пусть цель наша станет вашей целью —
Стремленье к своему освобожденью.
Как можно больше поглощайте знаний,
Покамест ваши рабские привычки
Вас не покинут навсегда. Уж лучше
Вообще не жить, чем быть неблагородным.
Ну, а сейчас оставьте нас: сегодня
Психея Леди будет выступать
С докладом о своей поездке прошлой:
Они в провинции ведь проникают,
Тем самым этот улей пополняя».

Так молвила она; затем с поклоном
Она нас отпустила. Снова двор
Пересекли мы и попасть сумели
К Психее Леди. Вот мы к ней вошли:
А там сидели рядышком вдоль статуй
Студентки терпеливые ее.
Она сидела прямо за столом —
Брюнетка быстрая с фигурой ладной
И теплым ясным соколиным взглядом.
А слева от нее ребенок был —
Аглая, дочка, в возрасте двух лет,
В сияющих одеждах, в диадеме:
Она спала. Мы сели; а Психея
На нас метнула взгляд. Тут Флориан
Шепнул: «Моя сестра». «Твоя сестра
Так тоже хороша», — Сирил сказал.

Затем она к докладу приступила:
«Когда-то мир был жидкой дымкой света,
Пока не появились звезды в центре
И, закружившись, в солнца превратились;
Кружась, они планеты породили:
Сначала звери крупные там жили;
Позднее — человек, сначала дикий
И убивающий себе подобных».

А вслед за этим бегло охватила
Она историю людей Земли,
Упомянув о храбрых амазонках
Как символе прогресса тех времен.
Потом она нам вкратце изложила
Черты империй персов, греков, римлян
И роль, что женщины играли там —
Несправедливой эта роль была.
И, осудив Салическую Правду (5)
И китайянок с маленькою ножкой,
С большим презреньем — Магомета тоже,
Тут к рыцарям приблизилась она,
Почтенье к женщине что выражали.
Затем, однако, начался упадок.
Но луч надежды к ним проник теперь —
Должны они дать результат хороший:
Преодолеть барьер из предрассудков
И доказать, что нет их благородней,
Что породили женщин и мужчин;
Ведь тоже созидать они должны.

А в этих стенах женщины узнают,
Чему мужчин в колледжах обучают.
Хоть говорят, что мозг у женщин меньше —
Вообще, размеры мозга человека
Решающей здесь не играют роли:
Ведь все развиваться может от работы.
Мужчина же воспользовался силой,
Чтоб первым быть на этом поединке.
Упущено, конечно, было много.
Но женщины ведь раньше созревают.
Хоть список славных их имен короче,
Все ж, правда, высоко их оценили —
Нет, не Каффир (6), Малай (6а) иль Готтентот (7) —
Нет, не они дорогу проложили,
А Фेरulam с Платоном и Гомером;
В искусстве управлять — Елизавета (8),
В искусстве боевом — крестьянка Жанна,
А в лирике — Сафо с подобными
Могла соперничать с любым мужчиной.
И, наконец, та женщина, что дом свой
Покинула так храбро для того,
Чтоб посвятить себя себе подобным,
Чтоб выросли они для блага, власти
На сем Оазисе, надежно скрыты
От пагубных влияний и насмешек.
И поднялась она до предсказаний:
«Две головы в правительстве пребудут,
В торговле — две и две — у очага,
Как те две гири, что упали разом,
И эхо их паденья огласило
Науки бездны, музыки, ваянья,
И критики, и психологии —
Повсюду наша щедрая Земля
Должна выдерживать двойной рост душ
Поэтов, чьи раздумья оживляют,
Обогащая, мир весь этот наш».

Остановилась здесь она, кивнув нам;
Все остальные, кроме нас, ушли.
Потом приветствовать она нас стала;
Но вдруг, как лодка — та, что курс сменила
И парусом захлопала обвисшим, —
Она вскричала, запинаясь: «Брат мой!»
«Да, это я,» — ответил Флориан.
«О, что ты делаешь здесь, в этом платье
И с этими людьми? Но кто они?

В овечьей шкуре волки! Волчья стая!
Ведь это заговор, чтоб все разрушить!»
«Совсем не заговор», — он ей ответил.

«Несчастный мальчик! Как ты не заметил
Ту надпись на воротах, что *«Мужчинам
Вход воспрещен сюда под страхом смерти?»*
«И если б это я и видел даже,
То все равно — хотя мы и Адамы,
Но безобидней мы вас всех в колледже;
Кто б мог подумать, что вы здесь — сирены,
Что петь готовы на мужских костях?»
«На это надо, брат, взглянуть иначе, —
Психея отвечала, — но сейчас
Вы шутите опасно для себя!
Мне говорить приказывает клятва.
Главы, Принцессы воля — из железа:
Она обрубит все, что непокорно».

«Тогда возьми ты жизнь мою, Психея, —
Сказал ей брат, — на страх мужчинам всем».
«Пусть я умру с тобой, — сказал Сирил, —
Лишь только познакомившись с Психеей».

Тут в разговор вмешался я: «Мадам,
Хоть мы замаскированы изрядно,
Люблю я все же правду; вот она:
Смотрите: Принц пред Вами, Ваш земляк,
Что с Леди Идой обручен давно был.
И потому приехал я сюда».
«О, Принц, отечества я не имею:
Я пересажена сюда, в колледж.
Так Вы обручены с Принцессой, сэръ?
Но не раздастся здесь любовный шепот.
О, как могу сказать я Вам: «Живите»? —
Я не принадлежу себе отнюдь.
И молнии удар молчит покуда,
Но он при том готовится извне».
«Остановитесь все же, — я ответил, —
Ведь надпись эта, думаю, не больше,
Чем просто видимость угрозы смерти.
Ведь если бы исполнилась угроза,
То что ей вслед бы началось? Война.
Погиб тогда бы колледж чудный ваш —
Испорчена была бы вся работа».
«Так пусть Принцесса это все рассудит, —

Промолвила Психея. — Так прощайте.
Боюсь за вас я, но уйти должна».

Тогда я снова возразил: «Скажите,
Не та ли Леди Вы Психея, что
Из пятого колена Флориана?
У моего отца висит портрет:
На нем — барон с нависшими бровями,
Худой и старый: он в боях сражался,
И предка своего в бою он спас,
Когда на поле брани тот упал.
Мы вспоминаем преданность его,
Что искренней была, а не холодной».
А Флориан добавил: «Разве ты
Не та Психея, с кем когда-то я
И в мяч играл, и змея запускал,
Выслеживал в долинах быстрых белок?
Не ты ль мне раньше делала компрессы
На лоб, не ты ль подушки мне взбивала,
Рассказывала древние легенды,
Со мною вместе пела и читала?
Такой была ты — кто же ты теперь?»
«Нет: Вы — все та же самая Психея, —
Изрек Сирил. — Ах, если б мог я сесть
У Ваших ног, с тем, чтоб собрать суметь
Разрозненные Ваши все познания».

Затем вмешался в разговор я снова:
«Не Вы ль в свое предсвадебное утро,
Когда король поцеловал Вас в щеку,
Всем заявили, что и на чужбине
Все Ваши связи старые навек
Останутся Вам дороги, и если б
Из наших кто-нибудь попал в беду
Иль был в какой иной своей нужде,
То Вы всегда ему помочь могли бы?
Вот так все было, как я рассказал».
«Ты — та Психея, — Флориан спросил, —
К кому олень когда-то подбегал,
Смертельно раненый стрелой чьей-то,
Когда вблизи колодца ты сидела?
В твои колени мордой он уткнулся:
Его кровь капала тебе на юбку;
Рыдала ты, хоть он тебе не брат был.
А кто же ты сейчас?». Сирил сказал

Вновь: «Вы — мать девочки прелестной, юной,
Что вечно просит Ваших поцелуев».

Ответила Психея: «Хватит! Тихо!
А почему бы мне не быть спартанкой
И чуткой матерью одновременно,
Как Люций Брут? Его зовут великим —
Политику на благо всех людей он
Вершил во времена упадка Рима.
Как я сама ребенка бы убила,
Коль это было бы необходимо,
Так он обоих сыновей убил.
Должна ль свернуть я с верного пути,
Чтоб брата с принцем я могла спасти?
Воистину, как тяжело, когда
Любовь и долг столкнутся вдруг у нас!
Однако, мне не даст покоя совесть.
Послушайте условия мои:
Как вы сюда пришли, — так и уйдите
Сегодня или завтра, поскорей.
Вы все пообещайте это мне».

Ну, что тогда нам оставалось делать?
Мы дали обещанье все. Она
Вдруг начала ходить туда-сюда,
Как в клетку заключенный дикий зверь;
Но Флориан ее остановил.
Она его протянутые руки
Взяла в свои; потом ему сказала:
«Тебя узнала сразу я; мне грустно
И радостно тебя увидеть, брат.
Прости мне эту грубость напускную —
То был мой долг. А как здоровье мамы?»

Она его поцеловала в лоб
И неожиданно к нему прильнула;
И разговор начался между ними
Семейный: фразы шли от их души;
На них мы с удивлением взирали.
Так продолжалось до тех пор, пока
Не выпала вечерняя роса.
Раздался глас: «Посланье Леди Бланш».
Посыльная попятилась к двери —
То дочка Леди Бланш была, Мелисса.
Она держалась за дверной замок:
Розовошекая блондинка в форме

По цвету бледно-желтой, как нарцисс
(Ведь мать ее сей цвет любила очень).
Глаза Мелиссы были, как агаты
Среди прозрачных чистых моря вод;
Был свеж ее полуоткрытый рот.

И тут Психея Леди закричала:
«Мелисса ! Ты подслушивала нас?»
Ответила Мелисса ей: «Простите!
Услышала не по своей вине я.
Не надо думать, дорогая Леди,
Что я смогла предать бы в руки смерти
Сиих троих галантных джентельменов».
А та сказала ей: «Тебе я верю:
Всегда друзьями мы с тобою были.
Но знаю я, что мать твоя ревнива.
Так не теряй, дитя, благоразумья,
Чтоб вдруг не стать подобной Данаиде,
В руках держащей свой кувшин разбитый.
А коль организация вдруг рухнет,
Тогда я потеряю честь свою,
А эти люди — жизнь». «О, нет, не бойтесь —
Не расскажу я ничего, что Шеба (9)
Пыталась выведать у Соломона».
«Пусть будет так, — промолвила Психея, —
Что дальше новый свет нести мы сможем,
И пусть у нас все мирно разрешится:
Прийти ведь к Шебе может Соломон».
Изрек Сирил: «Мудрейшим из мужчин был
Царь Соломон, и чествовал он женщин.
И мы окажем Вам прием радушный,
Когда приедете Вы в гости к нам —
Мы Вам обязаны своею жизнью,
А я еще обязан чем-то Вам».
Чем — умолчал он. А в ответ она
Сказала: «Уходите: долго слишком
Мы были с вами вместе. Так сдержите
Вы обещание свое; тогда
Все будет хорошо — я полагаю».
Мы повернулись, чтоб уйти; Сирил же
Дитя Психеи на колени взял,
Подув на щечку пухлую его;
Психея же при этом улыбалась.
Ребенок хлопнул по лицу Сирила:
На этом совещание закрылось.

Полдня мы там ходили сквозь театры —
Амфитеатром были в них сиденья;
И, где б мы ни сидели, нам был слышен
Профессорский степенный громкий глас:
Ему усердно женщины внимали.
Одеты в капюшоны, доктора
Классические лекции читали,
Цитируя элегии и оды,
Что были полны сантиментов разных.
Во что мы только там ни углублялись:
В вопросы летописи, государства,
Системы, и морали, и мышленья,
И скал, и звезд, и раковин, и птиц,
Химических, физических законов —
Всего, чему учить вообще возможно.
А после мы, как лошади молодые,
Что, убегая, и забор снесли,
Всю ночь в открытом поле упиваясь
Свободою — мы с лекций убежали,
Наполненные знаньем до отказа.
Я произнес: «Ну, что же, господа,
У них не хуже, чем у нас, все это».
«Для них для всех накатана дорожка, —
Сказал Сирил. — Да, это хорошо;
Но что они когда изобрели?»
«Стыдись, — его одернул Флориан, —
Ты, видно, не усвоил ничего
Из лекции Психеи: ты молот
Все вздор какой-то и меня замучил,
И ты меня навел почти на грусть».
«Пустое, — возразил Сирил ему, —
Как не назвать сейчас мне мудрой ту,
Что мудрым сделала потом меня?
Узнал я больше от нее живой,
Чем если бы все Музы вдруг вложили
В зал моего ума свои познания.
А в зале этом — тысячи сердец;
Летит любовь там тысяч Купидонов,
Подобно звонким и безумным стрелам,
В сердца людей, в них вызывая боль.
Однако же, о, в зал со мною, сэр,
Вошел постарше юноша — глава
Компании, что производит стрелы,
С руками длинными; его Психея.
Он надвое сумел меня рассечь.

Что думаешь об этом, Флориан:
Я за живым созданием охочусь
Иль лишь за тенью? Будет ли успех?
Болезней предков нет во мне вообще,
Нет наваждений — тех, что есть у Принца.
А замки — то всего лишь тени тоже?
Она же лишь — владелица теней?
А если нет — должны ли эти замки
Тогда латать мой обветшалый плащ?
Мне дороги и замки, и Психея.
Но как мне слушать этих Докторов?
Один раз или дважды я желал
Кричать и эти цепи разорвать;
Но ты все контролируешь меня.
Все ж высказаться я решил сейчас,
В людских глазах чтоб встретить пониманье.
Пусть стихнет шаг мужской, и пусть румянец
Вспорхнет на щеки нежно, словно птица,
Сама не зная, почему. Но вот
Обеденный звонок: пошли!»

И мы

Пошли степенно посреди колонн,
Разбившись все по двое иль по трое,
Вокруг все озаря красотой
Коричневого, белого цветов.
Сверкал великолепьем длинный зал:
Точь-в-точь с цветами клумба. И нельзя
Не удивиться было нам тому,
Что в зале мы увидели тогда.
Но были мысли все мои о той,
Что, сидя в окруженье профессуры,
В мечтаниях о славе пребывала.
Там термины науки и искусства
Расслышать можно было в общем шуме.
Там Леди Бланш с фигурой увядшей,
С лицом надменным все на нас кидала
Свои пронзительные взгляды, как
Куница пред своим прыжком.

Молчанье

Затем торжественное прекратилось.
Мы отыскиали сад: народ гулял там.
Одни себе рассказывали что-то,
Другие пели и катались в лодке,
А третьи же в руках держали книги
Иль гладили ручных совсем павлинов,

Иль же играли в мячик над фонтаном,
Иль просто на лужайке возлежали,
Себе под нос все бормоча о том,
Что уж прошла весна их. Так о чем
Могло все это говорить? О том,
Что замуж все они хотели, чтобы
Вести хозяйство в доме. Но мужчины
Ничуть не жалуют ученых женщин.
А мы замаскированными были
Втроем, Судьбе подобно. А Мелисса
К нам подходила часто, объясняя
Все то, что на глаза нам попадалось.
Меж тем, закат уж близился, и нас
Колокола церковные позвали;
И мы свою прогулку прекратили,
Смешавшись с шестьюстами учениц:
Вдоль стен мы выстроились в две шеренги;
Громоподобно зазвучал орган,
Что исполнял священные псалмы —
Все это было сочиненьем Иды,
Благословляющим ее труды.

*

*Свеж и тих, свеж и тих
Западный моря бриз;
Вей потише, тише ты,
Западный моря бриз!
Над колыханием волны
От умирающей луны
Вей ко мне снова, бриз;
А мой маленький, милый мой сынок, спит.*

*Ты ко сну отходи —
Скоро отец придет в дом;
Спи у матери груди —
Скоро отец придет в дом,
Скоро он к сыну в гнездо возвратится.
С запада — серебра денница
Под лунным серебром.
Спи, мой маленький, спи, мой милый сын, спи.*

III

В сиянье белом Утренней звезды
Настал рассвет, Восток позолотив.
Мы поднялись и, тщательно одевшись,

Во двор спустились мы: хоть было там
Еще темно, но глав прекрасных Муз
Восток, однако же, успел коснуться.

Пока стояли мы вблизи фонтана
И наблюдали за игрою струй,
К нам подошла вдруг бледная Мелисса
Со влажными кругами под глазами
От недосыпа иль переживаний:
«Ах, убегайте вы все поскорее!
Все знает мать моя уже». Когда же
Ее спросил я с удивленьем: «Как?»,
Она заплакала: «Моя вина!
И в то же время не моя она.
Давно хотела мать моя ругать
Психею леди и ее сторонниц;
Хотела, чтоб главой была Принцесса,
Руками же они с Психеей были б —
И так решили с самого начала.
Психея стала правою рукой,
Мать — левой, иль, скорее, никакой:
Всегда студенток больше у Психеи,
И только у нее их вся любовь.
Заметила вас мать — *своих* землячек!
Но здесь не позавидовала ей.
«О, что за варвары, — она сказала, —
Девушки, что похожи на мужчин».
А при таких словах я запылала;
Остановился взгляд ее на мне,
И запылала я еще сильней.
И мать захохотала, наконец:
«Ты — девушка, что дивно так скромна!
Мужчины — на мужчин они похожи.
Так с «женщинами» этими часами
Вы были вместе?» А затем она
Слова ужасные произнесла:
«О, да, мужчины это, несомненно».
Я вздрогнула. «А ты все это знаешь».
«Ты ни о чем не спрашивай меня».
«Психея тоже знает, но скрывает».
Так мать моя дозналась правды сразу,
Не вытянув ни слова из меня.
И вот, пораньше встав сегодня утром,
Все это мать Принцессе сообщит;
Тогда раздавлена Психея будет.

Но вы все ж можете спастись — бегите
И мне в прощении не откажите».

«За что прощать, прелестная Мелисса:
За твой румянец? — возразил Сирил. —
Чем бледной быть, как лилия, уж лучше
Расцветить яркой краской нашу жизнь.
Давайте все же здесь еще подышим.
Пусть херувим какой-нибудь о нас
С насмешкой скажет: вот, мол, Ганимеды 10),
Что поднялись, однако, и свалились
Назавтра утром: надо задержаться».

И он ушел, а на его слова
В сомнении Мелисса покачала
Своими локонами. «Расскажи
Нам, как вражда меж ними разгоралась», —
К ней обратился Флориан тогда.
«Давно меж ними ссоры возникали.
Ревнивой слишком мать моя была
И очень резкой: натерпелась я.
Отца не знала я совсем; она ж
Лишь дураком его и называла.
Она воспитывала леди Иду,
Как заболела Королева-мать.
Сестра же Ваша, появившись там,
Тотчас же сердце Иды покорила.
С тех пор они все время всюду вместе,
Решая все проблемы лишь совместно.
Но мать моя, однако, утверждает,
Что у нее теории ее
Украла все Психея, чтоб снискать
Любовь ее учеников. Но я
Уже должна идти». Затем Мелисса
Исчезла очень быстро — тенью птицы.

И молвил Флориан, ей глядя вслед:
«Что за чистосердечная девица;
Уж если и любить кого — ее;
А как ее румянец был прелестен.
Она — не гордая Принцесса Ида,
Но и не бедная она Психея,
Которую та тащит на буксире».

Сказал я, что журавль о журавлях лишь
Болтает, голубь — о себе подобных.
Я ж буду лхнуть к орлу — ведь я орел —
Так, чтоб с ним вместе взмыть мне в небеса.

Моя Принцесса, о, моя Принцесса,
Что в каждой женщине себя узнает,
Что благородней, чем шестьдесят мужчин!
Хоть, правда, ошибается она, —
По-своему и это благородно:
Она ошибки носит, как корону,
Чтоб поразить и правду, и меня.
Она ступает гордо, как Юнона,
А говорит — как Солнцем ослепляет».

Беседа так, вышли со двора мы.
Потом мы на террасу набрели
И там на парапеты все припали
Над солнцем обагрённую равниной
И упивались ветром ароматным,
С дерев упавшую листву гонявшим.
И там к нам подошел тогда Сирил,
Сказав, зевая: «Трудная задача».
Но вдруг затем он голос свой повысил:
«Нет вовсе здесь сражающихся теней!
Я путь себе прокладывал сквозь стены
Их столь упрямого сопротивления.
Лес вырубить, наверное, было б проще,
Чем достучаться до почтенных женщин.
Я к леди Бланш пошел и, стукнув в дверь
И разрешение получив, вошел к ней.
Она хотела чем-то заниматься:
В ее глазах я вызвал злобный блеск.
Как только мог, я с нею вежлив был:
Ее просил смягчиться я учтиво,
Не разглашая нашей тайны этой.
Она ж заставила меня ответить:
Кто мы и для чего сюда явились?
Пришлось мне ей всю правду рассказать,
И удивил ее весьма рассказ мой.
Когда ж заговорил я о помолвке,
Она ответила мне резко, что
Ошибся сильно я в своих расчетах.
А я сказал, что надпись на воротах
Могла бы повредить и делу женщин.
«Не более, чем то, что есть уже —
Фаворитизм», — ответила мне Леди.
Я к сердцу матери воззвать пытался,
Но бесполезным это оказалось.
Потом я о войне заговорил,

Которая могла бы разразиться.
Но от нее я получил ответ,
Что долг ее — все это передать;
И я пришел в уныние совсем.
Но я решил подкрасться к ней опять,
Сказав: «Прошу: не медлите — решайте.
Я понял: Вы отнюдь здесь не в почете,
Хоть Вы все это сами основали.
Но если Вы закроете глаза
На неожиданный приезд наш этот
И нашему поможете Вы Принцу,
Я обещаю — будет Вам дворец,
И станете Вы править женским миром».
Пообещав сегодня дать ответ,
Она хранить молчанье согласилась —
И это все, чего я смог добиться».

Лишь только смолк Сирил, пришло посланье
О том, что Ида захотела сделать
До Северных земель прогулку с нами.
Она в послании нам написала,
Что стоит посмотреть на земли эти:
Там речка образует водопад
Вблизи бороздчатой развилки, где
Есть холм двойной, что позади платанов.

Мы согласились; все мы в нужный час
К крыльцу ее дворца пришли; и там
Она среди своих девиц стояла,
Их выше на голову всех, спиной
К колонне прислонившись и ногой
Касаясь одного из леопардов.
Я ближе подошел: я любовался.
И вдруг со мной случился приступ странный
С виденьем дома нашего внезапным:
Принцесса Ида показалась мне
Не более, чем зрелищем пустым,
А колледж со студентками ее —
Лишь маской мертвою, а сам же я —
Какой-то тенью сна, как будто все
Одновременно не было и было.
Но у меня все ж сильно билось сердце
От трепета и страсти, а затем
Вздых вырвался невольный у меня:
Меня сразить сумела Ида взглядом.
Но, наконец, мы к лошадям пошли;

Затем кортежем выступили мы.
Я ехал вслед за ней; она сказала:
«О друг мой, мы надеемся, что Вы
Вчера не очень строгой посчитали
Меня с одной из Ваших компаньонок».
«О нет, — ответил я, — но вот тому,
О ком мы говорим, возможно, Вы
Такой бы показали». «Вы опять? —
Она вскричала, — вы — его посланки?
Но говорите, и вопрос закроем».
Пробормотал я, что его я знаю —
Хотел бы знать, сказав ей: «Наш король
Сейчас весь в ожиданье — разве это
Не предварительный был договор?
Нет никого чистосердечней Принца;
А Вы такая, как он представлял.
Но если будете Вы непреклонной,
То Принца Вы сразите этим насмерть».

«О, бедный мальчик, — молвила она, —
Он что — читать совсем не может книги?
Иль нету у него спортивных игр?
Учений он военных не участник? —
Мужчины в них всегда находят радость.
Лелеет идеал он, как девица;
Я думаю — не лучше он девицы.
Такими сами мы когда-то были;
Зато сейчас мы цель свою нашли:
Божественность у женщин возрождать,
На пьедестал с мужчиной вровень встать».

Затем она надменно улыбнулась:
«А что до предварительных контрактов, —
Живем мы, не завися от мужчин, здесь.
Себе мы цену знаем, словно Вашти,
Что честь свою сумела сохранить,
Сбежав от пьяного царя в Шушане».

На это возразил я ей словами:
«Высочество тогда сумеет Ваше
Вдохнуть жизнь новую в того, который
Пристрастие имеет к Вам такое.
Я знаю Принца; я его ценю.
А вообще — какой тяжелый труд —
Оспаривать мужское превосходство!
Подумайте над тем, что я скажу Вам:

Вы можете всю жизнь свою сломать:
Вдруг явится наследница слабее
И сгубит все, что создано здесь Вами.
Тогда старанья Ваши — на песке след.
Неужто Ваша жизнь пройдет напрасно —
Совсем без исполненья долга женщин:
И без детей и без любви — без счастья?»

Она разгорячилась мне в ответ:
«Молчите, Вы, дикарка молодая!
И хоть любовь божественна у Принца, —
То, что мы делаем сейчас, — не жертва ль?
Вам не откажешь в храбрости — согласна:
Никто со мной не говорил так раньше.
Что до детей, то их мы тоже любим,
Но дети умирают временами;
Делам великим смерть же не страшна:
Их свет, как у луны и солнца, вечен.
А дети — их мужчины могут вырвать
Из сердца нашего порой, когда
Своею жалостью нас убивают
Иль ссорят нас друг с другом. Эти дети!
Нет никого несчастнее на свете,
Чем мать, сын у которой путь избрал
Неверный: нашей славе тут не быть,
Пусть даже будут ей рукоплескать
Сумевшие найти опоры точку.
А раньше мы все мухами лишь были.
Нам хочется работать, не боясь
Того, что продолжательницы наши
Сломают наших целей непреклонность;
Хотим плоды своих трудов увидеть,
Навечно след оставив в этом мире».

Я ничего на это не ответил —
Во мне уже сомненье зародилось,
Что я смогу завоевать Принцессу.
Она ж мои те мысли объяснила:

«Вам кажемся чудовищами мы, —
То несомненно — мы к тому привыкли.
А женщин большинство, как недоростки:
Они все в самых разных предрассудках,
Похуже, чем табу у дикарей.
Они не в состоянье догадаться,
Как мы радеем об их благе страстно.
Ах, коль могли б мы это доказать:

Ах, если б мы могли добиться целей
Своих ценой одной-единой жертвы,
Любою фазой смерти, — мы бы враз
На копыя спрыгнули бы иль в поток,
Чтоб для всех женщин выиграть свободу».
Она, казалось, смахивала слезы.
А путь наш проходил вверх по холмам,
Где в водопад переходила речка
И выносила на поверхность кости
Какого-то гигантского зверья,
Что жило здесь еще до человека.

Она на них внимательно взглянула,
Сказав: «Для нас так эти кости грубы,
Как грубы для потомков все мы будем».
А я спросил: «Зачем мечтать стараться
Представить нам того, кто нас создал?
Он — Мастер, мы — его творенья». «Вы
Так метафизикой увлечены!
Так завоюйте приз наш — брошь золотую:
На ней — Диотима: она учила
Того, кто, зельем отравившись, умер.
Она сидит — в восторге от предмета,
Он — от нее, что поучительно».
«И все ж, — счел нужным я заметить, — я
Не видел анатомии у Вас».
«Мы в голове имели эту мысль,
Но неприятна нам была идея,
Что наши ученицы будут резать
Живых собак бесстыдно, как мужчины,
Иль сердце человека расчленять,
Чтоб тайны микрокосма изучать.
Но, понимая важность этих знаний,
Мы сей вопрос открытым оставляем.
А сами мы, случайности предвидя
И не желая, чтоб пришли мужчины,
Томительными долгими ночами
Науку исцеленья изучали.
И коль Вы заболаете внезапно,
Возьмемся мы ухаживать за Вами.
Коснемся Вашего теперь вопроса
О Мастере и о его твореньях.
«Да будет свет», и свет возник, — то правда:
Мир действием единым сотворен был.
Но мы — отнюдь не все, а только части:
Мы можем жить и действовать и видеть

Частями только — от одной к другой.
И эта наша слабость создает
Тень — Время. Будем мы в тени работать,
Чтоб подготовить женщин к светлым дням».

И добротой взор ее светился.
Три мили мы проехали уже
И, наконец, пересекли мы мост,
Приблизившись к лужайкам у утесов.
«О, как прекрасно — восхитился я, —
Гулять здесь с теми, кто нас любит». «Да,
И также с философией прекрасной,
Что возвышает так воображенье.
Поля прекрасны эти, и не хуже,
Чем Елисейские луга в Раю,
Где Полубоги древние ступали».
Затем она служанкам приказала:
«Вы на траве здесь павильон поставьте
И разложите пищу». Те тотчас
Поставили палатку из атласа,
Изображавшую триумф Коринны,
Которая Виктора победила.
А мы пошли взбираться на утесы:
Сирил — с Психеей, Флориан — с Мелиссой,
Я ж — с той, с кем обрученным был давно.
И заскользили руки по скалам,
И ноги наши засверкали там,
Как на утесе темном горсть бриллиантов;
Мы разворачивались и петляли
Вкруг скал отвесных, зарослей густых,
Стуча, звеня и звонко выкликая
Различные названия камней:
Амилгалоид, амфибол, песчаник,
Базальт, трахит и туф, покамест Солнце,
В размерах увеличившись предсмертно,
Не закатилось все за горизонт;
И тени розовые появились.

*

*Сверкают ярко стены замка
И снег на пиках древних гор,
Шумит победно водопад,
Свет падает на гладь озер.
Труби, рожок: пусть эхо мы услышим;
Труби: пусть эхо вторит: тише, тише, тише.*

*Внемлите! Чисто и красиво,
Все чище и все красивей
От скал отвесных и от рифов
Звучат рожки из Края фей!
Труби, рожок: ответ долин услышим;
Труби: пусть эхо вторит: тише, тише, тише.
Смолкают звуки в поднебесье
И падают на холм иль в поле;
А эхо — от души к душе —
Растет оно для вечной доли.
Труби, рожок: пусть эхо мы услышим; 11)
Тебе пусть вторит эхо: тише, тише, тише.*

IV

«А здесь звезда заходит — Солнце наше, —
Сказала Ида, — отдохнем давайте».
И вдоль ущелий мы спустились вниз
Подальше от бороздчатых обрывов
Сквозь ароматный мрак к палатке нашей,
Что, словно светлячок, во тьме светилась
От лампы изнутри. Принцесса раз
Вдруг как-то о меня облокотилась,
Когда со своего коня слезала;
Раз-два она мне руку протянула
И трепетный огонь во мне зажгла.
Мы, наконец, ступили на равнину,
Потом в шатер атласный мы вошли
И дружно на ковер все опустились,
И руки мы усталые сложили;
А на столе играл огонь душистый
На золоте, вине и вкусной пище.

Затем Принцесса предложила всем:
«Пусть кто-нибудь споет для нас сейчас».
Одна из девушек ее запела:

*«Пустые слезы — мне их смысл неведом:
Какие-то отчаянные слезы
От сердца поднимаются к глазам
При взгляде на осенние поля
И при раздумьях об ушедших днях.*

*Свежи, подобно первому лучу,
Что вдруг на парусе твоём сверкнул,
Что собирает всех друзей умерших,*

*И грустны, как заката луч последний.
Как грустны и свежи былые дни.*

*Да, грустны и странны, как на рассвете
Птиц пение для гложущих ушей,
Когда для слепнущих очей окно —
Лишь как мерцающий квадрат оно.
Как грустны и странны былые дни.*

*И дороги, как поцелуй посмертный,
И сладостны, как поцелуй в мечте,
И глубоки, как первая любовь,
И так они отчаянно-печальны — 12)
Те дни, что никогда нам не вернуть».*

Она допела песнь свою так страстно,
Что ей слеза заволокла глаза;
Принцесса же с пренебреженьем неким
Затем к ней обратилась со словами:
«Ну, раз ты к пеплу прошлого зывала
Таким прекрасным голосом своим,
Что мог бы быть фатальным для мужчин,
То уши нам заткнуть бы лучше было:
Ведь грезы — праздности лишь порожденье.
Чем плакать нам о невозвратных днях,
Не лучше ли поднять нам паруса?
Пусть отнесут к истокам нас потоки,
Как те мерцающие глыбы льда.
Всему свое есть время в этом мире;
Не стану я с законами сражаться,
Чтоб обнаружить их потом златыми.
А прошлое пусть прошлым остается;
Пусть Вавилон уйдет в небытие:
Разрушены все идолы давно.
Мы ж не боимся звука труб вдали,
Отнюдь: они Надежду в нас вселяют,
Как тот парящий в воздухе орел,
Горящий и светящий, как рассвет».
Затем ко мне она вдруг обратилась:
«Вы знаете какую-нибудь песню
Земли своей родной, но не такую,
Где прошлое оплакивалось бы,
А песню, что содержит обещанье
И ставит перед нами цель благую?»

И тут я вспомнил песнь, что сочинил сам,
Когда следил за ласточкой одною,

Летящею на юг с моей земли:
Часть песни сочинил уже давно я,
А часть — когда запел я здесь ее:

*«О, Ласточка, летящая на Юг,
Ты к ней лети и упади на грудь ей
И передай ей то, что говорю.*

*Скажи ей, хоть известно это всем,
Как ярок, яростен, изменчив Юг
И как суров, правдив и нежен Север.*

*О, Ласточка, о, если б можно было
К ее окну мне тоже прилететь,
То я б залился трелями любви.*

*О, как хотел бы я тобою стать,
Так, чтоб она впустить меня сумела,
Чтоб был я рядом с ней до самой смерти.*

*Так почему же не спешит она
В любовь облечь свое скорее сердце,
Как ясень не спешит в листву одеться?*

*Скажи ей: по миру рассеян род твой;
Скажи, что лишь резвлюсь на Юге я,
Но ждет меня на Севере гнездо.*

*Жизнь коротка — любовь зато вечна;
Свет солнца северный недолговечен,
И очень краток лунный южный свет.*

*О, Ласточка! Ты к ней лети скорей;
Уговори ее ты стать моей
И передай: лечу тебе вослед».*

Я замолчал — переглянулись леди;
Потом, глаза расширив, рассмеялись;
А я не знал, что это может значить.
Но, улыбнувшись, Ида мне сказала:
«Они смеются вовсе не над Вами.
Любовная лишь ода Ваша песня!
А мы всерьез не принимаем их,
Нас к древнему Египту относящих,
Когда мы кирпичи там обжигали.
Коварны очень те мужчины, что
Изображают, воспевают нежность
И обволакивают ею жертву
Для будущего жертвоприношенья,

Слугу разыгрывая из себя,
Чтоб стать впоследствии таким тираном.
О, бедная душа! Жила ведь раньше
У нас девица знатная одна:
Проплакала она свои глаза
Из-за подобного обманщика,
Ей серенады певшего когда-то.
Ее любила я — ее уж нет.
Так с Музой богохульствуют мужчины!
А песнь великая — великим целям.
А сами мы поем Валькирий (13) гимны
Иль в рифмы облакаем пафос их.
Рождают песни сила, дух, свобода —
Не развлечения и не любовь.
Да и назвать любовью это можно ль?
Ах, коль могли б мужчины в спячку впасть,
Проснувшись подходящими для нас,
Что не служанки и не дети им.
На этом хватит! К Вам вопрос теперь:
Ответьте мне — да знаете ли Вы:
Не песня, а развитие почвы Вашей
Дает землячкам Вашим воспитанье?»

Затем главу прекрасную свою
Она ко мне с надеждой повернула.
Пока ж я напрягал свои мозги,
Пытаясь быстро вспомнить песнь такую,
Сирил, приняв вина, весь в возбужденье,
Вдруг начал петь кабацкие куплеты
О девках уличных и деревенских
И о сомнительных их похождениях.
Тут Флориан ему стал делать знаки,
Я — хмурился, Психея покраснела,
Насупила Мелисса свои брови.
«А ну-ка прекратить!» — вскричала Ида;
«А ну-ка прекратить, сэр!» — крикнул я.
И я, от ярости разгоряченный
И от любви к своей Принцессе Иде,
Его в грудь стукнул: завелся Сирил.
Раздался крик, как в осажденном граде:
«Бежим: иначе же мы тут погибнем!» —
То крик Мелиссы был. «Домой! По коням!» —
Принцесса отдала своим приказ,
Они исчезли, словно птичья стая:
В шатре лишь я и Флориан остались.

Сирила проклинал я в раздраженье:
Я чувствовал, что от меня тогда
Последняя надежда ускользала.
Затем раздался крик: «Глава! Принцесса!» —
Она, от ярости как бы ослепнув,
Опору потеряв, скатилась в реку.
Я тут же выскочил во тьму из света;
А там в реке крутилось платье Иды.
Я без раздумий сразу в воду прыгнул;
Вода же прибывала все; но, к счастью,
Я все же Иду быстро смог поймать.
Одной рукой гребя, как бы веслом,
В другой руке я нес надежду тех,
Кого зовем мы лучшей половиной.
И я, рукой своей схватив за древо,
Что было над водой, на берег вышел.

На берегу ее служанки ждали:
Одна из них вперед прошла и ношу
Мою взяла из рук моих: «Жива!» —
Они вскричали радостно; ее
Обратно занесли они в палатку.
А мне так было стыдно от всего,
Что не дождался я, когда она
Глаза свои откроет: я не стал
Искать своих друзей: ушел пешком я
(Ее потеряв конь был — я коня
Оставил своего ей). Через чащи
Я шел и инстинктивно вдруг нашел
Вход в сад их — тот, где крупные скульптуры
Кариатид (14), науки и искусства
Ворота обрамляли, на которых
Изображен мужчина был — охотник:
Оплакивал свое вторжение он.

Хоть вход в ворота был и заперт глухо,
Все ж небольшой зазор был наверху —
И чрез него забрался я наверх;
Оттуда на траву я спрыгнул смело,
Потом пошел вдоль липовых аллей,
Пока Большой Медведицы созвездье
Свои семь солнц не показало мне.

Вдруг эха слабого раздались звуки:
В неверном свете выросла фигура,
Что слишком высока была для женщин —
То Флориан был; прошептал он: «Тише:

Нас ищут: позднее отсутствие
Здесь будет нарушеньем всяких правил.
И более того: звучит призыв:
«Немедленно поймайте чужестранцев!»
Как ты пришел сюда?» Я рассказал.
А он сказал: «Меня там сторонились.
С досадою в душе сюда вернувшись,
Закрывшись капюшоном, затерялся
В толпе я и потом прокрался в зал
И, спрятавшись за статуею Юдифь 15),
За всем оттуда наблюдать я стал.
Там вызывали девушек на суд;
Они все отрицали, что нас знают.
Последняя из них была Мелисса:
Она отмалчивалась поначалу,
Затем ответила, что нас не знает.
Что мать ее нас знает иль Психея —
Она упорно это отрицала.
Отсюда Ида, зная Мелиссу,
Обеих виноватыми признала.
Потом она послала за Психеей,
Но не было поблизости ее,
И дочь ее внести она велела.
Затем она за леди Бланш послала.
Я улизнул. А где Сирил с Психеей?
Сбежали вместе? Плохо, коли так».

На это я ему заметил резко:
«Ты мнением таким своим о нем
Его обидишь больше ведь, чем я,
Его ударивший — ведь это только
Присуще паяцам — зло причинять
Тем людям, кто им сильно доверяет,
Позорить тех, кого они так любят.
Сирил, хоть шаловливым был он ночью, —
Но песнь его могла быть и похуже.
Надеюсь, что он не в воде сейчас.
Похож на лилию он водяную,
Что держится за крепкую основу,
Хоть может и качаться на ветру».

И только произнес все это я,
Как из-за тамариска вдруг на нас
Два надзирателя напали разом:
Был схвачен Флориан; я ж убежал.
Быстрее ветра неся я от них,

Следы свои запутывать стараясь;
Я слышал за собой пыхтенье их,
Но ничего уже я не боялся,
И я в душе своей смеялся даже.
Но вот о виноградную лозу,
Что ноги Мнемозине (16) обвивала,
Споткнулся я внезапно и упал,
И схвачен был затем и узнан я.

К Принцессе потащили нас потом —
Туда, где та на троне восседала:
Над ней светильник был, и от него
На лбу ее горел бриллиант так ярко:
Точь-в-точь мистический огонь на мачте,
О шторме очень скором возвещавший.
Расчесывали гребнями служанки
Ей длинные и черные власа,
Что были влажными еще тогда.
А прямо за спиной Принцессы Иды
Стояло восемь женщин деревенских,
Сильнее с виду даже, чем мужчины.

Мы подошли: толпа вся расступилась
И обеспечила нам доступ к трону.
За тронем же наполовину голый
Лежал Психеи маленький ребенок;
А подле трона, стоя на коленях,
Лицо свое от страха закрывая,
Мелисса сотрясалась от рыданий.
А рядом с нею Леди Бланш стояла
И говорила громко, как оратор:

«Все раньше было по-другому, Ида:
Тогда советы Вы мои ценили;
Я к творчеству смогла Вас побудить.
И я тогда любила Вас не меньше,
Чем любит Вас сейчас моя Мелисса:
Ведь матерью второй была я Вам.
А новую подругу заведя,
Вдруг стали постепенно Вы меняться:
Ценя ее столь мнимую открытость,
Со мной как лед Вы стали холодны,
И это было мне взамен награды,
Которую я честно заслужила.
Но я оправилась от той любви
И от желанья снова Вас вернуть;

Но главное — оправилась от мысли,
Что родились Вы для великих целей,
В которых я могла б Вам помогать.
И стал осуществляться этот план:
Мы с Вами постепенно получили
Росток из семени, что посадили.
А у Психеи все так быстро было;
Ее росток, за ночь одну расцветши, —
Он и увянет тоже очень скоро.
Студенток новых к ней Вы направляли,
Хоть я ее мудрей во всем и старше;
Землячка Ваша я — не как она.
И все же я надеждой утешалась,
Что в будущем ее разоблачат.
Потом сюда явились эти волки —
Знакомые ее; вчера *они*
С утра уединились с ней надолго;
Мне ж ничего никто не сообщил.
Но я, о благе общества радея,
Лицо их настоящее узнала.
Я к Вам пойти потом намеревалась,
Но я боялась получить от Вас
Холодный вновь ответ: «Благодарим,
Но пусть Психея это нам расскажет».
Вы пыл мой благородный принимали
За злостное стремленье устранить
Мою соперницу с ее поста.
А раз свою давала клятву я
Для пользы общества, то я письмо с ней,
Чтоб смысл ее сокрыть, разорвала.
Сначала я за ними наблюдала,
Затем пошла я все Вам рассказать.
Но Вы в тот день поехали с Психеей
Гулять на лошадях своих к холмам.
Я думала — Психея все расскажет.
Но разве это сделала она?
Лицо свое те монстры показали,
Своей природе грубой сообразно,
Как я потом узнала. А она,
Мной пристыженная (моя работа!)
За малодушие — она сбежала.
Осталась я — на мне Вы зло сорвали.
А я Вам посвятила жизнь свою:
Я здесь растратила свое здоровье,
Таланты и богатство все свое;

Вы знаете все это — не хвалюсь я.
Меня увольте, но тогда Ваш план
Лишится мудрости моей — не будет
Ведь от случайностей он застрахован;
Тогда мужчины справедливо скажут,
Что нам свет истины был неизвестен,
Что мы за призраком вели охоту
Там, где не ступят ноги человека».

И Леди Бланш замолкла. Ида ей
В ответ прохладно вымолвила: «Ладно;
Нарушили Вы клятву: уходите.
Но в колледже оставлю я Мелиссу».

Но горло грифа Леди напрягла,
В улыбке дикой губы искривив:
«Тот план был мой: гнездо я создала,
Чтоб вывести кукушку. Поднимайся!» —
И наклонилась, чтоб поднять Мелиссу.
А та, то к матери своей стремясь вся,
То увернуться от нее пытаюсь,
Свое лицо оборотила к Иде,
И взгляд ее исполнен был мольбы.
Картиной этой Флориан был тронут:
Она смотрелась, как Ниобы дочь,
Что руку прямо к Небу распростерла.
Но вот, пока мы на нее взирали,
В дверь вдруг вбежала, тяжело дыша,
С депешей женщина-курьер: она
Тут к трону подбежала и упала,
Отдав ее Главе. С недоуменьем
Ее взяла Принцесса, сразу вскрыв.
А мы вокруг молчание хранили
И лишь в догадках путались своих,
Пока румянец гневный не покрыл
Ей лоб и щеки, даже грудь ее.
Огонь так в небе с тучею столкнется,
Коль разъяренный крестьянин захочет
Кому-то отомстить и скирду сена
Врагов своих он в поле подожжет:
Так ярость эта багровеет в небе.
У Иды ног заблудшая овечка
Заблеяла, на мать сетуя горько.
Скрутила Ида свиток, повернулась,
Как бы желая что-то говорить,
Но не смогла, дар речи потеряв.

Потом она мне письма отдала,
Чтоб я прочел их. Зачитал я письма:
Сначала — то, что от ее отца:

«О, здравствуй, дорогая дочь моя!
Когда к тебе мы посылали Принца,
Не знали мы закон жестокий твой.
Узнав его ж, к тебе мы поспешили,
Но в руки мы его отца попали:
С твоими рядом ведь его владенья.
Он этой ночью окружил тебя;
Меня ж заложником он сына держит».

Письмо второе написал отец мой —
Обращено оно к Принцессе было:
«У Вас сейчас наш сын. Ни волосок
С его главы упасть не должен. Вы
Его нам невредимым возвратите
И руку Вы свою ему отдайте,
Оставшись верной своему контракту,
Хоть женщин жалуете больше — знаем.
Когда б распространилась ересь Ваша,
То запинали женщины мужчин бы.
Мы ночью уничтожим Ваш дворец,
Коль Принца не вернете нам живым».
Все это зачитал я и поднялся,
Заговорив поспешно с Идой: «Нет,
Не зарюсь на богатства Ваши я;
Но я ведом желанием заветным —
Дитя я королевского контракта.
Границ же Ваших я не нарушал,
Я не смеюсь отнюдь над полом Вашим:
Его я изо всех сил почитаю.
Хоть и мужчина я, все ж человекен,
И Вам принадлежит вся жизнь моя.
О Вас мне в детстве няня рассказала,
И я, бывало, что-то лепетал Вам.
Потом, когда я стал уже постарше,
Склонялись Вы ко мне со всех вершин
И были вся в огнях волшебных Вы.
Вас приносили южные ветра мне,
Шептали Ваше имя мне леса.
Ну, а теперь, раз я сумел найти Вас
Спустя так много ожиданья лет,
Будь даже слиты Вы с Кассиопеей,
Мужчиной я пришел увидеть Вас.

Конечно, здесь нужны слова другие,
Чтоб мысли выразить мои такие.
Сказать позвольте мне Вы только, что
Немало в городах у нас, в селеньях
Людей, что славятся своей красою.
Но вправду я нашел в Вас воплощенье
Моей мальчишеской мечты заветной.
Все это время Ваше совершенство
В моей душе такое производит,
Что я стремиться перестану к Вам,
Лишь только если Вы меня убьете
По своему злосчастному уставу.
Я не могу к Вам не стремиться, Ида:
Ведь говорят, что плод запретный сладок.
Кому же Вас тогда сильнее желать,
Как не мальчишкам, что уже мужают?
Для умирающих Вы — как дыханье:
Вы больше мне, чем нищему — богатство
Или же здравие — совсем больному.
Я с Вами полноценный человек,
Что состоит из половинок двух;
Из этих половинок двух Вы — хуже:
Ведь Вы себе загородили сердце
Системой, чуждой мне; я полагаю:
В отчаянье Вы привели бы этим
Любого из мужчин, который все же
На что угодно ради Вас пошел бы.
Я все-таки инкогнито пришел к Вам:
От Вашего отца вот Вам письмо».

Я, опустившись на одно колено,
Письмо ей дал. Она его поймала
И бросила его, не распечатав,
Себе под ноги: на ее губах
Как будто затаился приступ брани.
Она хотела что-то мне ответить,
Но во дворе раздался шум внезапно:
Там полселенья женского собралось,
Сверкая белоснежными плечами
И украшеньями, одеждой яркой;
Глаза их, будто яхонты, горели:
Смотрели все они на свет из зала.
И кто-то из тех женщин вдруг воскликнул,
Что на их землю армия вступила:
Она уже у городских ворот;

А некоторым было все равно.
О новом Вавилоне закричали,
Что обречен теперь он на погибель.
Над ними же спокойно возвышались
Фигуры мраморные Муз античных.

Но не была спокойною Глава:
Она прошла к открытому окну
И там застыла, как маяк среди бури,
Который красным глазом наблюдает
За разрушеньями вокруг себя.
Потом к толпе она простерла руки,
И глас ее раздался в общем шуме
(И тотчас стих внезапно этот шум):

«Вы, крикуны, чего боитесь вы?
Уже не ваша разве я Глава?
По мне, по мне ударит шторм сначала;
Но я мужскому грому брошу вызов.
Ну так чего ж боитесь вы тогда?
Хотели отомстить мужчины нам,
И вот они пришли, коль это правда.
Сама же я нести готова дальше
Знамена этих наших женских прав.
Готова заковаться я в доспехи,
Чтоб одолеть ряды своих врагов.
А если мы потерпим поражение,
За дело наше женское умру я.
И все же запрещаю вам бояться
Спустя шесть тысяч долгих страха лет;
И я хочу избавить вас от страха.
Для женщин же, кто панику здесь сеет
И больше любит болтовню, чем долг,
Мы завтра утром созовем собрание,
И мы их выгоним отсюда всех.
Невежами они пусть остаются —
Такими же, как матери их были, —
Имуществом живым, футболом пьяниц,
Прислугой — дома, дурами — в гостях».

В конце она руками замахала,
И разошлась с роптанием толпа.
Затем она с улыбкой, что похожа
На блик от солнца на утесе в бурю,
К нам подошла, со мной заговорив:

«Вели себя, как джентельмен и принц, Вы;
За все за это мы Вам благодарны;
Неплохо смотрите Вы в женском платье.
Вы нашу жизнь спасли от смерти нам:
Мы горько Вам признательны за это;
Но лучше бы нам было умереть,
Отдав реке суровой кости наши.
Теперь же — что мешает мне теперь
Вам отомстить — жестоко и кроваво?
Но раз отец наш ... Вы — как осы в улье:
Вы загасить наш свет сейчас хотите:
Посмели нашу клятву Вы нарушить
И обмануть сумели наших слуг.
И чтоб за Вас теперь я вышла замуж!
Чтоб, в соответствии с тем договором,
Рабыней Вашей стала я теперь?
Нет: даже если б для своей короны
Все золото мира Вы смогли собрать, —
Нам ненавистны Вы и Ваша ложь;
Нам дела нет до Вас и Ваших планов:
Уйдите! Не хотим мы видеть Вас.
Да выгоните их за ворота!»

И тотчас восемь женщин здоровенных
К нам двинулись; хоть дважды я пытался
Пред всеми ними оправдать себя,
Но опустились на мое плечо
Их сильные тяжелые ладони:
Они нас по ступенькам вниз погнали,
Чрез двор и вытолкнули за ворота.

Мы улицу вдвоем пересекли
И добрались до насыпи за ней;
Услышали мы голоса людей там,
Увидели огни. И тут случился
Со мною приступ странный мой опять,
А с ним ко мне сомненье подступило;
Все снова показались мне тенями:
Охранницы, Принцесса, короли,
А фантастическая эта ночь
И все, что там тогда происходило —
Все словно не было и словно было.
Затем тот приступ кончился внезапно
И странно — так же, как и начался,
И меланхолия ко мне подкралась,
Но ненадолго: я ее прогнал.

И так вот в полночь, в середине лета
На насыпи сидел я, наблюдая
За солнцем, что готовилось к рассвету;
И мы потом продолжили свой путь.

*

*«Твой слышен глас сквозь барабан,
Что к битве с ним зовет народ;
Твой лик представив сквозь туман,
В свои он руки бой берет.
Когда он слышит трубный глас,
Народ свой близ тебя он зрит,
Огнем врага встречает враз
И за тебя его разит».*

Так пела Лилия; казалось даже:
Сама она ту песню сочинила,
Вложив в нее всю ярость на мужчин.
А после с деланым негодованием
На то, что показалось ей насмешкой,
Вдруг призвала она к войне иль к битве,
Где те герои были бы убиты,
И можно было б сделать и конец.
А тот, кому принадлежала сказка,
Сказал: «Достались Ральфу Ваши флаги.
Что, если стану рыцарем я Вашим
И одержу победу в Вашей битве?
Что получу взамен я?» С нею рядом
Перчатка оказалась, и она,
Подняв перчатку, бросила ее,
Сказав: «Сражайтесь! Сделайте из нас
Всех славных и великих героинь».
И в Принца тут он перевоплотился.

V

Едва мы с другом насыпь миновали,
«Стой, кто идет?» — услышали мы крик;
И я ответил: «Двое из дворца».
«Еще тут двое: ждут они; идите».
Один из стражников вооруженных
Нас к лагерю военному повел;
И, наконец, увидели мы флаг наш,
Трепещущий как будто от того,
Что на палатке королевской львы
Шептались о войне.

Туда вошли мы;
Тут ослепил меня внезапный яркий свет;
Застыл я: вслушаться я попытался;
И мне стал слышен приглушенный смех,
Ну, а потом со всех сторон уже
Вдруг хохот оглушительный раздался:
Совсем вразрез со всяким этикетом
Два старых короля тряслись от смеха
И скалились молодые капитаны;
Бароны же с густыми бородами
Своими колыхали животами;
Оруженосец со смеху катался.

Отец мой, наконец, устал от смеха
И выдохнул другому королю:
«Король, свободны Вы! Мы Вас держали,
Как безопасности залог для Принца,
Коль это правда он — похож ведь больше
Сейчас на грязную он оборванку» —
Была на мне одежда рваной, грязной.
Потом же кто-то, рот прикрыв ладонью,
Шепнул на ухо своему соседу:
«Смотри: он был среди своих теней».
«Черт бы побрал всех бабок с их тенями! —
Вскричал отец. — Мужчиной надо стать,
С тем, чтоб с мужчинами уметь сражаться.
Ступайте же: Сирил все рассказал нам».

И мы, как те шkodливые мальчишки,
Что ускользнуть хотят от наказания, —
Мы быстро убежали восвояси.
В прекрасные доспехи облачившись,
Оставленные старую служанкой,
Опять пошли мы; встретился Сирил нам:
Сначала он смущенным был; потом
Мы, друг пред другом дружно извиняясь
За драку и за песню, помирились.
Затем поведал он нам свой рассказ.
Он, из палатки убежав в ту ночь,
Психею плачущую встретил вскоре.
«Ну, а потом нас твой отец схватил.
Вон там лежит Психея, в той палатке:
Лежит и ничего не говорит».

И он нам на палатку указал:
А вход в нее закрыт большим был камнем.

Мы внутрь зашли, увидев: средь оружья
И снаряженья разного, она
Лежала, всякой жалости достойна,
Завернутая в чей-то плащ солдатский,
Подобна статуи под драпировкой.
Служанка старая сидела подле
И стерегла, как мертвую, ее.

И встал тут на колени Флориан:
«Проснись, сестра моя, — он прошептал ей, —
Прошу тебя: ты не лежи так больше:
Не сделала ты ничего плохого».
И я к нему тут присоединился:
«Не надо больше так переживать Вам,
И я Принцессу тоже потерял».
Мои слова услышала она,
Потом зашевелилась, наконец,
Внезапно приглушенно застонала
И отняла затем плащ от лица,
Что было очень бледным, и уселась.
«Покинула ее, — она стенала, —
Я наше с нею дело предала.
Где жить? Вы не сдержали обещанья!
О, нет мне в этой жизни утешенья!»
«Все ж успокойтесь, — ей Сирил сказал, —
Живите для ребенка своего!»
На что она расплакалась, вскричав:
«О, дочь моя, единственный ребенок!
Ее мне не увидеть никогда! —
Ее оставит Ида у себя.
Умрет дочь от плохого обращенья
Иль от отсутствия к себе вниманья.
Мою малышку будут бить они
За каждую пустячную провинность,
Когда ее мать будут вспоминать.
Иль сделают они ее жестокой,
Чтоб в будущем меня не признавала.
Да, я плохую матерью была ей,
Раз там, у них, оставила ее.
Бежать за ними, криков их пугаясь,
Средь них испытывая стыд ужасный?
Но я вернусь и сяду у дверей
И стану дикое писать прошение,
Пока им всем вконец не надоем.
И мне они откроют дверь тогда,

К моим ногам положат дочь мою,
Мое дитя — прелестную Аглаю.
Ее забрав, пойду своей дорогой;
Ее целуя, душу успокою.
Ах! Я бы ничего не пожалела
Тому, кто мне б вернул дитя мое».
«Вы не волнуйтесь так, — сказал Сирил ей,
Получите его Вы». Тем не менее,
Она лицо свое опять закрыла
И улегалась ничком, не шевелясь.
По лагерю всему к тому моменту
Прошел слух, что Принц Арак прибывает;
С служанкой мы оставили Психею.
А короли седые между тем
Как раз за стол переговоров сели.
И там предупредил отец мой Гама:
«Вы уговор наш выполняйте; дочь
Испортили Вы, и она смеется
Над нами; сдастся пусть, иль быть войне».

А Гама повернулся тут ко мне:
«За Вас действительно мы все боялись:
Ведь Вы опасностям там подвергались.
Ее Вы любите. Так быть войне?»
«Нет, только не война, доколь возможно, —
Сказал я. — Я казаться буду Иде
Еще чудовищней в дыму войны
За оскорбление ее войной,
За осквернение святынь ее,
За выброшенные из жизни годы
И за развалины дворца ее.
Сейчас она презрение питает
К тому, кто план ее сорвать желает;
Ему на смену ненависть пришла бы;
Я стану общим их врагом тогда.
Тот узел будет легче развязать мне —
Нет, вовсе не войной, а благородством.
Мне от нее любовь ее нужна.
Так кем тогда я буду, коль позволю
Себе разрушить ваши города?
Ведь способом таким любовь не купишь,
Пусть даже в цепи Иду закую.
Бог для меня и взмах ее ресниц;
Я шанс ловил свой на ее ошибках,
Пока его совсем не упустил.

Но это лучше для меня, чем быть,
Как мамонт, в лед закованным, иль словно
Тот старый Бог войны на пепелище».

А мне ответил жестко мой отец:
«Совсем ты плохо знаешь их — девиц;
Когда, мой мальчик, лепет твой я слышу,
То я почти что верю той легенде.
Но сэр! Мужчина был всегда охотник,
А женщина — всегда его добыча.
Мы их преследуем из-за красоты их;
За нашу смелость любят нас они.
А мы, как лошадей, их объезжаем,
Им лстя, им потрафляя иногда.
Стыдись! Ведь нет им никого милей
Мужчины, что бросает вызов всем.
Средь женщин появляясь после битвы
Под звуки труб, гарцуя на коне,
Он ловит их в своих побед ловушку;
И все, что он целует, — все в крови.
Вот так твою я мать завоевал.
Она была хорошею женой,
Достойной моего завоеванья.
А та — смутьянка, коль Сирил твой прав, —
В силки дракона легче ведь поймать».

А я сказал: «Согласен; но узда
Натурам диким мудрая нужна.
Нет, вовсе не солдат Принцессе нужен:
Я это понял, наблюдая, как
Она вчерашней ночью оживала,
Когда ее бесстрашно я спасал,
Как истинным мужчинам подобает.
Хоть для тебя едины все они,
Но много в них различий — как и в нас.
Фиалки отличаются от лилий,
Как дуб от вяза. Так, одни из них
Солдат лишь любят, а другие же —
Священников миролюбивых; вера
Безгрешная их — как луна над хлевом:
И клоунов, и сатиров прославит,
Которым так культуры не хватает.
Так разве Ида в этом не права?
И разве этого они достойны?
А та, о ком ты только что сказал, —
То мать моя — ее спокойный облик

Как будто отчеканили когда-то
Изготовители монет золотых:
Нет лишних мыслей в ней иль жестов лишних,
— Все чисто, как подснежника прожилки.
Послушай: нет во мне противоречий,
Я не впадаю в чувственную грязь,
Но целостен я и един всегда.
И если бы мужчины были сами,
Как женщины — правдивы и добры,
Как хочет от мужчин того Принцесса, —
Тогда б такой вопрос не обсуждался.
Войны не надо вовсе, я считаю,
Иначе все тогда я потеряю».

«Есть смысл в словах у Вас, — ответил Гама. —
Любили сами в юности своей мы,
И не считали мы, что чувство это,
Что раскаленному сродни железу,
Ударов требует для оформленья.
Как Ида говорите Вы почти.
Имеет право говорить *она*:
В ее словах есть что-то, — Вы сказали.
Но в Вашей речи больше доброты.
За это вот, Принц, мы и ценим Вас. —
Принц этот добрым кажется таким,
Хочу, чтоб нашу дочь он получил.
Все остальное возместим мы сами.
Хоть вы пересекли границы наши, —
При этом не задели вы, однако,
Ни пахаря главы на нашей пашне,
Ни ферм не поджигали наших вы.
И пусть ваш Принц (вот слово короля,
Что невредимым он от нас вернется)
К границам нашим едет вместе с нами
И с принцем Араком пусть вступит в разговор.
И я ручаюсь, — сдержит слово Арак,
И наши все увидят, что друзья мы.
Поехать могут и другие гости;
Мы сможем разработать план какой-то».

Пожал он руку моему отцу:
Тот что-то пробурчал ему в ответ;
Переговоры кончились на этом.

Потом поехали мы с королями
Под сенью древ громадных чрез луга;
Там о Весне звенел нам каждый пень,

А птицы все нам пели о любви:
Они во мне желанье пробудили
Поведать о любви двум королям,
Которые мне обещали помощь.
Тяжелая роса с цветов душистых
На наши шлемы упала мирно.
Но не о Мире мысли нам пришли
При виде укрепленных полей брани
И эскадронов принца Арака.
И вот среди них раздался громко крики,
Что словно чествовали короля;
И громко ржали вздыбленные кони;
Оружие бряцало, барабан бил,
И звуки флейты боевой звучали,
Знамена же зловеще развевались.
Три капитана подскочили к нам:
Я мускулов таких не видел раньше;
Посередине, выше всех, был Арак:
Он на свою сестру похож был очень
Движеньями своими всеми даже:
На них играл как будто луч с Востока
И зажигал глаза их, словно звезды,
Что на морозе светят в темноте.
Как Сириус оттенки вдруг меняет
От красного до изумрудного,
Так шлемы их, блестя, переливались.

А я, о мире говоривший прежде,
Едва услышав музыку войны,
Почувствовал, как ослепленный зверь,
Что затаился в каждом из мужчин,
Во мне проснулся вдруг, готовый к бою.
Король, собрав в круг сыновей троих,
Взмахнув руками, все им рассказал.
Притворно улыбнулись нам гиганты
Своей такой дежурною улыбкой.
В седле три раза приподнявшись, Арак
С такими к нам словами обратился:

«Земля у нас захвачена, проклятье!
И вот я сам, ваш пленник, перед вами.
Но мой отец войны не хочет вовсе.
Тогда вопрос о брачном договоре
Открытым остается: явно здесь
Касается он честности ее.
Так высоко она взлетела! Все же

Она себе просила лишь свободы
И честной лишь игры в своей системе,
Меня ответственным за это сделал.
Да разве знаю я об этом что?
Взлетела высоко она! Так что ж?
Я думаю, она права частично;
А я к ней отношусь, как бы к цветку.
О, Принц, она сердечной может быть,
Но только с теми лишь, кого полюбит.
Она заставила меня поклясться,
И на ее теперь я стороне.
И это все: она не согласится;
Отбросьте Ваши требования здесь.
А если нет, то только поле брани
Сумеет враз решить все, о, проклятье,
Хоть против воли моего отца».

С ответом медлил я, — я не желал
Ни от своей помолвки отказаться,
Ни с помощью войны разлад усилить.
Но, наконец, второй из этих братьев
На губы указал свои с щетиной,
Тем вызывая нас на поединок:
«А под одеждой женской — сердце женщин» —
Была его насмешка, как удар!
Ему в ответ Сирил тут нагрубил;
И я ответил братьям тоже резко,
Задетый за живое их насмешкой:
«Нас трое на трое: вопрос решим здесь».

И третий брат заговорил потом:
«Пусть трое на трое лишь — и не больше
За дело благородное сестры?
Людей нам нужно больше — ради чести:
По пятьдесят на каждой стороне!
И наш вопрос сумеет разрешиться
При пораженье этих или тех».

«Согласен, — я ему ответил сразу. —
Здесь если и должна быть цель какая,
То только честь. А что решим потом?
Уж если проиграем — проиграем;
И если победим, то проиграем:
Она верна не будет договору.
«Проклятье! Так давайте ей посланье
Отправим, — Арак предложил тут нам. —

В нем доводы свои мы приведем
Так, чтоб она ответ нам написала».

«Ребята!» — старый закричал король,
Но был уже напрасен крик его:
Он ничьего вниманья не привлек,
И больше было нечего добавить.
Мы в лагерь моего отца помчались,
А там узнали мы, что мой отец
Посыльного к воротам отправлял,
Чтоб разузнать, уступит ли она.
Три раза ездил к ним посыльный этот:
Хоть он в трубу трубил и бил в ворота,
Ему ворот, однако, не открыли.
А в третий раз те восемь женщин сильных
Внезапно быстро вышли из ворот:
За волосы его схватив, избили
И разъяренным сделали его.
И в тех воротах промелькнула Ида,
И он сумел поймать тут взгляд Принцессы,
Что непоколебимой, верной цели
Все ж оставалась, хоть и окружили
Две боевые армии ее.
И так она стояла величаво;
И воля твердая ее тогда
Зажгла во мне огромное желанье
Иль одолеть ее, иль храбро пасть.

Когда ж я своему отцу сказал,
Что буду в поединке я сражаться,
Он раскричался и всплеснул руками,
Но под давлением лордов бородатых
С их доводами, что подкреплены
Их возрастом и положеньем их,
Расстроенный, он, наконец-то, сдался.
И много рыцарей отозвалось
И за меня сражаться поклялось.

От самых стен дворца до сада стен
Раскинулось широко поле. Арка
Как над дворцом с колоннами была здесь;
Под аркою — из мрамора ступени,
На них же — барельеф, изображавший,
Как Томирис раз Кира (17) наказала;
Сейчас он заколочен был, однако.

Все это утро вестники шныряли
С посланьями о вызове на бой.
Последнее из них — от Иды к брату,
Написанное царственной рукой;
Но, видно, кое-где она дрожала.
И я, его поцеловав, прочел:

«О, брат, ты должен знать, как нам порою
Бывает больно, как мы в гнев впадаем,
Узнав о тех, кто женщин угнетает,
О землях тех, где плеть у алтаря
Дает невеста жениху в подарок,
О сердце женском, что хотят сломать,
О матерях таких коварных, что
Своих же дочерей в речной поток
Выбрасывают по вине пророчеств.
И я увидела, что та же низость
Осталась даже в наши времена;
Хотя и мягче стали к нам мужчины,
Но старая закваска сохранилась:
При требованье социальных прав
Мужчины женщин не берут в расчет.
Настроилась враждебно я к мужчинам.
И здесь я круг свой создала, который
К мужчинам не имеет отношенья,
Его реликвиями наводнила
И институтами я защитила.
И так, усердно изучая право,
Чтоб никогда не стать мужскою жертвой,
Добиться мы смогли больших успехов.
Но вот парней явилась свора наглых
И книжный наш нарушила покой,
Под наших девушек переодевшись,
Болтая о любви не знаю что
С какой-то отговоркой о помолвке.
И я хочу пресечь забавы их;
И нет совсем в моих поступках фальши.
Я знаю — правое движенье наше;
Прошу тебя я за меня сражаться.
А если ты в сраженье проиграешь —
Тогда уже стерплю я что угодно.
Но верю я — не должен проиграть ты.
Но все же не лишай его ты жизни:
Своею жизнью для меня рискнул он.
Сражайся и сражайся храбро очень.

О, Братья вы мои все дорогие,
В обличье женском Ангел вас хранит.
Ведь вы — единственные из мужчин,
Кому участвовать в сем деле можно.
Вам статуи воздвигнем мы у нас,
И песни будем мы вам исполнять.
Когда же отшвырнем мы надоеду,
Мы сделаем гигантский шаг вперед,
И вырастим мы поколение женщин,
Способное идти по жизни верно.
Омоет Знание дождем свободы
Всех тех, кто населяет Юг и Север».

Затем там шел подчеркнутый постскриптум:
«Смотрите, чтобы в лагере у вас
Предателей бы не нашлось коварных:
Сейчас изменников полно у нас,
И никому довериться нельзя.
Девичам нашим лучше дома быть.
Для нас единственное утешенье —
Той недостойной матери дитя:
Она его оставила; назад
Она его уж больше не получит;
Ребенок вырастет и мать забудет.
А утром я его брала в кровать:
Меня очаровал он и, казалось,
Ослабил гнев на мир мой. Так прощайте».

Закончил я читать; отец промолвил:
«Упрямица она, но все же может
Сидеть от короля по праву руку,
Воспитывая воинов средь бури!
Хоть ослеплен огнем Любви ты диким,
Что заменила здравый смысл тебе,
Не будь ты Гамой, что сидит в болоте
Ленивого долготерпения.
Когда мужчине веса не хватает,
То женщина его приобретет,
И тем перевернет она устои.
Но непреложный есть земной закон,
Основе мироздания подобный:
Нужны мужчинам только меч и поле,
А женщинам нужны очаг, иголка.
Глава — мужчина, женщина же — сердце.
Командовать всегда мужчина должен,
А женщина покорной быть должна;

Иначе будет хаос невозможный,
Коль вдруг командовать начнет она.
Но помни все ж, что юная она, —
Ее переломить ты должен мягко.
И вот тогда, обуздана тобою,
Принцесса выгодно бы отличалась
От женщин, о правах кричащих в доме.
А говорят, она благообразна,
И я ее люблю, хоть осуждаю.
Родить и воспитать потом ребенка —
В том женская вся мудрость, мальчик мой».

Так говорил король суровый старый.
А я пошел — была ведь ночь уже.
Я долго думал над ее письмом,
Над фразой: «Не убивай его».
Но голос из лесу я тоже вспомнил:
«Иди, иди, не бойся: победишь ты».
Я думал также о словах отца,
О том, чем угрожал колдун сожженный —
Что некто с тенью должен будет драться
И пасть при том. И снова, словно вспышка,
Возникло странное вдруг ощущение,
Что и король, и лагерь, и колледж —
Всего лишь декорации пустые,
А я по древнему мемориалу
Хожу, борясь с забытыми тенями.

Уж полдень был, когда очнулся я.
Надев плюмажи и коней пришпорив,
На бой мы вышли, замерев на миг:
Нас было пятьдесят на пятьдесят;
Но вот раздался громкий звук трубы,
Мы, всадники, пошли на стенку стенка,
Ну, а потом со скрежетом сомкнулись.
Но было это для меня, как сон —
Как будто сон я видел о сраженье:
Там в ярости вздымались наши кони,
А из разбитых шлемов шел огонь.
Одни бойцы стояли неподвижно,
Другие на конях своих кружились,
А третьи по земле катались, чтобы
Потом вдруг встать и снова наступать.
А дальше были Арака полка два —
Реестр военный Арак возглавлял.
Удары от цепов гигантских всюду,

Подобно грому, сыпал он вокруг;
Равнина ж — вся из копий и булав —
Тряслась, как наковальня скрежеща.
За Араком—гигантом наблюдал я
И даже начал было сомневаться,
Что карлик Гама был его отцом —
Нас, видно, больше формирует мать.
А позже, вдруг своей мечте поддавшись,
Я глянул в сторону дворца Принцессы:
Он трепетал от женских глаз и флагов.
А самая высокая из женщин
Средь статуй, статуи сама подобна,
С Психеи леди дочкой на руках
Стояла Ида и на нас смотрела —
Сама Святая Слава в небесах.
Какая святость в ней — неумолимой?
И нежности в ней нет ведь, беспощадной.
Однако, все же видит, как сражаюсь;
Так пусть увидит, как я умираю!
И, окрыленный той мечтой своею,
В сраженья гущу устремился я
И частью стал единой общей массы.
Но вот, сквозь стену воинов пробившись,
Огромный воин вырос предо мной:
Он был подобно туче грозовой,
Что крыши увлажняет поначалу,
Потом, однако, молнией сверкает.
Друг Флориан протиснулся ко мне,
Но на него сумел наехать Арак;
Увидев это, тут Сирил подъехал
(Он обернул свой шлем шарфом Психеи) —
Неутомимый, сильный и проворный;
Но тверже, крепче и сильней был тот,
Кто поразил его и наземь сбросил.
Тут ярость разогрела кровь мою:
В последний раз пришпорил я коня,
С врагом схватился я — с рукой рука
И меч с мечом, один конь на другого;
Я крик издал, потом нанес удар,
Но я перо лишь разрубил мечом;
Мечты и явь покинули меня:
Меня накрыла тьма, и я упал.

*

*Мертвым к ней бойца ее
В дом внесли — она молчала.
«Пусть поплачет, иль — умрет», —
Вся прислуга тут сказала.*

*А затем хвалить его
Слуги принялись любовно —
Верного и храброго,
Но она застыла словно.*

*И одна из них тогда
Подошла к бойцу вдруг смело,
Лик его открыв, но та
Вся как будто онемела.*

*Няня дряхлая мальчишку
Их тут обняла, скорбя;
Вдруг раздался плач: «Сынишка,
Буду жить я для тебя».*

VI

Мечта не ожила и не исчезла.
А я лежал, как между сном и явью:
Не видя, видел и, не слыша, слышал.
И даже если я чего не видел,
Об этом позже все мне рассказали.

И мне казалось — иль сказали мне так, —
Что стало все трагичней, необычней:
Когда моих бойцов всех победили,
Начался плач великий, что Принц пал.
Услышал это старый мой отец,
Нашел меня, склонился надо мною,
И с головы моей он снял мой шлем;
А вслед за ним Психея подошла.

Но высоко, поверх дворца, стояла
С дитя Психеи на руках Принцесса;
И там, над крышами, она запела:

*«О, пал наш враг, о, пал наш враг, а семя —
То семя малое, что их смешило, —
Сквозь почву проросло, дало громаду:
По тысяче рук на каждой стороне,
Что к дружно к Солнцу устремились в небо.*

*О, пал наш враг; когда они явились,
То листья от слез женских были влажны;*

*Они не понимали песни наши
И приговором песни заклеямили
И все бы пресекли, но пали сами.*

*О, пал наш враг, о, пал наш враг: явились
С своими топорами дровосеки.
Деревья падают: поберегитесь!
Мы ж хворост сделаем из тех деревьев,
Мосты и лодки людям всем на пользу.*

*О, пал наш враг: удары нанеся,
Они же и поранились от них:
Не знали ведь они, что в наших зернах
Железные натуры обитают:
Топор им руки отрубил до плеч.*

*О, пал наш враг, о, пал наш враг, а семя
За Лето и за Осень проросло,
И принесло оно мощнейший плод,
Когда ускорило вдруг Время ход.
Пусть горы сотрясаются меж звезд
И мирозданья прочные устои».*

«Ну, а теперь послушайте, девицы:
Хоть и разрушен наш уже алтарь,
И наши все нарушены законы, —
Да так, что хуже их нельзя нарушить, —
В анналы будет вписан день сраженья;
У нас отныне будет вечный праздник,
Когда золотого века героини
Зиму с себя стряхнут Весне навстречу,
Так, чтоб овации вокруг них звучали.
Идите ж к нам: мы будем либеральны,
Коль выиграла мы свои права.
Пусть раненые не лежат в палатках
Военных с грубыми мужчинами.
Вы, сестры милосердия, снизойдите
И им гостеприимство окажите».

В руках она держала все ребенка.
Но, наконец, она спустилась вниз
И повела сквозь парк служанок сотню.
И утонули ноги их в цветах,
А в воздухе прозрачном мимо них
Пронесся будто легкий вздох влюбленных;
По ним скользили нежно блики света,
Когда в тени деревьев шли они.

А Леди Бланш пошла тайком за ними.
И вот, к турнира месту подойдя,
Они по полю начали кружиться,
Легко, как бы по воздуху, ступая —
Точь-в-точь прелестные создания Бога —
Там, где лежали раненые братья
Принцессы. На одно колено встав,
С ребенком на другом своем колене,
Она спасителями назвала их,
Чьи имена бессмертье ожидает.
Еще сказала раненым она:
«Не надо вам в палатках этих быть:
Мы лучше вас возьмем к себе сейчас;
Ухаживать за вами будем мы —
Мы, за которых вы сражались храбро».

Потом вблизи меня она прошла;
И старый лев поднялся от меня:
В его глазах сверкали слезы горя.
Когда она увидела меня
Лежащим неподвижно и без шлема,
Кто даже к ней тогда был безучастен,
И моего отца в глубокой скорби,
И бороду его в моей крови,
Она, вдруг ужаснувшись, задрожала,
И тень коснулась вдруг ее чела,
И тут ее лицо все изменилось:
«Он жизнь мне спас; его убил мой брат».
А мой отец, презреньем к ней объятый,
Портрет ее и локон снял с меня
И над своею головой поднял их.
И это все увидела она,
И в памяти ее всплыл день, когда
С нее сей локон мать ее состригла —
Еще до зры Леди Бланш то было.
Она опять взглянула на меня,
Поняв всю глупость Фарса своего;
В ее груди внезапно сердце сжалось.
Моих бровей она коснулась пальцем,
И молвила она тут: «Сэр, он жив:
Он не убит. Так разрешите мне
И братьям взять его к нам во дворец.
И станем мы заботиться о нем,
Как о любом другом из сих бойцов.
А если это так произойдет,

То поколеблен будет наш прогресс
В угоду этим вот занятиям женским».

А при словах счастливых, что я жив,
Отец опять склонился надо мною:
Его любовь как будто обновилась.
Так надо мной стоял отец мой с Идой,
Хоть были меж собой они врагами.
Тем временем Психея к нам прокралась.
Ребенок же ее лежал на травке —
Он без присмотра там оставлен был;
Он мать свою узнал и засмеялся,
Простер к ней ручки пухлые свои.
Не вынесла Психея тот призыв:
«Он мой — не твой, — она вскричала Иде, —
Так возвращай же мне мое дитя!»
Все, будто вздрогнув, замерло при этом;
У всех вокруг крик этот вызвал жалость.
Так в горе мать несчастная стояла,
И все вокруг к ней лица повернули:
Вздымалась от волненья грудь ее,
Бледна она была от напряженья,
И порвана была на ней одежда.
Но не было ей дела до того,
И вскрикивать она все продолжала,
Пока ее не услышала Ида
И голову свою не подняла
И встала, оторвавшись от меня —
Прямая и безмолвная такая,
Дитя и мать пронизывая взглядом.
За мною раненый Сирил лежал:
Теперь привстал он на одно колено.
И посмотрела Ида на него:
В ее глазах блеснула жалость, вроде.
Но вот она лицо его узнала,
Песнь вспомнив злополучную его,
И в весь свой рост она тут снова встала
И выросла над ним, как тень большая.
Но храбро обратился к ней Сирил:
«Прекрасная, жестокая Принцесса!
Ты — Львица: та, чьи кудри — грива Льва!
Но все ж ужасней и сильнее тебя —
Природа и Любовь. Теперь смотри:
Твоя нога уже на горле нашем:
Ты — Победитель, мы покорены.
Неужто не достаточно тебе?

Верни Психее ты ее ребенка,
Оставшись в одиночестве своем!
Отсюда говорим тебе: живи
И женщин завоевывай сердца.
Но берегись: всеобщую любовь
Уже не завоеешь никогда:
Людей всех ненависть тебя придавит,
Как Немезида (18) или бумеранг.
Одной собою только занята,
Ты потому не будешь никогда
Держать в своих руках свое дитя.
Скорей верни ребенка ты Психее,
Коль ты сама любила мать свою
И коли сердце женское имеешь.
Но если ты считаешь униженьем
Психее протянуть ее ребенка,
Дай мне *его* — я передам его».

Ему в ответ взяла ребенка Ида,
О нем вся в размышленья погружившись:
«Бутон прекрасный! Лилия долин!
Лесной полураскрытый колокольчик!
Ты мне единственным был утешеньем
Во время смутное в сем мрачном мире.
Мое ты чудо, мой залог любви;
Прощай: не суждено тебе моим быть —
Суровы к нам мужчины, как и прежде.
Мечтала раньше радостно о том я,
Чтоб все твои дела моими были.
Хотела что-то значить для тебя я,
Твою беспомощность осознавая
Унылым утром у своей груди.
Пусть будет мать твоя с тобой правдива,
Как лжива, лжива та была со мной!
А нужды у тебя вдруг игом станут —
Пусть иго будет мягким, как свобода».
И тут она его поцеловала,
Сказав: «Тебе желаю я всех благ!
Возьмите, сэр, его», — и отдала
Ребенка в руки жесткие Сирила.
Сирил потом к Психее повернулся,
А та к нему навстречу побежала,
Из рук его ребенка забрала,
Его прижала крепко ко груди;
А успокоившись, сказала Иде:

«Подругами с тобой мы были раньше;
На родину теперь я возвращаюсь:
Для планов же твоих не подхожу я.
Прости меня, скажи мне что-нибудь».

Но Ида ничего не отвечала,
Вся словно поглощенная ребенком.
И Арак вымолвил тогда: «Проклятье!
Мужчин ты осуждаешь, но и ты
Здесь не права: ты женщина сама,
Но здесь жестока ты к себе подобной.
Так подойди к ней – видишь: плачет та».

Но Ида ничего не отвечала;
И Гама раскрасневшийся тогда
Свою невозмутимость потерял:
«Я слышал, что железо есть в крови;
Я верю этому. Ни слова даже?
Откуда у тебя стальной характер?
Нет, не от матери, не от меня.
Мать о тебе сказала перед смертью:
«У Иды, нашей дочки, сердце есть.
Но проследи, чтоб рядом с дочкой нашей
Всегда был кто-нибудь авторитетный».
И я искал такого человека:
Все говорили мне о Леди Бланш.
И столько пользы от нее нам стало!
Ни слова даже от тебя теперь! –
Хоть просит твой отец тебя уже.
Но непоколебимо ты стоишь,
Как Лота (19) непослушная жена.
Все рыцари достойные в увечьях;
Средь рыцарей не будет, я надеюсь,
Смертельно раненых за твой каприз.
Ужель за это мы дворец отдали,
Где так приятно раньше отдыхали?
Иль рождена ты, чтоб нас мучить только?
Но это ведь отнюдь не благородно.
Не та ль Психея это, о которой,
Когда она впервые к нам пришла,
Меня ты известила, раскрасневшись,
Что есть теперь подруга у тебя:
Она тебе по возрасту равна.
Любовью с нею спаяны вы были
Сильнее даже, чем супруги в браке:
Все ночи напролет вы с ней болтали.

Одно лишь слово нужно от тебя ей.
Совсем нет сердца у тебя, наверное,
Коль рассуждаешь ты, как червь, который,
В орех забравшись, весь его изъел
И в нем оставил только пыль и горечь», —
Так маленький король сказал в расстройстве.

Но Ида ничего не отвечала,
Как будто растеряла все вдруг силы.
Так, наклонившись чуть, она стояла
С неверною улыбкой на губах.
В конце концов отец мой разошелся:
«О ты, ты — женщина, как мы считаем.
Но сделали мы глупость, разрешив
Тебе ухаживать за нашим сыном.
Но раз сейчас здесь все мы наблюдаем,
Что ты сообщницу простить не хочешь,
Боимся мы, что ты его погубишь,
Коль ты опять свою изменишь волю;
Здесь руки грубые надежней будут —
В палатку Принца отнесите лучше».

Он встал; теперь все бурю ожидали.
Из тучи же, что Иду закрывала,
Вдруг начали идти тепло и свет,
В слезах ее подруги засияв:

«Иди сюда, Психея, — я смягчилась;
Ты в сердце опустевшее мое,
Что так они порочат, возвратись!
Обнимемся, как дети после ссоры!
Общаться нужно было мне лишь с теми,
С мужчинами кто связей не имеет.
Ах, лживая, но дорогая сердцу
Предательница милая моя,
Мной так любимая — зачем, зачем?
Смотри: тебя мы снова обнимаем,
Простив все и забыв, любя все так же,
Хотя тебе уж меньше доверяем.

Ну, а теперь, Король, прошу я Вас:
Доверьте сына Вашего Вы мне,
Чтоб я выхаживать могла его,
Как брата собственного своего.
Пред ним в большом долгу я — знаю я.
Но больше не язвите надо мною,
Чтоб с Вами я могла легко общаться.

Мы учениц отправим по домам —
Что толку здесь держать их всех сейчас?
Отец и брат, смягчите короля:
Ведь он меня срывает с пьедестала
В толпу молочных мягких балаболок —
По сути, бедных, слабеньких созданий».
И Ида разразилась вдруг слезами.
Но мой отец ей даже не ответил.
Тут обратился наш Сирил к Психее:
«Брат Флориан Ваш тоже ранен, Леди.
Так попросите разрешенья Вы
Ухаживать за братом и за Принцем».
«Пусть будет так», — ответила Принцесса.
А та, что пела песню, — Виолетта —,
Чей кузен тоже раненый лежал,
К ней так же с той же просьбой обратилась.
«Пусть будет так, — Принцесса отвечала, —
Теперь свои законы мы ломаем».
«Пусть так ? — тут Леди Бланш переспросила, —
Вы с легкостью ломаете законы,
Что я установила, а не Вы.
Я замужем была — мужчин я знаю.
Мужчины к Вам пришли, чтоб одолеть Вас,
И это сделали они успешно».

И Леди Бланш так холодно смотрела.
Но голосом, как колокол какой,
Разбуженный землетрясеньем, Ида
Промолвила, к ней полная презренья:
«Раскройте наши двери широко!
И не для Принца только, а для всех
Во имя матери моей покойной;
У нас любому раненому ныне —
Без разницы: хоть другу, хоть врагу —
Открыты будут наши двери впредь.
Оттуда пусть девицы съедут быстро.
А Бланш бы жалила еще, но мы
Уйдем: мы не потерпим оскорблений».

Сказав все это, Ида отвернулась.
И тут ее брат Арак подошел.
Ее отец ее стал утешать;
И мой отец потом сумел смягчиться,
И, наконец, он руку ей подал.
Они нас, раненых, всех подобрали
И прямо понесли к дверям дворца;

И мрамор девственный полов при входе
Скрипел под каблуками из железа.
И к залу подошли они потом,
И там они передохнуть решили,
Великое смятение там вызвав:
Все основания колонн высоких
Как будто облепил пчелиный рой:
Там шелк шуршал, был слышен женский шепот.
А возле трона, что в конце был зала,
Стояла Ида подле леопардов,
Чьи спины были выгнуты с испугу.
Мужчины находились в центре зала,
Разглядывая женщин изумленно;
На них смотрели женщины со страхом,
Внимая их оружия бряцанью.
День близился к закату, что окрасил
И зал, и статуи, и медь, и сталь:
На шлеме загорелся у Паллады,
Затем — на лунном серпе у Дианы;
И трепет пробежал по помещеньям,
И звуки эха гулко раздавались,
Смолкая лишь в дворца покоях дальних.

Потом раздался громко глас Принцессы,
К порядку призывающий людей.
Затем меня по лестнице подняли
И понесли по длинным галереям,
Минуя многочисленные двери,
К спокойной дальней комнате дворца.
Других пристроили в других местах.
Оттуда много съехало девиц:
Остались только лучшие из них.
А лорды благородные отныне
Могли гулять свободно здесь и там:
Так все здесь вдруг переменилось враз.

*

*Ты ни о чем не вопрошай меня:
Луна морские всколыхнет глубины,
А туча примет форму гор вершины.
Ответ мой слишком полон был огня?
Не вопрошай.*

*Не вопрошай меня: что отвечать?
Хоть не люблю я впалых щек и глаз,
Все ж не позволю, чтобы ты угас!*

*Меня не надо больше вопрошать.
Не вопрошай.*

*Не вопрошай — я зря не по течению
Стремилась плыть — судьба у нас одина;
Так пусть река несет меня в долину.
Чтоб сдать, хватит мне прикосновенья;
Не вопрошай (20).*

VII

Так полностью разрушен был алтарь их
И в госпиталь их колледж превращен
С неразберихой полной поначалу.
Но позже восстановлен был порядок,
Ужившийся с законами иными:
Там воцарились добрые понятия,
И тихим голосом все говорили.
А раненых сиделки навещали:
Они им пели песни и читали,
Своей красой всегдашнею светясь.
И здесь, и там могли их мы увидеть,
Несущих эту ангельскую службу
С присущим женщинам великодушьем.

Но душу Иды охватила грусть:
Она на крыши подниматься стала,
Обозревая одиноко с них
Мужчин и женщин дикий сей союз.
Она была, как человек, который
Взбирается на горную вершину,
Чтоб обозреть оттуда землю с морем,
И видит вдруг громаду тучи черной,
Что медленно ползет завесой ночи,
Затем границы моря размывает,
Сверканье забирает у песка,
Озера друг за другом поглощает,
Сметая все, — вот так она жила;
И мир весь для нее совсем поблек.
Потом она спускалась вниз опять
И видела среди раненых согласие.

И наступал рассвет, и по утрам
Пел жаворонок в небе, трепеща.
Но я безмолвный в комнате лежал —
Как будто в клетке жизни был я заперт.
А на закате комната моя

В величье ночи словно расширялась,
А звезды падали иль восходили.
Но я тогда далек был от всего:
Не знал я даже, кто смотрел за мной,
И был я хуже спящего ребенка.
Психея же сидела с Флорианом,
А с ней Мелисса часто приходила.
Хоть Леди Бланш уехала уже,
Но дочь она оставила у нас,
Чтоб при дворе она в чести была.
Теперь прелестная головка той
Среди больных мелькала здесь и там
И все вокруг улыбкой освещала.
Она была для раненых лекарством,
Их скрашивая скучные часы.
И никому не показалось странным,
Что вскоре выздоровел Флориан,
Что юные и нежные сердца их
В любви взаимной вдруг соединились:
Так капельки росы на лепестке,
Дрожа, потом сливаются мгновенно.

Не так успешно было у Психеи,
Хотя и утверждала Леди Бланш,
Что после темной ночи среди полей
Психея стать должна женой Сирила,
Чтоб имя честное свое спасти.
И хоть вернул ребенка ей Сирил,
Да и к тому же нравился он ей,
Но гнев Главы она боялась вызвать.
Но как-то раз, когда Сирил в мольбе
К Психее обратился с предложеньем,
Вдруг Ида за его спиной возникла,
Но, видя эту сцену, вся смутилась
И сразу отошла от них потом.

Но, кроме этих двух, в священных залах
Любовь свой самовольный карнавал
Устраивала также и с другими,
На них всех изливая благодать.
Не восставали братья Иды больше;
Поддерживал меня ее родитель,
И мой теперь был умиротворенным.

Но оставался неподвижен я;
А близ меня сидела Ида часто.

Затем последовали перемены:
В горячке руку я ее ловил,
Сжимая сильно, а потом брезгливо
Бросал ее, крича: «Не Ида ты!»;
Потом я снова руку ту сжимал,
Теперь сиделку Идой называя.
Хоть я не узнавал тогда Принцессу,
Ее я называл прекрасной все же,
Но и жестокой и холодной тоже.
Она боялась все же, что умру я.
Но вот, от длительных своих стараний,
Печальных бдений в темноте ночной
Под бой раскатистый дворца часов
И видя горе моего отца,
И видя рядом счастье влюбленных,
Вослед моих признаний ей в любви —
Моих почти бредовых бормотаний,
В которых так лелеял я мечту,
Беспомощность мою осознавая,
Она потом почувствовала нежность.
И, наконец, в ответ на это все
Любовь, как тот альпийский колокольчик,
Проснулась в ней одним холодным утром:
Лишь слабая и хрупкая сначала,
Себя еще пока не осознав;
Но с каждым днем она все расцветала.

И, наконец, проснулся я в сознание,
Но из-за слабости был близок к смерти.
Был вечер: свет спокойный освещал
Цветные стены в комнате моей.
Две композиции больших размеров
Воплощены на этих стенах были:
Одна — стихийное восстание женщин,
С законами Катона (21) не согласных:
Огромный форум женщины собрали
И карлика Катона разнесли.
А на другой Гортензия была,
Что против дани смело выступала;
За ней стояла вереница женщин:
Нахмурен был романский лик их всех.

Я видел только очертанья их —
Пустыми формами они казались;
И где я нахожусь, не знал я даже.
А Ида милая сидела рядом.

В свою ладонь она взяла мою:
Ее она слезами оросила.
К руке почувствовав прикосновенье,
Я шевельнулся и вздохнул затем;
Потом и сам залился я слезами
От слабости и жалости к себе.
Взглянул своими слабыми глазами
Я на нее и ей я прошептал:
«О, если ты, как представляю я,
Какой-то сон прекрасный — стань ты явью.
Но если ты — та Ида, что я знаю,
Я ни о чем тебя не попрошу.
Сегодняшнюю ночью я умру;
Лишь притворись, что ты меня целуешь».

Не мог терпеть я больше — я лежал
Завороженный, будто бы в экстазе,
Как те, что могут слышать разговор
Друзей о собственных похоронах,
Но ничего произнести не могут,
А могут лишь лежать и смерти ждать.
И вот ко мне тут повернулась Ида,
Потом, помедлив, надо мной склонилась;
И в тишине раздался крик ее —
Крик страсти яркой на пороге смерти;
И губы наши встретились: при этом
Мой дух, я верил, с духом Иды слился.
А позже из моих объятий Ида,
Исполнена смущенья, поднялась,
И все, что было раньше в ней фальшиво,
С нее вдруг спало, как ее одежда,
Оставив в ней лишь женщину одну
С душой, что лучше облика ее.
И вниз, в поток, упал кристалл; она
Лежала обнаженной: тело Иды
Было пристанищем моей любви.
В молчании ушла она потом.

И я заснул. А ночью я проснулся;
Сидела рядом Ида со стихами
И шепотом себе читала их:

*«Спит алый лепесток, и белый спит;
Не шелохнется даже кипарис;
В фонтане не мелькнет плавник золотой.
Проснулся светлячок, и ты со мной.»*

*Застыл навлин, весь белый, как виденье;
Видение мерцает предо мной.
Открылась вся земля — Даная — звездам;
И сердце у тебя открылось мне.*

*Скользит метеорит по небу, след свой
Там оставляя — так и ты во мне.*

*И складывает лилия красу
И утопает в озера груди.
Приникни же к груди моей скорей,
Любовь моя, и растворишься во мне».*

Перевернув страницу, тут она
Идиллию прекрасную прочла:

*«Сойди, о дева, с гор вершин скорей:
Что за блаженство затаилось в них?
Не в высоте ль и холоде их прелесть?
Но все же прекрати ходить близ Неба;
Не будь звездой, что водружена
На шпиль сверкающий; иди сюда:
Любовь тебя в долине ждет; иди:
Любовь тебя в долине ждет; сойди,
Найди его: он на пороге счастья;
Он или сбором Урожая занят
Иль же от хмеля, может, раскраснелся,
Иль же как в винограднике лисица:
На зов рожков не хочет он идти.
А ты не хочешь отыскать его,
Затерянного средь тех льдов морских,
Что сгрудились наклонно по обрывам,
Чтоб сели от селений отгонять.
Но ты иди: пусть вниз сойдет лавина,
Чтоб ты смогла его найти в долине.
Пусть дикие Орлы одни кричат
И пусть вселяющие ужас рифы
Пускают бесконечно водный пар.
Иди скорей: тебя ждут все долины,
И даже своды очагов домашних
Лазурных тянутся к тебе сейчас.
К тебе взывают дети, с ними я —
Свирель твоя пастушья — звуки сладки.
И пусть твой голос слаще моего —
Все ж сладок каждый звук: и звон ручьев,
На вязах воркованье голубей
И пчел бесчисленных вокруг гуденье».*

Стал тише глас ее. А я лежал
С закрытыми глазами и внимал ей.
Открыв глаза, увидел я потом,
Что было бледно все ее лицо,
А грудь ее со вздохами вздымалась;
Дрожали руки у нее и голос.
Она затем сказала сокрушенно,
Что знает, что теперь все проиграла
Для сладостной покорности мужчине,
И что весь труд ее был словно лишь
В источнике преграда для воды,
Но что сдаваться все же не желает
Тому, кто презирает дело женщин,
Но чтобы я его не осуждал —
Ведь правду в знаниях она искала;
Но что-то первозданное затем,
Что даже знания всякого сильнее,
Ее внезапно сердцем завладело:
Она со мной неделями сидела,
Постигнув очень много за то время.
Да, шла она неправильным путем:
«Ах, глупая я Королева фарса!
Где отыскать еще такую можно?»

Она закашлялась, главой поникла:
Она тут пожалела обо всем,
Что было у нее неверно в Прошлом;
Боялся я прервать ее молчанье.
Но вот акация зашелестела;
Подали голос с нею вместе птицы,
О светлых переменах возвещая.
Тут, наконец, пошевелинулась Ида.

«Себя так сильно не вини — сказал я, —
И не вини ты слишком род мужской,
А с ним и мира грубые законы:
Ведь грубым мир был только до сих пор;
В моем лице помощника найдешь ты.
А дело женщин — дело и мужчин:
Ведь вместе подниматься им и падать,
Пусть карлики они иль боги словно.
А та, что испокон веков с мужчиной
Шаги Природы вместе отмеряет —
Она в своих руках как будто держит
Всю молодую славную планету.
И если б слабою она была —

Как бы смогли мужчины вырастать?
А ты не действуй больше в одиночку!
И всем, что в нас заложено обоих,
Мы будем вместе женщинам служить
И предоставим женщинам возможность
Развить в себе все стороны свои.
И пусть они всегда собою будут,
Чтоб тень им не бросать на женский пол.
Их пусть неразвитыми не считают.
Хотя они отличны от мужчин —
Тем лучше: тем прекраснее Любовь,
Когда в союзе двое не похожи.
Со временем они похожи будут:
Усвоит женщина черты мужские,
Мужчина — женские: он чище станет,
Не растеряв при том бойцовских качеств.
А женщина свой кругозор расширит,
Не потеряв себя с детьми своими
И непосредственности не утратив
И превратившись в музыку какую
На благородные слова мужчины.
И так пойдут они вдвоем по жизни,
Дары свои используя сполна,
Давая плод и сея жизнь вокруг,
В себе, в других достоинство ценя.
Со временем Эдем возникнет в мире
И воцарятся свадьбы мировые;
И раса совершенная возникнет.
Пусть это все случится!»

Но Принцесса,
Вздыхнув, произнесла: «Боюсь, что нет».

«Давай тогда теперь мы воплотим
В себе и в наших жизнях ту мечту
И гордый лозунг равенства полов.
А пол отдельный — только половина:
Не может в браке истинном быть принят;
Восполнит он, чего нет у другого.
Пусть в каждом браке цель единой будет
И пусть сердца там бьются в унисон».

«Моей мечтой была твоя мечта;
Тебе все это женщина сказала?»

«О, нет: насколько помню я себя —
Всегда в знаменья мира погружен был.

Я женщину любил. Тот, кто не любит, —
Тот проживает жизнь свою в болоте
Иль же томится в грусти хуже смерти
Иль может стать вдруг близок к преступленью.
А та, что мною так была любима,
В неведении домом занималась.
Хоть не была прекрасною она,
Она была полна стремлений высших;
Не ангел, но так дорога была мне —
Посредница меж Богом и людьми.
Родным для всех людей был дом ее;
Пред нею все мужчины преклонялись
И окружали музыкой ее.
Имея мать такую, каждый счастлив!
А вера в женщин у мужчин в крови;
А интерес к возвышенным вещам
Приходит и к мужчинам очень скоро;
И хоть в пути упасть они и могут —
Души своей они не запятнают».

А Ида, вздрогнув, мне на то сказала:
«Мне кажется, что это все не так:
Обманываешь ты себя словами;
Ведь мать твоя — твой женский идеал.
Я ж — как насмешка над самой собою;
Меня ты никогда любить не сможешь».

«Напротив — я сказал, — тебя любил я
Насколько помню я себя, похоже.
Ты улучшала настроенье мне,
Меня облагораживая с детства.
Теперь тобою возвращен я к жизни;
Я истинно люблю тебя теперь.
Ты мне дороже за свои ошибки;
Так подними глаза свои скорей.
Нет больше у меня уже сомнений
И ощущения пустых теней:
Их изменения в тебе прогнали.
Так выше голову, не прячь глаза.
Твоя природа пусть с моей сольется,
Как это утро с темным миром ночи.
Иди ко мне, не бойся, прикасайся
Своим дыханьем к моему челу;
В прозрачном этом воздухе дрожу я;
И, словно дымка, прошлое все тает
В заветный этот час. И это утро —

Начало многому; а все, кто зван,
Кружатся в танце, как листва золотая
Осенняя сквозь дым горящих трав.
Прости за то, что падал духом я,
Моя невеста, жизнь, жена моя.
По жизни мы пойдем с тобою с честью;
Мои мечты с твоими сплетены;
Дай руку мне свою и мне доверься».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так завершилась эта наша сказка:
Ее я Вам поведал без лукавства.
Как смолк я, воцарилось вдруг молчанье.
Минутой позже произнес сэр Вальтер:
«Хотелось бы, чтоб не сдалась Принцесса!»
Затем он мне сказал: «Что, если б Вы
В поэму эту сказку обратили?»
О том меня просили и другие.
Я дал согласие им. Но как связать
Всех семерых в единый узел лучше?
Какой тут выбрать стиль? Меня мужчины
Гротеск геройский сделать попросили,
Чтоб мы над Лилиею подшутили.
А женщины, возможно, власть почуяв
(Ведь песни их, а кое-где молчанье
нас привели к такому вот финалу)
И ненавидя эти наши шутки,
О более весомом заикнулись:
Галантный поединок и Принцесса;
Принцессу лучше сделать грандиозной,
И пусть серьезными герои будут,
Хоть в данном жанре это очень трудно.
И меж двумя сими сторонами
Возникла даже ссора небольшая.
И вот, чтоб угодить и тем, и этим
И чтоб история была правдивой,
Я шел в работе по диагонали,
Возможно, никому не угодив.

Но Лилия уважила меня,
Участия в сем споре не приняв.
Но тронула ее все ж сказка эта:
Вся в размышлениях она сидела.
Потом она сказала тете Лиз:

«Вы говорите нам, какие мы»
(Хоть ей ли это вовсе говорить!)
Но в это время вдруг раздался крик:
Закат был дня, закрыли ворота;
Народ столпился у ограды там.

И я туда потом пошел с другими;
Мы поднялись на холм, что вел к поместью.
Счастливыми казались здесь долины:
Таковыми мирными они смотрелись.
Громадные леса кругом там были,
А среди лесов — уютные селенья,
Что выделялись башнями своими
Вблизи полей пшеницы или хмеля.
А дальше было с парусником море,
Еще подальше — Франции берега.
«Смотрите: сад! — воскликнул мой товарищ,
Сын старший члена кабинета тори, —
И здесь! Пусть Бог благословит пролив сей,
Что нас от Франции здесь отделяет,
Британию единой сохраняя,
А также тех, кто правит и кем правят.
Немного веры вместе с чувством долга,
Какая-то почтительность к законам,
Чуть-чуть терпенья с крепостью в придачу,
Чтоб противостоять сумеет толпе,
Когда вдруг где-то жареным запахнет,
И голову где люди потеряют,
Король напуган будет, а солдаты
В народ стрелять откажутся совсем,
И вместо них стрелять мальчишки станут.
И опрокинется все королевство,
И в пропасть мир покатится в гротеске
Похуже, чем гротеск вот этот наш.
Восстанья эти и перевороты —
Они комичны так же, как мрачны:
Точь-в-точь, как наша дикая Принцесса.
Благослови, Бог, узкие моря!
Ах, если б им широкими всем стать».

А я сказал: «Терпенья наберитесь;
Бываем социально мы не правы,
И дикие мечты тут возникают,
Хотя они — прелюдии лишь правды.
Что до меня — я веры преисполнен:
Наш старый мир — еще совсем дитя,

Но обучается уже ходить он.
Терпенье! Есть водящая рука здесь».

Беседуя, дошли мы до ворот:
Стоял там Вальтер пред дубовой башней:
Он окружен был мальчиков толпою.
С лицом обветренным, светловолосый,
Он выглядел не маленьким бароном,
А словно истый рослый англичанин,
Откормленных быков, овец хозяин,
Что дыни с ананасами растит.
Брошюры он писал по земледелью,
Был покровителем он обществ разных
И председателем квартальных сессий.
Сейчас он руки пожимал гостям,
Еще внимал он чьей-то краткой речи:
Всего лишь пара слов, все лаконично:
Приветствие, прощанье, приглашение.
Затем опять раздались чьи-то крики,
Подняв с деревьев стаю из грачей;
Оленя же, бегущего по склонам,
Заставив затрясти рогами в страхе
И отголосок дав в закатном солнце.
А шум был веселей, чем ликование
Людей, приветствующих короля!
Кричали же о том, что эти парки
Давно народу надо было дать;
И, прокричав об этом раза три,
По группам разошлась потом толпа.

А мы в Аббатство снова возвратились,
И там так долго молча мы сидели,
Все погружившись в смутные мечты
О поколениях будущих людей;
И ухала сова во тьме кромешной.
И постепенно темной ночи силы,
Что над владеньями ветров нависли,
Сгущая сумерки, их вдруг разверзли
Сквозь все безмолвное ветров пространство,
За разума пределы, до Небес.

А в заключение Лилия, поднявшись,
Сняла свой шелк с фигуры сэра Ральфа;
И с радостью домой потом пошли мы.

IN MEMORIAM А.Н.Н.

ПАМЯТИ А.Г.Х.

Могучий Бога Плод — Любовь
Бессмертная: твой лик не зрили
И доказать тебя не в силе —
Лишь верой примем вновь и вновь.

Твои — светила небосклона,
Людей, животных ты рождаешь,
И смерть ты создала — ступаешь
По черепам тобой рожденных.

Нас в прахе не оставишь ты:
Тобой рожден был человек,
И верит он, что он — навек;
Исполнена ты правоты.

Ты кажешься нам человеческой,
Святой, чудесной, благородной;
Хоть наша воля и свободна,
Она в твоих руках, конечно.

А наши мелкие системы —
Твоих лучей обломки лишь
Коротки; Боже, больше ты ж
Того, что измышляем все мы.

У нас, невежд, лишь вера есть:
Лишь то, что видим, знаем мы,
Но верим: света луч из тьмы —
Он твой, пусть ярче будет впредь.

Растут пусть знанья раз от разу,
Но мы убеждены: конечно,
Рождает музыку извечно
В гармонии с душою разум;

Пусть ширит музыка предел.
А мы — глупцы: мы над тобой
Смеемся, осмелев порой,
Чтоб глупый мир твой свет стерпел.

Прости мне, что считал грехом,
Заслуги тоже мне прости:
Мы мним своими их почти
Всегда, тебя забыв при том.

Прости мне скорбь о том покойном,
Твоем твореньи столь чудесном,
В тебе живущем, я надеюсь,
И потому любви достойном.

Прости мне дикий крик души —
Пропавшей юности смятенье,
И коль не все в нем вне сомненья,
И мудрость ты в меня вложи.

1849

I

Я пребывал упорно в вере
Тому, кто арфой песнь выводит,
Что человек подняться может
Над мертвым «я» к высокой сфере.

Но кто б смог видеть лет размах,
В потере видеть обретенье
Иль даже ощущать значенье
В последующих лет слезах?

Пусть слезы Скорби сдержит вскоре
Любовь, иль утонуть в трясине.
Пусть тьма хранит блеск черно-синий.
Ах, лучше уж напиться с горя,

Чем вытерпеть насмешки нам,
Что плод любви — скорбей лишь вал:

«Вот он любил и потерял;
Смотри: он будто умер сам».

II

Хранишь, Тис (22) многовековой,
Ты камни с именем покойных,
Чьи кости ты опутал корнем,
А в голову проник корой.

Опять цветы все зацветут,
А птицы выведут птенцов;
В твоей тени часы же вновь
Очередную жизнь пробьют.

Не для тебя цветенье это,
Где сильный ураган не страшен,
Твой мрак тысячелетний даже
Нет, не рассеют солнца лета.

И, на тебя взирая, Тис,
От твердости сей онемелый,
Я словно выхожу из тела,
Чтоб здесь с тобою прорасти.

III

О, Скорбь, жестокость дружбы, грусть,
О, Жрица в Смерти скорбной хатке:
Ее дыханье горько-сладко:
Что сходит с этих лживых уст?

Она прошепчет: «Звезды – слепы,
А небо – словно в паутине;
Из наших же краев пустынных
Закатный слышен солнца лепет:

«Природы нашей всей фантомы
Со всею музыкой ее –
Мой слабый отзвук это все,
Всего-то лишь пустые формы».

Так нужно ль принимать скорбь слепо
И почитать как за добро?
Иль подавить ее как зло
О доводов рассудка крепи?

IV

Но вот я отхожу ко Сну,
И волю сковывает мгла;

Я – словно в лодке без руля
И с сердцем разговор начну:
«О, сердце, как же ты сейчас,
Когда мечты мне нужно бросить?
И вряд ли ты задашь вопросы:
«Что ритм сбивает мой подчас?»

Тот детских лет твоих полет,
Что утратить тебе пришлось;
Разбейся, чаша хладных слез,
Что горе обратило в лед!».

А тучи бед, где нет отрады,
Всю ночь пред взором, уж потухшим;
И слышен воли окрик утром:
«Не будь безумным от утраты».

V

Грехом считаю я подчас
Словами выразить кручину:
Ведь открывать наполовину
Лишь можно словом Душу в нас.

Чтоб успокоить сердце, мозг,
Язык полезен, без сомненья,
И мне печальны упражненья
Заглушат боль, как бы наркоз.

В слова, как в травы на полях,
Оденусь или же как в латы;
Но это горе от утраты
Слегка лишь предстает в словах.

VI

«Но ведь еще друзья остались,
А без потерь прожить нельзя».
Но то – пустые словеса,
Всего-то общие места лишь.

Нельзя прожить нам без потерь,
Но скорбь тем заглушить не сможем;
Не загасить хоть утро все же,
Разбито сердце уж теперь.

Отец, где б ни был ты тогда,
Помянешь сына ты сейчас,
А тот удар сумел украсть
Ту жизнь, которую ты дал.

Молитвами твоими, мать,
Спасти матроса душу Богу;
А сыну с раною глубокой
В могиле водяной лежать.

Но знаешь ты не больше, мать,
Чем я, что в сей последний час
Мечтал развлечь его как раз,
Обдумывая, что сказать.

Я ждал: вернется он домой,
Воображал я встречу с ним,
Томим желанием одним:
«Сегодня-завтра друг со мной».

В неведении пребывая,
Та златокудрая голубка,
Чье счастье оказалось хрупко,
Сидит, прическу прибирая.

Горит камин ее отца,
Прихода гостя ожидая;
Его порадовать желая,
Та вдела розу в волоса:

Ее узрит Артура око.
Разлив румянец по щекам,
Она вернулась к зеркалам
Поправить свой прекрасный локон.

Злой рок тогда настиг стремглав
Столь милого ей Господина:
Его накрыла вод пучина,
Иль он погиб, с коня упав.

Каков ее финал тогда?
Что мне от жизни дожидаться?
Ей — одинокою остаться,
И мне — без друга навсегда.

VI

Опять близ темного я зданья
На улице — столь длинной, мрачной;
Вот двери, где сердечко раньше
Так гулко билось в ожиданье,

Что руку я его пожму.
Сейчас ее нельзя пожать;
Я сна лишился; виновато
С утра у двери потому.

Его здесь нет, но в отдаленье
Раздастся снова жизни звук:
Сквозь мелкий дождь забрезжит вдруг
День – хмурый, словно привиденье.

VIII

Так на свиданье паренек
Идет к возлюбленной своей;
В звонок звонит он поскорей –
Ее же нет, и путь далек.

И он грустит: чудесный свет
Уходит из беседки, зала;
На все внезапно мгла упала,
И радости уже там нет.

Я замечаю все места,
Где раньше виделся с тобою:
И зал, и улицу, и поле;
Где нет тебя, там темнота.

Как мог бы тот, кто по аллеям
Бродил, столь грустным и пустынным,
Найти цветок, побитый ливнем,
Что ею сильно был лелеем, —

Так я нашел цветок в страданье
По другу сердца моему;
Поэзии цветку тому
Ничуть не страшно увяданье.

А раз он радовать умел
Глаза, что навсегда закрыли,
То посажу я на могиле
Цветок: пусть там бы цвел иль тлел.

IX

От итальянских берегов
Корабль, плывешь ты: на борту
Покоится мой друг Артур;
К нам побыстрее доставь его.

Домой вези же неотложно
Ты урну с прахом дорогим
По волнам благостным морским
К тем, кто стенает безнадежно.

Всю ночь твой киль не тронет ветер,
Покамест свет Венеры вновь,

Так чист, как наша с ним любовь,
Росистых палуб не отметил.

Пусть будет яркий свет вокруг,
Ветра пусть погрузятся в сон,
Как поживает ныне он —
Моя любовь, мой брат, мой друг

Артур — его я не увижу,
Покамест длится век мой горек;
Но он — как сын мне: очень дорог,
Дороже братьев всех и ближе.

Х

Корабль, твой дальний шум удалый
И колокольный звон я слышу,
Иллюминатор яркий вижу,
Матроса вижу за штурвалом.

Везешь матроса ты к жене,
Домой людей из странствий дали
И письма в руки, что дрожали,
И мрачный груз, где жизни нет.

Отдай его; твой вид обычный
Обманчив, мы мечтаем зря:
Мы обольщаем лишь себя.
Мы любим то, что нам привычно,

Считаем: пусть лежит в могиле —
И дождь, и солнца свет над нею —
Иль где соседи на коленях
Вино из чаши церкви пили,

А не на дне морском в воде вот
Лежит, пучиною объятый,
Чтоб руки, что я жал когда-то,
Тревожили ракушки, невод.

ХІ

А утро тихое — ни звука:
Немое, как грустная тишь;
И сквозь сухие листья лишь
Каштаны падают со стуком.

Покой холмов неколебим;
На дроке он, на паутине
Сребристой, что мигает ныне
Зеленым или золотым.

А как спокоен свет равнины,
Что предстает пред взором нашим
С беседкой, фермой и башней,
Чтоб слиться с водною лавиной.

Спокоен воздух голубой
И осени в багрянце листья;
И коль мое сердечко стихло, —
То лишь отчаянья покой.

Объяты море, сон покоем,
Покой несет в себе волна;
Покой в святой груди: она
Вздывается лишь вместе с морем.

ХII

Я — как голубка, что взлетает,
Чтоб весть доставить Небесами;
Но быстро взмахивать крылами
Ей весть печальная мешает.

Лечу я, как она летала:
Стоять спокойно не могу,
Подобно нервному клубку,
И спешно покидаю скалы.

Над океанскою волною
Лечу в свет южный в небесах
И различаю паруса,
Что поднимают над водою.

И долго плачу в крае этом
И вопрошаю: «Друг желанный
Вернется, иль конец стараний?»
«Конец, конец?» — Мне вторят эхом.

Опять лечу, нос корабля
Я облетаю сверху смело;
Потом я возвращаюсь в тело:
Отсутствовал там час лишь я.

ХIII

Слеза вдовца, когда во сне тот
Узрит умершую супругу,
И к ней он простирает руку,
Но видит: пусто место это;

Слеза утраты безутешной:
Где их сердца сливались туго,

Где жаркие сплелись руки —
Там тишина. И слезы те же
О друге милом, превосходном,
Что был мой самый лучший друг;
Но страшно мысль пронзила вдруг,
Что я любил лишь Дух бесплотный.
Пусть Время станет мне ученьем;
Не стражду я в своих мечтах:
Теперь мечтать мне странно так,
А слезы служат утешеньем.
Меня фантазии возносят:
На парусники я смотрю,
Хотя они всего лишь тюк,
А не плохую ношу возят.

XIV

А коли кто-то вдруг мне скажет,
Что ты сейчас к земле причалил,
И я увижу на причале,
Что на земле лежишь тогда же,
То я, кручиною ведом,
Начну смотреть, как пассажиры
По трапу сходят все проныро,
Кивая всем, кто им знаком.
И коль вернется с ними тоже
Мужчина, в ком души не чаю,
Что руку мне пожмет, желая
Вопросов тьму задать, похоже, —
Скажу ему про боль от горя,
Что жизнь мне обратила вспять,
А он мне будет сострадать,
Но удивится этой боли;
А весть о смерти — я пойму —
Не изменит его нисколько:
Останется он прежним только,
Но я не удивлюсь тому.

XV

Задули вдруг ветра в ночи
С рычаньем громким и сорвали
С деревьев лист последний алый,
Взлетают в небеса грачи;

Вода бурлит и лес завыл,
Столпились на лугах стада;
На древа, башню упадая,
Луч солнца проникает в мир.

Презрев свое воображенье,
Где все движенья лишь скользят
И не тревожат водну гладь,
С трудом терпел я напряженье,

Что ветку теребит сухую.
От горя дикое смятенье,
Боясь возникшего сомненья,
Вселится в тучу грозовую,

Что вверх стремится страстно так
И учащает сердце мне,
Чтоб вдруг на бастион в огне
На западный пролиться мрак.

XVI

Что за словесная лавина?
В одном и том же сердце может
Смятенье жить и безнадежность?
Иль так изменчива кручина?

Лишь мнимо изменится горе
Во время штиля или шторма,
А вот о преходящей форме
Не больше знает, чем озера

Умершие, где отраженье
От жаворонка в неба тени?
Удар меня поверг в смятенье
Как барку бедную, что в рвенье,

Столкнувшись со скалой в ночи,
Со смертью борется вслепую,
Чтоб не пойти совсем ко дну ей?
Меня удар тот оглушил

И с толку сбил меня совсем,
Что с правдой путаю неправду,
Со старым – новое взаправду,
И путаю я все со всем?

XVII

Вернулась ты, о барка горя:
Бриз с парусом твоим вел битву;

Как бриз была моя молитва,
Носившая тебя по морю.

Ведь я в воображение вновь
Тебя на небесах увижу;
Летите, дни; скорей плыви же
И привези мою любовь.

И где б тебе ни плавать впредь,
Благословение мое
И ночью над водой, и днем —
Маяк, тебя что будет греть.

Пусть буря изрыгает ярость
Средь океана — Бог спасает
Тебя, о барка ты святая,
А звезды источают благодать.

Поступок совершен благой,
И драгоценный груз доставлен —
То, что от друга мне осталось;
Живым не видеть мне его.

XVIII

То благо, что мы можем тоже
Стоять на землях Альбиона,
Где лучший друг мой похоронен,
Где зацветет фиалка, может.

Хоть это, верно, малость — он
Лежать благословен, похоже,
Где юным прожил, его ложе —
Среди родных ему имен.

Придите, руки чистые,
Главу усопшего держать;
И приходите, чтоб стенать,
Вы, плакальщицы истые.

Коль можно б было, то молю,
Чтоб мне к умершему на грудь
Скорей припасть, в него вдохнуть
Всю без остатка жизнь мою,

Что теплится во мне едва
И мне дается тяжело,
Обожествляя, что ушло:
Взгляд друга и его слова.

XIX

И отдал Северну (23) Дунай
То сердце, что навек застыло;
Теперь положен он в могилу
На бреге Северна, где рай.

Там дважды в день — волна речная;
Морские ж волны, набегая,
Журчание приглушат Вая,
И шум среди холмов стихает.

Приглушен Вай, ему здесь тесно, —
Меня так глухо горе гложет;
Когда не выплаканы слезы,
Я наполняюсь скорбной песней.

И вот уже отлив: волн рокот
До нас доносится опять,
И начинается боль стихать:
Я говорить могу немного.

XX

Скорбь, чьи поведать можно тайны —
В ней заверений нежных много,
Она — как слуги в доме строгом,
Где умерший лежит хозяин.

Те, не скрывая зачастую
Чувств, плачут доводом ума:
«Впредь будет трудно нам весьма
Работу отыскать такую».

Моя скорбь, в коей меньше силы,
С печалью этой сходна столь;
Но есть во мне другая боль
И слезы, что в очах застыли —

Сидят ведь дети у камина,
Похолодев от духа Смерти,
И трудно даже вздох им сделать
Иль убежать от той кручины.

Им разговор уже не мил,
Они, совсем поникнув с горя,
На кресло глядя на пустое,
Все думают: «Как добр он был!»

XXI

И я тому теперь пою,
Что здесь лежит, и я траву
Сейчас с его могилы рву,
Чтоб трубку зажигать мою.
Меня б прохожий слышать смог —
Сурово бы сказал тогда:
«Расслабит парень слабых, да,
Сердце растапливая воск».

Другой ответит: «Невозбранно;
Выказывая боль пред всеми,
Он сможет получать все время
Похвал так много постоянно».

А третий гневно изречет:
«Да время ль распевать о личном? —
Все чаще стал свергать публично
Монархов с тронов их народ.

Да время ли сейчас сознанье
Терять, от чувств своих сникая,
Когда Наука проникает
Все глубже в тайны мирозданья?»

Молчи: не дело говорится;
Ты прах святой не знал ведь толком;
А я пою из чувства долга
Подобно коноплянке-птице:

Когда довольна, без печали
Она поет — птенцы все с нею;
Когда грустна, то грустно пенье
Ее — птенцов ее украли.

XXII

Тропа — четыре года там
Гуляли мы — два голубка —
Шла, извиваясь, от цветка
К цветку и от снегов к снегам.

Мы шли там, песни напевая,
Увенчаны постом весенним:
Так от апреля до апреля
И так же и от мая к маю.

Но осенью, когда дороги
Уже холм пятый огибали,

Мы вниз Надежде вслед сбежали,
И там нас Тень ждала в итоге:

Она союз разбила наш
И, сделав вялыми уста
Твои и завернув тогда
Тебя в свой хладный темный плащ,
Вдруг унесла тебя туда,
Куда мне не попасть совсем,
Пусть стану полагать меж тем,
Что Тень меня там ждет всегда.

XXIII

Когда немая грусть сразит
Меня, то, напевая песнь,
Вновь представляю я, как Тень,
Вся в плащ обернута, сидит,
От всех мечтаний ключ храня.
Когда же я смотрю туда,
Откуда я пришел сюда,
Куда ведет тропа меня,
Я плачу: изменилось очень
Вокруг все: вдоль тропы вначале
Листва, холмы все напевали,
Как Пан счастливый наш бормочет,
Указывая путь друг другу.
Воображенье пробуждалось
И с Мыслью Мысль объединялась
И Речи стать могла супругой.
Прекрасно было все вокруг,
И было все вокруг блажным:
Тогда все таинства Весны
У нас в крови разыграли вдруг.
Песнь философии красиво
Звучала от Аргосских гор (24),
А мимо нас густой шел бор
На флейт Аркадии (25) призывы.

XXIV

Да были ль дни мои тогда
Так совершенны, вечны, ясны?
Начало Дня, что так прекрасно,
Тень ночи стерла навсегда.

Коль было все прекрасно в час,
Когда с тобой встречался я,
Казалась Раем нам земля
Как никому еще до нас.

Неужто грусти тень сия
Так обострит бывшее счастье,
Сегодняшнего дня ненастье,
Все прошлое превознося?

Иль прошлого след поневоле —
Он навсегда у нас в почете,
В орбите звезд, что мы в полете
Достигнув, уж не видим боле?

XXV

Да, Жизнь тогда была — тропа,
Что мы на равных истоптали;
Вдруг так случилось, что я дале
Под бремя прошлого подпал.

Но голубем почтовым словно
Я оттого стал — невесом,
И свыкся с ношей я потом:
Та жаждет помощи любовной.

Но я не устаю от ноши:
Ведь эта мощная Любовь
Надвое боль расколет вновь,
Дав другу половину тоже.

XXVI

А тропка дальше все, столь горька,
Теперь по ней мое хождение;
Сказать желаю: лун паденье
Не повредит Любви нисколько.

О, если бы сумел мой глаз,
Что видит и добро, и зло,
И даже семя, что взросло,
Паденье новых башен враз,

О, если бы сумел тот глаз
Еще заранее заметить
То, что в Нем жизни больше нет ведь
И что Любовь покинет нас —

Пока рассвет не тронет море,
Я смог бы разглядеть при том

Ту Тень, что ждет его с ключом,
И избежал тогда бы горя.

XXVII

Но не завидую я тем,
Кто, в плен попав, забыл про честь,
Иль птице, что, родившись в клетке,
Не знала чаш лесных совсем.

И не завидую я зверю,
Когда, в свои права вступая,
Свою он жертву настигает,
Вины не чувствуя пред нею.

Во мне нет зависти досужей
И к тем, кому не нужно клясться,
И к тем, чья жизнь — сплошная праздность,
Пусть даже тот покой заслужен.

Я верю с твердостью в душе,
Пусть даже вновь и вновь скорбя,
Что лучше потерять, любя,
Чем в жизни не любить вообще.

XXVIII

А время Рождества все ближе;
Тиха, безлунна ночь в округе;
Перекликаются друг с другом
Колокола церквушек лишь.

То звон от четырех селений:
То громче он, то еле-еле,
Как будто закрывает двери
Меж нами кто-то сокровенный;

И голоса те на ветру
Звучание меняют часто:
То крепнут, то позднее гаснут,
Благословя людей вокруг.

Год с болью отходил от снов
Я, без желанья пробуждаться,
Покамест не сумел дожждаться
Рождественских колоколов.

Но Рождества колокола
Ведь с детства верховодят мною
И правят раненой душою;
В них радость сквозь печаль прошла.

XXIX

Но горькая печаль сия
О нем, ушедшем очень рано,
Меня снедает беспрестанно.
Как встретит Рождество семья
Без гостя, что всем дорогой,
Что ночь пред Рождеством с уменьем
Наполнит радостью, весельем
И песней с танцем и игрой?
Все ж Рождество нельзя не встретить
И для венков через порог
Сплести еще один венок,
Его над входом в дом повесить.
Ушли дневные няньки спешно:
Они седы, им новь чужда,
Но расставаться не хотят
До времени с их ролью прежней.

XXX

Когда водили хоровод
Вкруг очага мы в Рождество то,
Дрожали пальцы отчего-то:
Был грустен Рождества приход.
Себя напрасно заставляя
Устраивать кругом веселье,
Мы возымели ощущение,
Что Тень за всем следит немая.
Мы замерли, услышав вьюгу,
Что обдувала нашу землю;
Мы, за руки держась, тут сели
В молчанье, глядя друг на друга.
Потом запели мы, и эхом
У нас звучали голоса,
И были тусклыми глаза;
Пел с нами год назад со смехом
Беспечным эту песню он.
Потом мы смолкли: мы покой
Почувствовали неземной.
«Покой объял их, сладок сон» —
Мы спели. Тишина затем
И плач. Запели с новой силой:

«Они не умерли, и милы
Они по-прежнему нам всем.
От бренности защищено,
С возросшей многократно силой
Сквозь все завесы и светила
Проходит пламя неземно».

Святое утро, приходи
И оторви день от ночи;
Отец, коснись востока ты
И свет Надежды возроди.

XXXI

Когда покинул Лазарь (26) склеп,
Вернувшись в дом Марии милой,
Хотел ли он, чтоб над могилой
Мария плакала взахлеб?

«Где был четыре дня ты, брат?»
Какой ответ был — мы не знаем,
Хоть мог ответ, наверно, нам
О смерти много рассказать.

Своих соседей все приветят;
На улицах — веселый гам;
Торжественная радость там
Чело венчает Оливета.

Вот человек, кого Христом
Поднять сумели из могилы!
А остальные не ожили?
Молчит Евангелист о том.

XXXII

Ее глаза — в мольбе немой:
Не хочет мысли допустить,
Что умер он; а вот сидит
Тот, кто привез его домой.

Одна глубокая любовь
Всего в ней выше остального,
И от лица брата живого
Она глаза отводит вновь.

А все догадки и тревоги
Та радость встречи отмечает;
Она, склонившись, омывает
Спасителю слезами ноги.

Благословен, кто средь молений
Своих проводит жизни дни;
Нет душ, что чище, чем они,
Нет лучше их благословений.

XXXIII

О, ты, который после шторма
Вдыхает, может, воздух чистый —
Живешь всегда в надежде истой,
Которой безразлична форма.

Сестру покинешь одиноку,
Что молится, души не чая;
Что жизнь младую омрачает,
Не станешь делать и намеком.

Как эта вера безупречна,
Как тянется сестра к добру тут;
Благословенными пусть будут,
Кому та верит бесконечно!

Как видишь, довод созревает
Опорой на закон внутри;
Не в грешном мире, посмотри,
Ты проиграл, добра желая.

XXXIV

Пусть призрачная жизнь моя
Докажет мне, что жизнь продлится,
Пока земля не охладится
И пеплом с пылью станет вся.

Зеленый шар — планета света
Неимовернейшей красоты,
Похожая на миражи
У сумасшедшего Поэта.

Кем Бог был для меня сначала?
Я вряд ли прав был, коль затменно
Считал, что все в сем мире бrenно,
И что смиренье нам пристало,

Что лучше будет сразу впасть
В покой навечно, словно птице,
Которой суждено убиться,
Попав в змеи коварной пасть.

XXXV

А если чей-то мудрый глас
Прошепчет из могилы плена:
«Да, все мы смертны, тело тленно.
Надежды в пепле нет для нас»?

И как же мне хранить молчанье?
«Любовь, я и тогда как раз
Пытаться буду хоть на час
Продлить жизнь светлого создання».

Но призван слушать я пока
Морей бездомных горьки стоны:
О холмы Вечности их волны
Из пыли сеют берега.

Вздохнув, Любовь ответить сможет:
«Звук берегов сих беззаботный
Изменит мой настрой вольготный,
Напомнив, что я смертна тоже».

Питать надежду понапрасну
Не вижу смысла я уже:
Ведь не было б Любви вообще,
Коль смерть могли б мы видеть ясно,

А было б сходство настроенья
Иль, как у Сатиров, в листве
Кустов, в дубравах, на траве
Лишь времени препровожденье.

XXXVI

Людская правда мрачна, брэнна
И очень трудно достижима,
Но дружно воспеваем имя
Того, кто сделал правду ценной.

А Мудрость ведь имела дело
Всегда, увы, со смертной силой;
В словах же точных правда гибла,
Нарвавшись на легенды стрелы.

Писанье же дышало словно,
Создав руками человека
Наш символ веры, что навеки —
Мощней поэта мыслей кровных;

Он веру видеть в состоянье
В вязании людьми снопов,

В создании могил, домов
Или в прибоем любованье.

XXXVII

Урания (27) нахмурит лбище:
«Последний ты из демагогов;
У этой веры очень много
Людей, чей глас сильней и чище.

Спустись к ручью родному вновь,
На свой Парнас ступи ногой
И лавра шепот зазывной
Услышь о красоте холмов».

Моя же Мельпомена (28) в крайнем
Смушенье будет отвечать:
«Я недостойна обсуждать
Твои бесчисленные тайны,

Поскольку Муза я земная,
Что может песней лишь слегка
Утешить сердце, где тоска,
Любви людской дань воздавая».

О друге думаю усопшем,
О прелести речей его
(Что как священное вино
Во рту, от жажды пересохшем).

Я прошептал, к ней подступая,
Что в правде скрыто утешенье;
И в поле продолжал хождение,
Святыни песней омрачая.

XXXVIII

Продолжил я свое хождение,
Хотя уже под небоскатом
Бледнеет пурпур у заката;
Нигде не вижу просветленья.

Не доставляют восхищенья
Мелодии весны пришедшей,
Но в милых песнях об ушедшем
Живет несмело утешенье.

Но если что-нибудь отсюда
В свободном духе уцелеет,
То в песнях, что пою тебе я,
Порою благодарным буду.

XXXIX

Надсмотрщик за могилой старый,
Ты отвечаешь на шаги мне
То тучей, то клубами дыма, —
На камнях тис, весь одичалый,

Пронзающий могилы ложе,
Касаясь мертвой головы;
Но час золотой цветов, любви —
К тебе он проникает тоже.

Но по усопшему Кручины
Людей могилы омрачат.
Что молвят лживые уста? —
Твой мрак опять во мраке сгинет.

XL

Забуть сумеем ли тот самый
Час грусти, взгляд на мертвого,
Как взгляд у той девицы, что
Впервые душится духами,

Когда, приняв благословенье,
Она должна проститься с домом,
И промелькнет вдруг в взгляде томном
С надеждой вместе сожаленье?

Отец ее шутит впустую,
Мать — со слезами на лице:
Ведь, распрощавшись с ними, ей
Узнать теперь любовь иную.

А там ей предстоит потом
Воспитывать, учить детей,
Меж поколениями людей
Служа связующим звеном.

Не сомневаюсь, что тебе
Жизнь дали, что бессмертья плод
В дела великие внесет —
Дела, достойные небес.

Меняться станет отчий дом!
Начнет камин старинный, мрачный
Там оживать от новобрачной;
И часто навещать потом

Начнет родителей она:
К ним будет приносить ребенка,

Его нахваливая звонко;
И старой станет новизна.
А мы друг другу руки жали,
Пока не приключилось горе;
Мой путь известен мне доколе,
А твой — он в неизвестных далях.

ХLI

Твой дух — фатальная потеря —
Все выше восходил над нами,
Как к небесам алтарный пламень.
Но в неизведанные сферы
Ушел ты — связь мне потерять
С тем новым, что теперь с тобой:
Не до него в жизни земной.
О, как желанно — представлять,
Что может получиться вдруг:
Что можно волею своею
Нестись сквозь жизнь и свет над нею
И мне к тебе пройти, мой друг.
Не страшно мне почти вообще
То, что таится в слове «смерть»,
Воды смятенной круговерть
И шум с полей, пустых уже,
Но на закате солнца вдруг
Тревога в сердце мне войдет:
Тогда впадаю в хладный пот
При мысли, что потерян друг.
Следит мой разум патриарший
За тем, с тобою что уже
Случилось, что могло вообще
Быть; жизнь все ж от тебя все дальше.

ХLII

Себе я сердце рву: да, явно
В сей гонке первым быть ему;
Мы были вместе — потому
Казалось мне, что мы с ним равны.
Пусть Место охранит нас доле,
А вновь любимый мной почивший,
Великий опыт накопивший,
Пусть укрепит свой ум и волю.

Что лучше может быть, чем счастье
Того, кто любит, но не чаает
Своей любви и получает
Признание от друга в страсти?

XLIII

А коли Сон и Смерть едины,
И духа всякое развитие
В каком-то долгом трансе быть
Должно на грани «смерти-жизни»

Вне времени и тела даже,
И если вправду было это,
То прошлого безмолвный след —
Как у цветка его цвета же,

И нет потерь для человека:
Тогда здесь этот сад спокойный
Из душ в своей листве узорной
Весь мир объединит от века.

В момент духовного расцвета
Святая, цельная Любовь,
Его любви подобна, вновь
Проснется вдруг с души рассветом.

XLIV

А как почивший тот теперь?
Здесь человека помним мы,
А он забыл былые дни:
Ему прикрыл Бог мозга дверь.

Канули в Лету дни былые,
Но все же, может быть, подчас
Нахлынувшие чувства в нас
Дадут вдруг знаки потайные.

Хочу я, чтобы ты годами
Мог ощущать бы с удивленьем
К себе Земли прикосновенье,
Тебя равняющее с нами.

А при таком прикосновенье
Сомнения твои долой;
Ты обернись: то ангел мой
С тобой начнет свое общенье.

XLV

Новорожденное дитя,
Едва ступившее на землю:

Ему себя на самом деле
Не осознать еще хотя,
Но как получит осознание,
Себя все больше выделяет
Среди того, что окружает
И что доступно осязанию.
Оно склоняется к признанию,
Что существует высший разум,
Что личность заключает разом
В отдельное существование.
Но это самоощущение
Совсем бы было бесполезно,
Когда б мы знать могли железно
Себя в дальнейшем воплощение.

XLVI

И мы с холма спускались вниз,
А та заросшая дорога
Была затенена злым роком,
Затем унесшем друга жизнь.
Пусть так, но тень не сохранится
В восходе солнца за могилой;
Картина прошлых дней, столь милых,
Нам все отчетливей явится.
Ясна длиною в жизнь дорога,
И в ней плоды все ощутимей;
Дни обрели порядок зримый:
Пять лет нам дали очень много.
Любовь, хотя твое пространство
Не бесконечно в мирозданье,
Ты — света теплое создание,
Звезда, вся в розовом убранстве.

XLVII

И каждый, словно единица
Отдельная, круги пройдя,
Свои границы разведя,
В Душе единой вновь явится.
Неясна вера, форма — вечна
И отделять продолжит снова
Вечную душу от другого;
И будет праздник бесконечный,

Когда его я встречу вновь;
Добру друг в друге будем рады:
Нет лучше той мечты-отрады,
Чтоб на Земле была Любовь.

И на вершине высочайшей
Перед уходом ищет он ведь
Прощанья место, чтобы молвить:
«Сливаюсь с светом. Так прощай же!».

XLVIII

Но если б только из сомненья
И только на него ответов
Бы состояли строки эти,
То заслужили бы презренье.

Нет, Горе вовсе не должно
Доказывать и расчленять:
В тяжелый час отдаст опять
Любви сомненья все оно;

В слова играет впрямь остро,
Но лучше здраву смыслу служит,
Позорит даже так досуже,
Коль обнажают все нутро.

Оно вверяться не стремится
Высокопарным тем словам:
Песнь краткая милее там,
Что промелькнет, подобно птице.

XLIX

Влияют пусть на нас спонтанно
Искусство, школы и природа,
Как блеск от копий многих, воды
Прудов тревожат что неожиданно.

Песнь легкая должна дышать,
Шептать должна волна мышленья,
И обвивать – воображенье,
Чтоб потревожить водну гладь.

Всегда иди своим путем,
Смотри по-своему на все,
Но не вини ты ветры, что
Вдруг рокот волн прервут потом.

Надежды обратились в прах;
Еще сильнее сожаленье:

Его неявные движенья
Утопят жизнь мою в слезах.

L

Со мной будь, коль ослабну так,
Когда подступит беспокойство,
Что в сердце вызовет расстройство,
И все вокруг замедлит шаг.

О, будь со мной ты и когда ведь
Закроет истину мученье,
А душу мне пронзит сомненье,
Отчаянье всем станет править.

С тобою рядом пусть продлится
Жизнь у меня, когда, как все,
Гнездо совью я и в гнезде
Птенцов я выведу, как птица;

Мне укажи на склоне лет
Тот путь, куда еще стремиться,
Чтоб в мраке бытия границы
Увидеть мне бессмертья свет.

LI

А вправду ль мы желаем дальше,
Чтоб с нами рядом был покойный?
Не лицемерим ль недостойно?
И нет ли здесь сокрытой фальши?

А ну воспетый мною друг
Бесстрастным оком разглядит,
Что я пред ним сокрыл свой стыд,
И мне в любви откажет вдруг?

Со Смертью мудрость пригодится;
Мои все опасенья ложны:
Ведь ревновать любовь как можно
За то, что к верности стремится?

Будь с нами рядом в восхожденьях,
Будь рядом и в паденьях тоже
И наблюдай, как чуткий Боже,
Чтоб оказать нам снисхожденье.

LII

Смогу любить тебя едва ль
Как должно: ведь любви предмет —
Ее лишь отраженье это;
Идет над мыслью мой словарь.

Дух истинной любви сказал:
«Ты отогнать меня не можешь,
Не навредят мне люди тоже;
И не вини ты песнь- печаль».

«Что дух мой заставляет бурно
Быть верным идеалам тем?
Жизнь не безгрешная совсем
Под небом Сирии лазурным?»

«Ты не тревожься, как девица,
Что жизнь — дефектов вереница;
Богатство на тебя свалится,
Когда жемчужина явится».

LIII

Отцов я видел очень многих
Степенных, среди сынов своих;
Хоть юность бурно шла у них,
Они еще свежи в итоге.

А если бы не проживали
Они так годы молодые,
То вряд ли бы поля пустые
Впредь урожайными там стали.

И если верна догма тоже,
Что юности ушедшей пламя
Остыть должно у нас с годами, —
В том юность убедить не сможем.

К добру стремись молодцевато,
Чтоб Философия, как мнится,
Минуя все свои границы,
Не перешла к Владыкам Ада.

LIV

Надежду сохраняем, веру
В то, что добро сумеет часто
Быть целью даже у напастей,
Грехов, сомнений и химеры,

Что все имеет цель-нужду,
И что не гибнут просто так:
Подобно мусору, никак
Не канут просто в пустоту,

И что не сгинет в самом деле
Раздавленный зачем-то червь

Иль мотылек, в огне сгорев, —
Что все подчинено здесь цели.
Хоть мы не можем знать все разом,
Но не могу не верить в то,
Что в мире победит добро —
Пушкой не скоро и не сразу.
Однако, кто же я тогда?
Дитя, которое в ночи
Плачем — не языком кричит:
Кричащее про свет дитя.

LV

Мечты о том, чтоб жизнь вообще
За гробом нашим не зависла —
Они, наверное, от мысли,
Что Бог живет в любой душе.
Бог и Природа здесь в конфликте:
Подчас Природы злы мечты?
Та жизнью вовсе не щадит,
Работая тщательно о виде.
Подумав, смог я разгадать
Смысл скрытых действий у нее:
В ней из пятидесяти зерен
Одно лишь будет прорасть.
Запнулся я, где раньше так
Уверенно ступал, степенно;
И я упал на те ступени,
Что к Богу нас ведут сквозь мрак.
Я руки в вере простираю,
Сквозь сор бреду я одиноко
К тому, кого считаю Богом,
И я с надеждой оживаю.

LVI

«Я так о виде беспокоюсь? —
С утеса крик Природы слышен, —
Уже исчезла видов тысяча,
А мне не нужно ничего уж.
Твой глас ко мне сейчас взывает;
Даю я смерть, даю рожденье;
А дух — всего лишь дуновенье;
А больше ничего не знаю».

Так как же может человек —
Ее последнее творенье,
И нет которому сравненья,
Что к небу обращен вовек,
Что Господу построил храм,
Что верит, что любовь есть Бог
И что она — закон Всего,
Природы вопреки когтям,
Тот, кто любил, терпел побор
И кто страдал за Справедливость —
Заброшенным в пустыню быть ведь
Или в кольцо железных гор?
И это все? Вражда за сим,
И предрассветная вся нечисть,
Друг друга грязью что бесчестит —
Лишь музыка в сравненье с ним.
О жизнь, вся в хрупкости и тщете!
В твоем же глазе — утешенье!
Но на ответ иль исправленье
Питать надежду на том свете.

LVII

Но тише: песня сожаленья —
В конечном счете песнь земная,
И зло ему мы причиняем
Своим таким истошным пеньем.
Давай уйдем: бледны ланиты,
А друг мой бережно храним;
Мой сгинет труд, я — вместе с ним;
Уж вполовину жизнь прожита.
Но буду слышать я всечасно,
Пока внимать смогу вообще,
Звон колокольный по душе,
Что душ других людских прекрасней.
Я буду слышать бесконечно
Слова прощанья к другу, право,
Их «Аве, аве, аве, аве;
Прощай, прощай, мой друг, навечно».

LVIII

Как эхо в склепах, прозвучали
Слова печальные прощанья;

И в них такое же звучанье,
Как в каплях под землей, в печали
Тревожащих сердца людей;
Им осознать лишь вполовину,
Что в будущем их ждет кончина
И что могила — всех удел.

Услышал я от Музы высшей:
«Зачем твои горюют братцы?
Тебе подольше здесь остаться —
Прощанье лучшее отыщешь».

LIX

Скорбь — жить со мной ты будешь вдосталь,
Как та законная жена:
Как лучший друг, как часть меня,
А не как временная гостя.

Скорбь, мною будешь заправлять,
Но будь со мною, как невеста,
Чтоб горечь не нашла здесь места,
Коль буду я тебе внимать.

А страсть моя ведь постоянна
И не угаснет никогда,
Хотя, возможно, иногда
Я чувствами играть вдруг стану.

О, Скорбь, тебя писать я буду
На протяженье долгих лет,
Хоть, может быть, за лета эти
Другие о тебе забудут.

LX

Ушел он — высшая душа;
Мой любит дух его, как прежде,
Подобно той девице бедной,
Что полюбила богача:

Он для нее недосыгаем,
Она любимому не пара;
Она, все это осознала,
Завидуя его друзьям.

А маленькая деревушка
Вся будто как-то опустела;
Она вздыхает то и дело
В родной и сумрачной избушке.

Соседи в продолжение дня
Язвят над ней за эти грезы;
Ее ж ночами душат слезы:
«Не будет он любить меня».

LXI

Коль в следующем воплощенье
Твоем высоком разум твой
Освобожденный, всеблагой
Внесет в ответы измененья,
То, если вниз ты бросишь взгляд,
Увидишь ты, что на земле
Так трудно развиваться мне,
Завернутому в мрак и хлад!
Все ж оглянись на брег унылый,
Где взрослым стал ты из дитя;
О, Дух, я обожал тебя
Сильнее, чем душа Шекспира.

LXII

Но если взгляд на землю этот
Тебя заставит отдалиться, —
Любовь моя — лишь небылица,
Всего лишь прошлого легенда.
Отречься смог, такой молодой,
От недостойных ты сердец
И жил, чтобы привлечь к себе
Тех, кто сравняться мог с тобой.
Друг, в мире ты ином, далеком;
Страсть прежняя уже не властна
И может у людей бесстрастных
Ухмылку вызвать ненароком.

LXIII

Мне жалко лошадь, что загнали,
И гончую свою люблю я;
Отяготят они впустую
Полет сердечный мой едва ли.
Я так над ними возвышаюсь,
Как ты меня, наверное, выше;
И все ж сочувствую я низшим
И им облегчить жизнь стараюсь.

Ты можешь видеть: плачу я;
Твои ж движения маститы:
Вращаешься ты по орбите,
Что выше, глубже, чем моя.

LXIV

На прошлое бросаешь взгляд,
Как одаренный человек,
Что начал в бедности свой век,
В простой деревне, но сломать

Происхожденья смог барьеры,
Не упуская шанс счастливый,
С несчастьями борясь на диво,
Ударам подставляясь смело;

Тот, кто трудом добился славы
И кто живет, чтоб удержать
В своих руках ключи из злата,
Чтоб быть как рупор у державы;

Кто, поднимаясь без роптанья,
Предстал вдруг баловнем Фортуны,
А у простых людей — трибуной,
Как центр всеобщего вниманья;

Но ощущает до сих пор,
Когда сидит он в тишине,
Всю прелесть, скрытую в ручье,
И нежность отдаленных гор

И всю конечность жизни этой,
Хоть ее славил временами
Пред королями и послами
Он с другом юности заветной;

Чья нива вспахана трудом лишь,
Кто, урожай свой пожинает
Иль остановится, гадая:
«Мой старый друг — меня ты помнишь?»

LXV

О, нежная душа, мечта
Во мне: тебе верить вновь;
Я пью за то, чтоб та любовь
Не расплескалась никогда.

И петь смогу я в сей тиши,
Покамест мысль счастливая,

На крыльях балансируя,
Не выйдет из больной души.

А называться коль друзьями
С тобой мы заслужили право,
В тебе пусть будет часть меня вот,
Чтоб мог подняться ты над нами.

LXVI

Ты думал: сердце опустело
Мое и полон удивленья,
Когда находит развлеченье
Воображенье то и дело.

Тень, что перечеркнула дни,
Опустошая разум мой,
Вдруг примирит меня с собой;
Я стал усопшему сродни.

Идет он верно среди других,
Раскованней своих друзей:
Берет он на руки детей,
Играя локонами их.

Он очень любит так без меры
Воспоминанья иль мечты,
И жизнь внутри него кипит,
Но с ним и сумерки потери.

LXVII

Лишь только лунный свет ко мне
Падет на ложе в тьме ночи,
Я знаю: там, где ты почил,
Сиянье будет на стене,

Твой мрамор высветив неслышно:
На нем в полночной тишине
В серебряном луны огне
Проступят имя, годы жизни.

Когда ж сияние уходит,
То лунный свет вдруг исчезает,
И веки я свои смежаю
И засыпаю до восхода.

Но чувствую над морем словно
Я шлейфа звездного сверканье
И, как у призрака, мерцанье
Твоей плиты в стенах церковных.

LXVIII

Когда с трудом придет ко мне
Брат Смерти – сон, он мною правит;
Но сон, брат Смерти, Смерть не знает:
Тебя живым сочту во сне.

Как прежде, я брожу при этом
По тропкам, мокрым от росы,
И слышу трубный я призыв,
Что раздается пред рассветом.

Но что это? Я повернул
Главу свою назад тотчас,
Увидел страх в твоих глазах,
И сплин меня вдруг захлестнул.

Но прежде, чем покинет луг
Тот жаворонок, я с догадкой
Проснусь: сон глупый тот украдкой
Сказал о юном горе вдруг.

LXIX

Уж нет Весны – так думал я –
И больше нет Природы силы,
А улицы все черны были
От дыма и от инея.

О пустяках народа гам;
Из шума града я исчез,
Нашел с кустарником я лес:
Колючки собирал я там –

Я их на голову надел –
Гражданский мой венец терновый;
От люда ж снова мне и снова
Смех слышать был лишь мой удел.

За мой венец терновый оный
Народ меня прозвал глупцом;
Но ангел вдруг возник потом
В ночи: взглянул он на корону –

Был этот взгляд его приятным –
И улыбнулся мне тотчас,
Заговорив (без скорби глас),
Слова же были непонятны.

LXX

Представить ясно трудновато
Черты знакомого лица уж,
Когда изобразить пытаюсь
Его лик в сумерках заката.

Неясные черты лениво
Слились с ночным здесь силуэтом,
А башни – призраки при этом;
Не закрывают зев заливы.

Из зева люд выходит уж,
Чтоб на берег скорей сойти,
И стаи сморщенных личин –
Полуживой и мертвый груз;

Но вот послышится мне вдруг
Мотив чудеснейший и четкий,
И сквозь душевные решетки
Твое лицо возникнет, друг.

LXXI

Усни, брат смерти или транса:
Ты выдвинул вперед в финале
То, что с тобою мы связали
С прогулками по Франции,
С душой такое ж единенье?
Тогда снотворное неси,
Ни в чем отнюдь не усомнись,
Чтоб было полным наслажденье.

С тобой общаться будем снова
Как раньше, было, говорили:
О жизни, изменений пыли,
О людях, об уме, о новом,

Гуляя, как гуляли ране,
Вдоль леса у речного плеса
Вблизи от крепости, утеса,
Моста, что весь в воды фонтане.

LXXII

И так опять, рассвет ты блеклый,
Из ночи выйдешь, сея ропот;
А ветер обдувает тополь,
Колотит по оконным стеклам?

Днем начинал томить меня
Рок неизбежности оков,
Что замедляет рост цветов,
Затмив свет солнечного дня,
Что появляется в печали
На пару с горькими слезами,
Чтоб маргаритки лепестками,
А розы стеблями качали;
Что может пламень света ровный
Переправлять к Востоку прямо,
Играя средь холмов упрямо
С тенями и со светом словно.
День – хладный, будто из могилы,
С печатью тайною греха:
Сквозь время черная рука
Прошла и лучшее сгубила.
Привычно брови поднимая,
Из тучи выгляни с рассветом,
Вязанки делай ты при этом
Ветвями небо засевай.
Ты вверх по склепу с грохоченьем
Взбираешься, ужасный день;
Так тронь же предрассветну тень,
Оставив под землей смущенье.

LXXIII

Так много слов, так делать много,
А сделано пока так мало.
Учиться у тебя пристало
Правдивости и силе строгой?
Пройдет закалку слава, но
Упал с главы земной венок;
Я не кляню природу, рок –
Ведь все предопределено.
Идем по жизни мы: подчас
Идти нам трудно: в сорняках
Тропинки все – идем впотьмах;
Лишь Богу знать, что ждет всех нас.
О, дух пустой у славы слабой,
Уйди, пока душа так мило
Поет от действий мощной силы,
Что имя выковать могла бы.

LXXIV

Порой бывает, без сомненья:
Кто на умерших смотрит долго,
Найти вдруг сходство может зорко
Их с кем-нибудь из окруженья.

Лоб хладен твой, мой друг хороший;
Таким, как есть, тебя я вижу
И знаю: к мудрым ты поближе
И на великих ты похожий.

Я все увидеть не мастак,
Что вижу, я молчу о том,
Осознавая: Смерть потом
Украсила тобой свой мрак.

Тебя в стихах печальных боле
Хвалить не буду для приличья:
Пусть судят о твоём величье
По силе моего здесь горя.

Зачем стараться подбирать
В высокопарных все словах,
На высочайших петь тонах,
Чтоб силу их тебе отдать?

Нет у меня сейчас желанья
Поднять здесь плач, что уж исчез,
Обдав тебя дыханьем песни,
В которой скрыто величанье.

Твой лист исчез в листве чашобы;
Пока под солнцем мы живем,
Мир верит в то, что есть при нем,
А не тому, что быть могло бы.

Хранит твою пусть славу тишь,
Но где-то, где не властен глаз,
Что б делать ты ни стал подчас,
Слышны восторга крики лишь.

LXXV

Тебя в стихах печальных боле
Хвалить не буду для приличья:
Пусть судят о твоём величье
По силе моего здесь горя.

Зачем стараться подбирать
В высокопарных все словах,

На высочайших петь тонах,
Чтоб силу их тебе отдать?

Нет у меня сейчас желанья
Поднять здесь плач, что уж исчез,
Обдав тебя дыханьем песни,
В которой скрыто величанье.

Твой лист исчез в листве чащобы;
Пока под солнцем мы живем,
Мир верит в то, что есть при нем,
А не тому, что быть могло бы.

Хранит твою пусть славу тишь,
Но где-то, где не властен глаз,
Что б делать ты ни стал подчас,
Слышны восторга крики лишь.

LXXVI

Крылом фантазии взмахни
И вверх взлети и посмотри
Туда, где космоса миры
В едину точку сведены.

Крыло предвиденья надень
И освети ты бездны темень;
Твои слои, однако, немы
Там, где печальна тиса тень.

И если будет продолжаться
Рассвета песнь, что отлучит
Планету нашу от ночи,
Твоя песнь в бездне не раздастся —

Напрасны песни все сейчас.
Ведь что они на самом деле?
Они — у башен опустелых
Вконец разрушенный каркас.

LXXVII

Ну, а ему какой резон
От этих рифм, столь современных?
Задумчиво, проникновенно
Глядит на мир, деянья он.

В стихи те скорби, как мне мнится,
Обертывать коробки смогут
Иль книги, или даже локон
Сумеют завивать девицы.

Пройдут года, и в лавке книжной
Увидит кто-нибудь, быть может,
Стих скорби, поспешив, похоже,
Перевернуть страничку иже —

Что из того? Продолжат вновь
Звучать мои мотивы, право,
Чтоб всем сказать, что выше славы
Утрата, а похвал — любовь.

LXXVIII

Вокруг камина хоровод
Вновь в Рождество был, как когда-то,
И тихий снег на землю падал,
И тих был Рождества приход.

Поленья инеем мерцали;
Ни ветерка, покой кругом;
Но ощущалось, что на всем
Печать лежала здесь печали.

И так, как прежде, мы играли
В старинны игры, оживляли
Картины, также танцевали
И пели вместе, и гадали.

А были ли следы печали?
Ни боли, даже ни слезы.
Позднее может скорбь пройти?
А горе может вдруг отчалить?

Печаль — она пройти ведь может!
Но, мистикой окружена,
Влиянье сохранит она,
Хоть высохли ее все слезы.

LXXIX

Хоть ты дороже мне, чем братья —
Тебя пусть это не тревожит!
Твоей я знаю силу мощи,
Бросающей в любви объятья.

Но все же мы с тобой похожи,
Как у Природы две монеты,
И в нас подобный образ этот
Вселили поле, горы, рощи.

Один и тот же ручеек
По камешкам бежал для нас,

Нас обдувал в вечерний час
Один и тот же ветерок.

Давали клятву мы вдвоем,
По общим книгам мы учились,
И наши кудри золотились,
Чтоб вместе потемнеть потом.

Похожа на твою заслуга
Моя, я нищ был, ты ж — богатым,
Моим желаньям потакал ты,
И дополняли мы друг друга.

LXXX

А коль придет мечта, чтоб Смерть,
Насыпав пепел на глаза,
В которых высохла слеза,
Смогла б нас разлучить посметь,
Тогда представить это горе
Моей утраты друга можно:
Оно — как жизнь, — глубоко тоже,
Но все ж покорно божьей воле.

Рисую образы в уме я
И слышу друга речи также;
Несет времен он бремя, даже
Его заслугой сделать смея.

Предоставляет мне свободу
Его ко мне доверие;
Он руки омертвелые
Все простирает мне в угоду.

LXXXI

Я разве мог слова ронять,
Когда он был живой, что вновь
Не возрастет моя любовь:
Она созрела у меня?

Любви расти, наверное, можно —
Зачем вообще тогда мой ропот?
Меня дурманит этот шепот:
«Любовь с годами грандиозна».

Но Смерть на это изрекла:
«Мой хлад повлек победный вал:
Он зрелость всю зерну отдал,
Забрав остатки все тепла».

LXXXII

Вражды мне не внушает Смерть,
Что лица, формы изменяет;
Его не стоит жизнь земная
И веру ей не одолеть.

Дух состояния менял,
Покорный вечному движенью
Как стебель сломанный растенья
Иль как расколотый кристалл.

Смерть не виню за то, что зло
Уносит та добро с планеты;
Я знаю: блага даст букеты
И вне земли людей добро.

А в сердце гневу выход вдруг
Дам лишь за то, что Смерть сумела
Отнять меня от друга смело,
Что мы не слышим уж друг друга.

LXXXIII

Брег северный ты опояшь,
О, долгий новогодний отдых;
Считаешь: не права природа,
Так поспешай, не торопясь.

А что б тебя так защищало
От дней ненастных, без просвета?
И место ль средь весны иль лета
Моей тревоге иль печали?

Так орхидеи принесите
И полевые наперстянки,
Росой умытые тюльпаны,
Еще в огне цветы раkitы.

О, долгий праздник Новый год,
Ты глушишь боль во мне бездонну,
Раскрыть замерзшие бутоны
Что хочет, песнь вложив в мой рот.

LXXXIV

Когда на жизнь, что уж прошла,
Один в печали я смотрю,
То представляю я зарю,
Куда луна твоя взошла.

Тебя сидящим вижу я
И в добродетели короне;
Благословенья ты исполнен:
Твой взгляд, улыбка, кровь твоя.

В моей крови — твоей частички:
Ведь приближался день, когда
Ты жизнь свою соединял
С моей семьей: твои мальчишки —

Я на колени всех их брал,
Их лепет «дядя», мной любимый,
Ловил; но час неумолимый
Пробил, когда ты прахом стал.

А их последнее желанье:
Чтоб я за щечки их потискал;
Я не рожденные их лики
Узрил за очагом в мерцанье.

Себя почетным гостем вижу
Твоим, партнером по прогулкам,
Участником твоих дискуссий
Застольных, что к тебе всех ближе.

Пока за славный труд с участием
Тебя на щит все поднимают,
Скрываются уж за холмами
Те дни, наполненные счастьем,

Что утро ясное пророчат
И изобилие часов,
Ведомых силою истовой
К седым власам, почтенным очень,

Покамест твой наряд земной
Не истрепался постепенно;
Служение прошло отменно,
И землю дух покинул твой.

А сколько духу моему,
С тобою слитому судьбою,
Лететь над горестной губою
К другому берегу — твоему,

Чтоб цели мне достичь там дивной?
А он, в Святой Земле почив,
Протянет руки к нам свои,
Как душу нас приняв едину.

Чему так доверяю я?
Картинам прошлого, порой
Что нарушают мой покой,
Былую горечь пробудя.

LXXXV

А истина пришла уже,
Когда я друга звал, скорбя,
Что «лучше потерять, любя,
Чем в жизни не любить вообще» —

На деле, на словах верна,
Чтоб ей суметь облегчить то,
Что стало нашим общим горем,
Ответа требуя с меня.

А коли вера в эти силы
Притупит скорбь, воспрянет вновь,
И коль моя к нему любовь
Меня как будто истощила —

Есть у тебя в словах уменье
Из сердца извлекать ответы
Сквозь неприметные наветы
Добра согласно положенью.

Я прежде был спокойным очень,
Пока та весть не сбила с ног:
Коснулся друга в Вене Бог,
И там навек друг смежил очи.

А высший Разум, справедлив
Над нашим смертным положеньем,
Вблизи ворот благословенья
Его приняв и приютив,

В блаженный край повел его
И быстро показал ему
Ту мудрость, что плотской весь люд
Во времени сберет всего.

А я, что в жизни, в мыслях мелок,
Остался одиноко, странно
Блуждать по потускневшим странам,
Когда о нем вокруг все пело.

О, дружба равноценная,
О, сердце, полное тепла,
О, гость — в венце душа твоя,
О, суть твоя священная!

Я лучше, чем другие, знаю:
Воистину, трудны от века
Все ощущения человека,
С чем мы живем иль умираем.

Каким я буду в увяданье —
Не знаю я, столь одинокий,
Но чую внутренним я оком
Его на жизнь мою влиянье.

В его ж судьбе все Музы разом
Собрались с светлыми дарами,
Что нежность выражают сами
И интеллектуальный разум.

Так горю я не сдался в страсти:
Сумел я образ отыскать,
Что будет разум утешать;
Остался сильным я в напасти.

Полна фантазии, беда,
Любя борьбой духовной править,
Смогла по жизни всей ударить,
Но отвела теперь удар.

Отсюда оживает кровь
Для всех друзей, что были прежде,
И не забыть мне те надежды,
Что нас, людей питают вновь.

Прошу тебя любить меня,
А большего хотеть не нужно;
Я — словно половинка дружбы,
Что победила Времена.

На вечность дружба та похожа,
Свободная от страха теми;
Всепоглощающее Время
Ей сделать ничего не может.

Но Лето и его размах,
С водою вешнюю Весна
И Осень, криками полна
Грачей, собравшихся в лесах,

Порывы ветерка вполсилы
И плеск волны напомнят вновь
Мою старинную любовь,
Лежащую во тьме могилы.

А чувства давнего все всходы
Сказать желают от души:
«Вставай скорей и отыщи
Ты дружбу в будущие годы».

«Я наблюдаю за тобою,
Твой дух уже ко мне проник;
Но человеческий язык
Меж нами невозможен боле».

«Но могут ль тучи в вышине
Запачкать чистоту свободы?
Ты смог бы ощущать сквозь годы
Тоску всегдашнюю по мне?»

Его слова — само смиренство:
«Тебе осмыслить это — труд,
Но это результат всему:
Сейчас я на верху блаженства».

Вот так общаюсь я с умершим
Иль это представляю только;
Играя в символы, скорбь горько
Питает жизнь мою померкшу.

И, глядя в будущий финал,
К которому идет живое,
Я встречу где-нибудь с тобою;
Мой друг, прошу: прости меня.

И, полный истинной любви,
Тебе пожму по-братски руку,
Но истинно: мне будет мукой
Все чувства выразить свои.

Что вместе будем — я и ты —
К чему, иначе, клятвы были?
Любовь и дружба — равны силы:
И там, и там сердца чисты.

Мое же сердце таково,
Что одиноко лишь стенает,
Его объятье вспоминая:
Не в радость звук шагов его.

Мое же сердце от потери
Замкнуться не умеет, но
Желает в унисон оно
Стучать с тем, что в живом есть теле.

Прими мой дар несовершенный;
Мне все же дорог первоцвет:
То первоцвет позднейших лет,
Хоть он уже и не весенний.

LXXXVI

А воздух, после ливней свежий,
Из мглы вечерней возникает,
Распространяясь на луга,
На чащи и соцветья нежны,
И, набегая вновь и вновь
На лес в росе неподалеку
И на журчащий ручеек,
Мне ветром обдувает бровь
И щеки остужает мне,
Другую жизнь, что полнокровна,
Тебе вовнутрь вдыхая словно,
Покамест Смерть, с ней наравне
Сомненье — грозных брата двое —
Воображенью не позволят
Лететь к звезде Востока доле,
Где духи шепчут о покое.

LXXXVII

Покинул стены я священи,
Где был в мантилье старика,
И брел чрез город наугад
И залы наблюдал смятенны,
И услышал в науки храмах
Я от органных звуков гром,
Что предсказанья в храме том
На стеклах тряс в оконных рамах.
Я слышал крик далекий вновь
И звук размеренный от весел
Близ ив, и я берега прошел,
Чрез речку множество мостов,
Прошел вновь старые строения;
Во мне все чувства были те ж,
Но в то же время и не те.
И подошел я в завершенье
К жилищу, где живал он раньше:
Другое имя на двери;

Я медлил; ну, а изнутри
Слышны хлопки и песни даже;
И слышал я, как там ребята
Звенят стеклом, стучат ногами —
Там, где устраивал он с нами,
Бывало, разные дебаты
Про труд, искусство и науку
И про меняющийся рынок.
Пустил стрелу стрелок один,
Но та стрела сорвалась с лука;
Бывает перелет у стрел,
Бывает также недолет,
Покамест опытный стрелок
Не попадет как надо в цель.
Влекли нас речи его эти:
В них — музыка и вдохновенье,
Они текут, как откровенье,
А Бог тогда сей лик осветит:

Его черты преобразятся
Сиянием в очах великих;
А Микельанджело все лики
Смогли бы с ними потягаться?

LXXXVIII

О, птичка дикая, чье пенье
Звучит так нежно в Рая стенах,
Скажи мне: где у ощущений
И у страстей пересеченье?
Когда цветут сады весной,
Вдруг ярость может тронуть дух твой,
А в очень грустные минуты
Вдруг радость проскользнет порой.
Я скорбь на арфе выражать
Могу, но мне не властны струны,
И слава может промелькнуть
Над струнами и убежать.

LXXXIX

И падает на травку ровну
То тень, то свет от ильмов горных;
Ты, куст смоковницы отборный,
В листве стоишь ты, башня словно.

Артур бывал в тени твоей
Так часто на своих прогулках,
Всю пыль и копоть городскую
Хотел стряхнуть с твоих ветвей.

Он наблюдал с таким вниманьем
За всем, что видел; наши игры
Ему всегда по нраву были:
Вникал он в них с большим стараньем.

Он забывал свои невзгоды,
Когда во тьме столь ароматной
Вдыхал в себя он бриз прохладный,
Любуясь местною природой.

Старанья все разбивший звук:
Косы поутру о росу
И ветра, что вокруг сада дул,
Измяв цветы у груш вокруг!

Мы ощущали все экстаз,
Кружком вокруг него сидели,
Когда Тосканских менестрелей
Зачитывал он нам не раз,

Иль же в осенний день златой,
Когда гостей внимали пенью
Иль же на арфе исполненью
Баллады младшею сестрой.

Бродить среди холмов высоких
Нам было всем отнюдь не лень
И завершать тот летний день
Нам пикником в лесах далеких.

Мы там вели свои дебаты
О книгах сильных, ненавистных,
О новом в государства жизни
Иль о какой мечте Сократа.

Но если город я хвалил,
Он зачастую возражал мне,
Мол: «В мясорубке социальной
Стираем все свои углы:

Первоначально самобытны,
Внезапно стали мы столь сходны».
Обшались мы; поток же водный,
Что вниз сбегал, нам было видно;

В бутылки нас вино ждало,
Сокрыто в речке иль средь мха.
А до того, когда звезда
Взойдет на темный небосклон,
Мы, сидя средь цветов высоких,
Могли услышать в отдаленье
Шмелей бесчисленных гуденье,
В бидонах млека плеск далекий.

ХС

Любовь не знал он так, как должно:
Он не успел познать сполна,
Что значит вечная весна.
Ах, каб умершим было можно
Ожить, нырнув в житья стихию,
Скорее, им, как ни печально,
Не оказали б идеальный
Прием их родичи живые.
Как это славно так: сполна
Оплакивать умерших, звать,
О них с добром лишь вспоминать,
Чуть разогревшись от вина.
Но если мертвые сквозь прах
Опять вернуться к нам смогли б,
Они б увидели: в других
Их нареченные руках;
Другой наследник у земель,
И он вернул бы их навряд;
Но у родных нарушить лад
Умерший бы уж не сумел.
Чему б с годами ни случиться,
Друг дорогой, вернись ко мне;
Тоску оставить по тебе
Во мне и мысли не родится.

ХСІ

Лишь цветом розовым безгрешным
Вдруг лиственница зацветет,
Петь редко станет песни дрозд,
Проснется куст от птичек вешних, —
В таком обличии приди ты,
Твой дух узнать средь прочих чтоб;

Пусть осветит твой ясный лоб
Надежда жизни непрожитой.

Когда дыхание освежится
От летних розы благоуханных,
А рядом с фермой бездыханной
Вновь заволнуется пшеница, —

Приди ко мне — не в ночи, нет —
В тепле от солнечных лучей,
Еще красивей и светлей,
Чем даже самый яркий свет.

ХСII

И если вправду ты в виденье
Моем каком предстанешь вдруг,
Я это счесть за бред смогу.
Хотя виденье, без сомненья,

Взывало к прошлому, когда я
С тобой, любимый друг, был вместе,
Я только лишь смогу отметить,
Что ветру памяти внимаю.

Хотя оно открыло смело
Мне то, что в будущем случится,
И это вправду подтвердилось
Все в скором времени сумело,

Но это все ж не предсказанья —
Духовные предощущенья,
Иных событий преломленья
Еще до их формирования.

ХСIII

Не видеть больше мне твой лик.
А я тогда сказать смогу,
Что дух не перейдет черту,
Что отделяет от земли?

Где он гулял, не видно там
Каких-нибудь следов потерь,
Но может Дух придти, поверь,
Туда, где чувств не слышно нам.

С невидимых холмов небесных,
Где боги мирно обитают,
Преображен во много крат,
Сойди, приди ко мне из бездны,

Внемли желанья громадам:
Чтоб вдруг в обличье, пусть безликом,
Мой Дух сумел увидеть мигом
Тебя, твой Дух с собою рядом.

XCIV

Как сердцем чист, какой достойный
И ясный ум имеет тот,
Кто долго мысленно ведет
Беседы чудные с покойным.

Взывать же будешь так напрасно
Ты к духам дней, что полны счастья:
Не можешь, как они, сказать ты,
Что дух твой стал смиренным, ясным.

Они придут в тиши сердечной,
В фантазии такой прекрасной,
При памяти, сознание ясном
И в тишине такой беспечной.

Но коль подкрался дух сомненья
И если сердце что грызет —
Им остается у ворот
Внимать домашним сотрясениям.

XCV

По лугу мы молодцевато
До ночи шли: трава не взмокла;
Возникла в небесах высоких
Уж дымка летнего заката.

Спокойно было: за версту
Не слышен даже был сверчок,
Был слышен дальний ручеек
Да трепет урны на борту.

Сверкая бусинками глаз,
В ночи летучи мыши томно
Все облетали те фантомы,
Что были в темноте вокруг нас.

Тянули песни мы степенно,
Что разносились по пригоркам,
Где нежилась стада коровьи
И пролегли деревьев тени.

Когда ж, однако, все вокруг
Вдруг удалилось из ночи

И все потухли огоньки,
То я один остался вдруг.
Объял мне сердце глад потом:
Я в падающих тихо листьях,
Как бы от умершего в письмах,
Читал о счастье былом.
И странно в тишине раздались
Безмолвные слова, и странен
Был крик любви немой, и странно
Звучали вера и с ней ярость,
Рассмотрят смело что сомненье,
Что остановят слабых вновь
И с помощью ловушек слов
Предложат сердцу вдруг решенье.
Так — слово за слово — мой друг
Меня из прошлого касался;
И вот живой мне показалась
Душа у умершего вдруг
И душу так мою пронзила,
Чтоб та кружила одиноко
Вкруг мыслей, что весьма высоки,
И чтоб планеты пульс ловила
И заданный сим Веком тон,
Что отмерял Судьбы удары —
Бег Времени; мало-помалу
Мой транс потом был прекращен.
Слова туманны! Мне опять
В словах мысль трудно выразать,
А интеллекту — путь держать
Сквозь память, коей смог я стать,
Пока во мраке из сомнений
Пригорки не возникли вновь,
Где нежились стада коров
И пролегли деревьев тени.
Из мрака дальнего изъят,
Задул внезапно дальний бриз
По крупным листьям смоковниц,
Вокруг усилив аромат.
И, освежившись в вышине той,
Он вязов кроны потревожил

И лилий лепестки, и розы,
Оповещая о рассвете.

А Запад и Восток сложить
Смогли туманные огни,
Как смешивались смерть и жизнь,
Чтоб дня бескрайнего достичь.

XCVI

Ты молвишь вовсе без презренья,
В твоём же сердце доброта,
И так нежны твои глаза;
Ты молвишь: Дьявол есть в сомненье.

Не зная многого, наверное,
Одну я истину узнал:
Фальшивую он лиру взял,
Ее пытаюсь сделать верной.

Запутавшийся в вере, может,
Но в действиях столь безупречен,
Сумел он музыку извлечь.
В сомненье честном вера все же

Сильней, чем в половине кредо.
Свои сомненья победил он,
Судить стараясь объективно.
А призраки рассудка встретив,

Он одолел их; вера так
Его намного укрепила,
А ночью он обрел ту Силу,
Что может делать свет и мрак

И может жить во тьме печали
И над Синайскими горами (29),
Где золотил богов Израиль,
Хоть громко звуки труб звучали.

XCVII

Он с лесом говорит тайком,
На пиках гор, столь величавых,
Находит тень свою во славе:
Себя он узнает во всем.

Смотрел я на супругов двух,
Подумав о тебе нечаянно
Во всей безбрежности и тайне,
О том, что как жена мой дух.

А эти двое — заодно:
Как лето средь зимы их встречи,
Их расставанья — как навечно;
Сердца их бьются как одно.

Любовь их в вечности пребудет:
Жена ведь не забудет пыл,
Когда супруг ее любил, —
Чего б ни говорили люди.

Она одна: он уж далек,
Хоть любит все еще ее;
Она не будет плакать; все ж
Ее он сердцем пренебрег.

С ним тайной делится звезда;
Бредя по лабиринтам мысли,
Он хладен и далек, и близок,
Но добрый для нее всегда.

Она не знает, отчего
Хорош он, но хранит подарки
Его — увядшие фиалки
И любит все равно его.

Она ему поет, играет,
Вершит в доме дела она;
Она уверена сполна:
Он очень, очень много знает.

Она заостенела в вере,
Его считая очень мудрым;
«Не понимаю, но люблю» —
Во взгляде вера уж без меры.

XCVIII

Ты покидаешь нас: холмы
Увидишь ты и Рейн-реку:
Я так-то проплывал внизу,
Когда с ним вместе были мы
И шли туда, где умер он;
Но Град тот будет не живей,
Чем тот огонь Смерти очей,
Что в водах Леты отражен.

И пусть течет Дунай великий
И огибает острова,
Где вовсе не было меня:
Мне не увидеть Вены лики.

При родах неизбежна Злоба
И на помолвке; и друзей
Все чаще разлучает время;
Отцы склоняются над гробом;
У очагов молятся тысячи,
И грусть набрасывает тень
На королевский яркий день.
Он говорит — я это слышу,
Что без покоя города,
Пусть даже в них прогресс налажен
И в парках разъезжают важно
Уж фаэтоны в два ряда,
И что восторгов перезвон
Уже не может быть в толпе,
Пусть все в гирляндах из огней
И песен звук со всех сторон
Во множестве палаток, будок
И на полянках или в зальцах,
Кружатся люди в разных танцах,
А в небесах — салюта чудо.

XCIX

Рассвет, ты наступаешь вновь,
Наполнен криком птичьим длинным,
Еще — мычанием скотины:
Тогда я потерял любовь —
Его, дрожавшего тайком
Над ручейком, стремглав бегущим
И по лужайкам, и по пушам,
Что так напомнят о былом;
Его, кто напевал, как птица,
Под крышею, плющом увитой,
Смягчая Осень, что сердито
Притронуться к листве стремится;
Его, встававшего с утра
Навстречу мириадам жизней,
Рождений, свадеб живописных,
Смертей, которым несть числа.
В каком еще возможно месте:
Чтоб среди полюсного сна
Душа дитя, меня не зная,
Все ж плакала со мною вместе.

С

На холм взбираюсь я упругий:
Внизу, насколько видит глаз,
Я не могу найти пейзаж,
Что б не напомнили о друге:
И ферма старая с загоном,
И та болотная низинка,
Простая меж лугов тропинка,
Овечье пастбище нагорно,
И шепот ясеня столь томный,
Что внемлет трелям коноплянок,
И, обжитая стаей галок,
Вдоль по холму каменоломня;
Ручей, бегущий с гор поточно,
И речка пасторальная,
Как змейка натуральная,
Текущая меж пастбищ сочных, —
Все это радовало глаз,
Все говорит о днях угасших;
Его от тех красот манящих
Смерть только оторвать могла.

СІ

В саду качаться будут ветки
И опадет весь нежный цвет;
Бук без вниманья потемнеет,
Засохнет на корню клен ветхий;
Печально дисками сиять
Подсолнух будет виновато,
А розы воздух ароматом
Печально будут наполнять.
Журчать ручей печально будет
Днем и когда под неба твердью
Малой Медведицы созвездье
Звезду Полярную окружит.
Покинутою роша будет,
А с ней — прибежище для цапель,
Луна из серебристых капель,
Чье отраженье — в водах бухты,
Пока из сада и из роши
Вдруг не повеет чем-то новым,

И дети тех, кто не знаком нам,
Привыкнут к той природе позже.
Как год за годом пахарь будет
Свою пахать привычно пашню,
Так год за годом память наша
Часть образов своих забудет.

СII

Покинем милые места,
Где небо в первый раз явилось;
И крыша дома, где родились,
Приют уже другим вновь даст.
Уходим мы, но, может статься,
Покамест не покинем дом,
Любви два духа здесь тайком
За превосходство будут драться.
Один из них шепнет при том:
«Твое здесь детство песни пело;
Внимал любовным птичьим трелям
Ты здесь, в орешнике родном».
Другой ответит: «Но нередко
В беседке с другом, что почил,
Ты время проводить любил,
И дорога тебе беседка».
Два духа те полдня уже
Высказывали аргументы;
Ах, бедные вы конкуренты
В игре, проигранной вообще.
И вот тогда пришел к решенью
Поля и ферму покидать я:
Они словно слились в объятых
В единый образ сожаленья.

СIII

Пока не бросил дом я свой,
Я в ночь последнюю узрил
Сон: в нем почивший друг мой был,
И этот сон унес покой.
В своем воображеньи я
В огромном зале оказался:
Снаружи стен река плескалась,
И девы были близ меня.

На арфе пели песню в зале
О мудрости, красе, о жертве;
И статуя стояла в центре
Закрытая: ей исполняли.

Я с статуей той был знаком:
Узнать смог в статуи я этой
Любимый друга силуэт.
С приказом голубь был потом.

Узнав, что мне идти пора,
Запричитали девы с воплем,
Но путь открыли мне: там в море
На якоре ладья была.

Вблизи отвесных берегов
Поплыли мы от ветерка
Сквозь заросли из тростника,
Минуя множество лугов.

Стал еще выше берег, право,
И волны моря вдруг поднялись;
Еще величественней стали
Те девы, силы все собрав.

А я лишь наблюдал безмолвно
За ними, сидя в стороне,
Но вдруг почувствовал в себе
Титана силы, сердце словно.

И кто-то пел здесь в упоенье
О мире; кто-то вел рассказ
О будущем великих рас,
А кто-то — о звезды рождение.

Но вот прилив сильнее стал,
Запенились вдруг волны враз,
И отнесло на волнах нас
Туда, где плыл большой корабль.

На палубе наш друг стоял,
Но раза в три стал выше рост;
Он поклонился; я на борт
Взошел, и друга я обнял.

А девы подняли тотчас
Плач по своей лихой судьбе:
«Так долго служим мы тебе,
А ты сейчас покинешь нас?»

А я так поглощен был встречей,
Что оставался я немым.
«Зайдите» — он сказал всем им;
На борт взошли все девы эти.

Когда ж поднялся ветер с воем
И с парусами заиграл,
Направили мы свой корабль
К багряной туче над водою.

CIV

Все ближе время к Рождеству,
А ночь безлунна и нема;
И только церковь у холма
Трезвонит, вся одета в мглу.

Но колокольный перезвон
В сей тихий час отдохновенья
Лишь будит в сердце сожаленье,
Что нынче здесь уж новый он:

Звучит сей звон совсем нездешне;
Здесь прошлого земля не помнит;
И ничего уж не напомним
О нем: здесь ново все и грешно.

CV

Не надо нам на торжество
Сегодня собираться вместе:
Ведь на чужом теперь мы месте,
И странно наше Рождество.

А прах забытый предков впредь
Другим скрыт снегом-катафалком;
Там вовремя цветут фиалки
И жимолость, но нас там нет.

Отныне здесь ни в коем разе
Скорбь не нарушит час торжеств:
Как время, перемена мест
Порвет слабеющие связи.

Пусть тени падают истошно,
Чтоб жизням нашим вес придать:
Люблю я ночи вдругорядь,
Но их я оставляю в прошлом.

Шаг прошлого пусть никогда
По полу не ступает глухо:

Коль в древней форме нет уж духа
Зачем хранить ее тогда?

Не надо песен, игр потока,
Не троньте арфу или флейту,
Не надо танцев или жестов:
Лишь пусть сияет на востоке

Свет возрождения миров;
Как долго созревает семя;
Привычных рамок скинем бремя;
Последний круг несет добро.

CVI

Колокола, издайте звон
Вы к небу, облакам и свету;
В ночи год умирает этот;
Звоните же: пусть сгинет он.

Звон будет новым; а не старым,
И пусть по снегу он пройдет;
Хочу, ушел чтоб старый год,
А в звоне б истины звучали.

Пусть звон раздастся поскорей
По нашим близким, уж почившим,
По распрям меж богатых, нищих;
Пусть он звучит для всех людей.

Звоните по делам отжившим
И по борьбы древнейшем виде;
Вы к жизни праведной взовите,
Где все законы будут чище.

С моими рифмами печали
Звоните по страстей громаде
И по времен неверном хладе
Так, чтоб стихи здесь прозвучали.

Звоните вы и по злословью,
По ярости и по тщеславию;
Звоните же с любовью к правде
И к добродетели с любовью.

Звоните по болезням грешным
И по любви к золотым монетам,
По войнам, чтоб канули в Лету,
За мир тысячелетний здешний.

Звоните, чтоб бесстрашным стал,
Свободным, добрым человек;

Пусть тьма уйдет от нас навек;
Звоните именем Христа.

CVII

Сегодня день его рожденья,
Столь горький день, что скрылся рано
За горизонт земли багряный,
Не дав земле ни утешенья.

Не надо листьев или цвета
Для праздника теперь; и яры
Востока, Севера ветра;
А крыш края все льдом одеты.

И ошетинились кусты
Перед луной, столь равнодушной,
Нависшею над рощей грустной,
Собравшей ветки, что пусты,

Навстречу тем поточным волнам,
Что потемнеют, с морем слиты.
Вина вы лучше принесите,
Стаканы быстро им наполнив;

Дров много нужно нам притом,
Чтоб было всем тепло вокруг;
Отбросьте грусти вы недуг
И говорите, как при нем.

Отмечен будет этот день
И музыкой с весельем рьяным;
Мы выпьем за него и станем
Его любимую петь песнь.

CVIII

Я от других не отстранюсь:
Один не буду горевать
И вздохами ветра питать —
Лишь разве в камень обращусь.

Какая польза, мне ответьте,
В стенаньях, в голой вере, пусть
Достать до неба может грусть
Иль же нырнуть под бездны Смерти?

Что на вершине мы б нашли —
Себя, что гимны исполняют?
И в безднах Смерти вдруг проглянет
Все тот же человека лик.

Я извлеку из скорбной доли
Плод, что возможен в нашем мире;
И как бы ни были мудры мы,
Мудрее делает нас горе.

СIX

Его сердечное стремленье
В беседе дома не угасло,
А вместе с ним — сиянье глаз,
Увидевших всех Муз движенье.

Его ум чудный, сила воли
Людей сомненья одолели,
И рассужденья, что сумели
Противника обставить в споре.

Высокая, но не аскет,
Добролюбивая душа
Сквозь годы жизни пронесла
Ту страсть, в которой чист расцвет.

Не часто у него любовь
Была к свободе Англии —
Оплота у монархии
И без горячности юнцов.

В нем с качествами столь мужскими
Смешалась женщин грация;
К нему и дети тянутся
Руками верными такими.

В тебя глядят мои глаза;
Беда, коли напрасен взгляд;
Из нас двоих оставлен я;
Твою мне мудрость взять нельзя.

СХ

Людей в расцвете самом века
Объединишь ты разговором;
Все слабости под этим взором
Забить робкому человеку.

И гордецы с тобою рядом
Наполовину безоружны;
В твоем присутствии не нужно
Своим гадюке жалить ядом.

Колосья приглушали шум,
Когда ты мимо них гулял,

А самый дерзкий умолкал,
Не зная даже, почему.

А я сидел поодаль чинно,
Но твой триумф я разделял,
Любя такт, что ты совмещал
С искусством быть Христианином.

Ни обаянья, ни уменья
Особых нет во мне, наверное,
Но я могу любить безмерно,
И это будит вдохновенье.

СХІ

Простак в душе, но он, поверьте,
Сумел пройти сквозь все преграды
К тому, кто держит шар из золота:
Король по крови, клоун в сердце.

Простак в душе, однако, да,
Старается прикрыть желанья
Согласно моды указанью,
Их открывая иногда.

И кто б сумел играть бессменно?
Но он, кто помнит многих очень,
Не ниже, а повыше прочих —
Он всем казался джентельменом —

Он им, скорее, даже был,
Исправно в обществе вращаясь,
Чтоб благородство развивалось
В его манерах — как и мысль.

Порой мелькнувшим в одночасье
Ни предрассудкам, ни досаде
Не отразиться в этом взгляде,
Где Бог с Природою в согласье.

И потому носил достойно
Он званье джентельмена смело,
Хоть шарлатаны и сумели
Его ославить непристойно.

СХІІ

Теперь, когда мой разум менее
Уже Премудрость посещает,
Я снисходительно взираю
На ограниченность творений.

Ты занял полностью за сим
Мое пространство для любви,
И ты лишь виноват, увы,
Что равнодушен я к другим.

Так для чего ж ты был, любимый?
Общение с тобой родило
Во мне неведомые силы
С надеждою неистребимой,

Божественное объяснило,
Утихомиривая страсти,
И на раздумья очень часто
Меня о высшем наводило.

СХІІІ

Да, скорбь приносит мудрость нам,
Но сколько мудрости ты взял,
Которая вела меня,
Служа грядущим временам.

Как могут жить во мне сомненья —
Ведь твой мощнейший интеллект
Был предназначен для побед,
Борьбы, в реальность воплощенья.

Ты жил бы жизнью социальной —
Посланец миссией прекрасной;
Парламенту твой нужен глас
Как в шторм опора идеальна.

А если бы пришлось нам встать,
Собравшись с мощью и отвагой,
Тогда б ты стал, как тот рычаг,
Что повернул бы землю вспять

В невероятных потрясениях,
С агонией, всесильем мощным,
С сверженьем, криком столь истошным,
С метаньем в разных направленьях.

СХІV

Кто ж Знание не почитает?
Ты устоять пред ним сумеи!
Пусть обитает средь людей
И неизменно побеждает!

Во лбу огонь несет оно,
Хватается за шансы вмиг,

Себе все подчинив мечты:
Оно решимости полно.
Оно сродни и малышку:
Не может смерти страх умерить,
Не может ни любить, ни верить —
Паллада в Демона мозгу,
Что сильно одолеть желает
Преграды на пути ко власти;
Ее на место ставьте чаще:
Она не первая — вторая.
Здесь высшая рука какая
Должна его вести так тонко
Как несмышленного ребенка,
Бок о бок с мудростью шагая.
Земного много в Знание нашем,
А в Мудрости — небес огня.
Мой друг опередил меня,
Своей достигнув цели раньше.
Хочу я: мир благословенный
Прошел чтоб преобразование
Как ты: не в одиночку с знаньем,
А с добродетелью почтенной.

СХV

Снегов последних вот паденье,
Вот прутья изгороди в сквере
Все дружно так зазеленели,
А вот фиалочек цветенье.
Вот лес звенит так громко, смело —
Приятно в нем гулять мне так;
А жаворонок, в небесах
Невидимый, выводит трели.
Играет резво поутру
Луч солнца на полях, лугах;
Внизу — стада на пастбищах:
Белей, чем парус на ветру.
Крик чаек слышим мимоходом;
Кругом летают птицы, что
Меняют небо на гнездо,
Счастливые весны приходом, —
И так живут они повсюду.
Весны во мне проснулись трели:

Фиалкой стало вдруг апреля
Все сожаление отсюда.

СХVI

Не это ли вот сожаленье
О днях, что канули все в Лету,
Что каждый Новый Год отметит,
Весной претерпит усиление?

И все-таки весны гуденье
И жизнь, из праха восставая,
Меня поверить заставляют
В то, что дало красе рождение.

Когда один я, предо мной
Сияет друга лик тотчас;
И начинается свой рассказ
Его глас, столь мне дорогой.

Во мне все меньше сожаленья
О днях с тобой, что миновали,
И меньше у меня печали
От дружбы нашей прекращения.

СХVII

О дни, часы — ваш быстрый бег
Меня сгоняет с места, вроде,
И от общенья с ним уводит,
Чтоб в будущем стяжать успех.

Ведь человек сильней всегда
В разлуке к близости стремится,
И, если встреча состоится,
В стократ счастливей он тогда.

То для песчинки вне сомненья
И даже для кусочка тени,
Для всех подряд солнцевращений,
Для каждого прикосновенья.

СХVIII

Гигант, в нем юном обитавший,
Был занят Времени трудами,
А не любовными мечтами
И правдою людскою также.

Но ты поверь, что жизнь покойных
Всей нашей жизни все ж полнее:
Их увлекает выполненье
Бессмертных целей и достойных.

По их словам, у нас земля,
Что твердое по сути тело,
Форм много разных заимела,
Придя из жидкого тепла.

И вот родился человек
И, по Земле распространившись,
Провозгласил себя всех выше —
Царь средь существ земных навек,

Себя по жизни продвигая,
Себе путь к славе расчищая,
Вокруг всем показать желая,
Что жизнь — нелегкая такая:

Добытая со дна руда,
Вся обогретая стараньем
И увлажненная стенаньем
С ударами судьбы всегда.

Так поднимись же, шумный Фавн,
И запусти ты праздник выше,
Так поднимись: пускай не дышат
В тебе тигр вместе с обезьяной.

СХІХ

Дверь, близ которой, вспоминаю,
Сердечко билось так истово —
Сюда я возвратился снова;
Весь город спит, я ж не стенаю.

Вдыхаю запах я медовый,
Пернатых щебету внемлю,
И наблюдаю я зарю,
Тебя, друг, вспоминая снова.

Да будешь ты благословен
С речами кроткими и взглядом;
И в мыслях, с вздохом слабоватым
Я руку жму тебе сквозь тлен.

СХХ

Я верю: мы — не только мозг,
Магнитные марионетки;
Как Павел с искушеньем, метко
Я драться с Смертью с пользой смог.

Нет, мы не просто слепки глины —
Наука доказать должна.

Что для людей вообще она?
Что для меня, христианина?

Бог с ним — с тем существом смышленным,
Что после нас себя явит
Сильнее развитым, как вид —
Я для иного был *рожденным*.

СХХI

Вечерняя звезда Венера
Вослед ушедшему светилу
Зайти готова, и уныло
Все: даже слава в атмосфере.

Упряжку распрягли уже,
Втащили лодочку на берег;
Ты слышишь закрыванье двери;
Померкла жизнь в уме, в душе.

О, Люцифер (30), утра звезда:
Миров великий труд потом
Пойдет в присутствии твоём,
Чтоб близ тебя свет ярче стал.

Ладья с торговой поклажей
Плывет: вслед крик звучит сквозь тишь;
Ты молотка звук различишь,
А с ним — движенье экипажа.

Венера — Люцифер — ведь это
Двойное имя одного,
Что есть иль что уже мертво;
Ты тот же, хоть сменил ты место.

СХХII

Была со мной моя любовь,
Как против я судьбы восстал,
Разверзнуть этот мрак желал,
Чтоб Небеса открылись вновь,
Чтоб ощутить вновь в одночасье
Игры воображенья мощь,
Что дарит душам звездный дождь
С единой волею в согласье.

О, если б нас с тобой могила
Не развела! Со мною будь;
Прошу: войди скорее в грудь
И в мозг ко мне, о, друг мой милый,

Чтоб оживилась кровь моя
Твоим живительным дыханьем,
Чтоб я беспечным стал, как ране,
И чтоб забыл о смерти я.

Вновь дует бриз Воображенья,
Росинки все клонят головки,
Сверкают молнии, столь ловки;
Рождает розы все мышленье.

СХХІІІ

Там, где деревья были в ряд —
Бушует океан. Земля,
Чего ты не пережила!
Была вода, где ныне град.

Меня форму бесконечно,
На тень похожи все холмы,
И тают земли, словно дым, —
Ничто вообще у нас не вечно.

Но жив я в духе остаюсь
С мечтой, которую лелею,
И хоть «Прощай» шепчу тебе я —
Навек с тобою не прощусь.

СХХІV

К чему всегда взываем мы,
Есть вера наша и дилеммы;
Они и Он, Один и Все мы —
То Сила, скрытая средь тьмы.

Не нахожу Его нигде:
Средь насекомых иль орлов,
Ни в целой паутине слов,
Произнесенных средь людей.

Коль вера вдруг смогла б уснуть,
И мне сказали бы: «Не верь»,
И я б услышал, как теперь
Бьет океан Безбожья лют, —

Лед доводов всех растопило б
Тепло в груди моей и благо,
И сердце, словно под присягой,
«Я чувствую» — проговорило б.

Я не кричащее дитя,
В ком страх, безверие без меры —

Скорей, дитя, что, плача, верит:
Его отец при нем всегда.

И понял то я, что нигде
Никто другой понять не может:
Что руки из ночи выходят
Формировать из нас людей.

СХХV

Чего бы ни сумел изречь я —
Мой инструмент издал бы все же
Звучанье, что намного горше,
А в речи есть противоречья.
Всегда Надежда юной будет,
Лишь наблюдая сквозь ресницы;
Любовь же с ложью здесь резвится—
Все оттого, что правду любит.

А он сам песни дух вдыхал,
Когда искусна песнь была,
А коль в ней сильные слова —
Он знак свой царский подавал.

Жил близ меня, пока не стал я
Искать тебя, друг, в мистицизме;
И эта сила магнетизма,
Что заряжает все, пропала.

СХХVI

Любовь — мой Бог и Царь всесильный:
В ее присутствии готов
Родного друга слышать зов,
Что мне принес его посылный.

Любовь — она мой Царь и Боже —
Была и есть, и будет вечно;
Живу с ней на Земле, конечно,
Во сне хранимый ею тоже.

Порой я слышу, как достойно
В ночи расхаживает страж,
С мирами космоса общаясь
О том, что все кругом спокойно.

СХХVII

Все хорошо, хоть страх ночной
Отделит веру от всех форм;

Усиливает рев свой шторм
Для тех, кто слышит глас другой,
Что справедливость превозносит
И правду, хоть в который раз
Кровавой Сены сей экстаз
На баррикады мертвых сбросит.
Но горе нищим в платьях драных
И горе королю в короне,
И слышны скал крепчайших стоны,
И вот уж тает лед неожиданно:
Ломаясь, издает он треск;
И крепости трещат по швам;
Земля открылась небесам,
И утонул в крови наш Век.
А ты, любимый дух-звезда —
Ты с высоты и не заметил
Смятенье: ты спокоен, светел
И веришь в лучшее всегда.

СХХVІІІ

Любовь, что переходит в вихрь,
Что не пасует перед Смертью,
Общается со слабой верой,
Следя за ходом дел людских.
Нет у меня сомненья в том:
Нас ждет водоворот времен,
И расы, что заняли трон,
Внезапно могут пасть потом.
Так скор Времен стихийный ход
С Надеждою и Опасеньем;
И коль имел ты б намеренье
Лишь обновить былого плод,
Ненужный вынуть меч из ножен,
Толпу дурачить лжи химерой
И расколоть на секты веру,
Значенье слов меняя тоже,
И выгнать временную власть,
Студента усадить за парту,
Убогость сделать авангардом
Иль башни все с землей сравнять —

Тогда зачем же скорбь моя
Должна быть по тебе, мой друг?
А все творение вокруг
Ведет к концу нас — вижу я.

СXXXIX

Мой друг далекий дорогой,
Моя погибшая отрада,
Ты далеко и все же рядом.
Тебя люблю я всей душой.

Ты нам знаком и не знаком,
Гуманен, нежен, чуден тоже,
И в Лету кануть ты не можешь:
Ты мой навеки, целиком.

Друг — был и есть, и будешь вечно,
Любим сильнее, понят слабее;
Пойми: мечтаю о добре я;
Сливая мир с тобой, конечно.

СXXX

Твой голос слышен на ветру
И там, где шум от водопада;
Прекрасен ты в лучах заката
И на восходе поутру.

Так кто же ты? — Не знаю точно;
Но я и в звездах, и в цветах
Вдруг ощущаю твой размах,
И я люблю тебя столь прочно —

Сильней моя любовь теперь:
В ней ныне страсти очень много;
Хоть слился ты с Природой, Богом,
Ты мне сильнее мил, поверь.

Ты далеко и рядом все же;
Я рад — ты до сих пор со мной;
Мы не расстанемся с тобой,
Пусть даже умер бы я тоже.

СXXXI

О, воля к жизни не погибнет,
Пусть опрокинется мир дивный,
Взойдет на духа он вершины,
Деянья наши все очистит,

Чтоб мы могли из пепла глас
Ему подать, чтоб внял он нам,
А мы по отнятым годам
Его рыдали б: он близ нас.

И будем верить мы в надежде
Тому, что доказать нельзя нам,
Покамест мы не потеряем
Все то, что мы любили прежде.

Э П И Л О Г (31)

О, долгий и прекрасный день,
Испытанный и долгожданный —
День свадьбы, для тебя желанной —
Прекрасней, чем любая песнь.

В тот день, когда ты мне признался,
Что любишь девушку ты нашу,
Я стал безмерно счастлив так же;
Но день печальным оказался.

Еще сильнее любовь моя,
Хотя прошло уж года три,
И изменился я внутри;
Другое все вокруг меня.

А скорбь я в песнях похоронных
И не пытаюсь сохранять:
Хочу Колосса показать,
Что очень мощный, непреклонный.

Со скорбью я совсем расстался,
Хотя любовь сильнее в душе,
Чем в дни, что не вернуть уже —
Я до великого поднялся,

Мою что заставляет песнь
Звучать, как эхо дней былых
Иль как какой журчащий стих:
То солнца отблеск в нем, то тень.

Но где она — брачный цветок,
Что стать женой теперь должна?
Она вошла, как та луна,
Что брачный осветит чертог:

Взглянула на меня, что рядом
С тобой стоял, и на тебя;

Твой встретив взгляд, зарделась вся,
Подобно звездочке над раем.

Когда она еще росла,
Ты предвещал со всеми вместе,
Что розой впредь расцвеств невесте —
Лишь для тебя она цвела.

Ее достоин ты: высок
И сильный, и великодушный,
И твердый, и легко несущий
Всю массу знаний, как цветок.

А полдень уж не за горою,
И я невесту выдать должен;
В невесте страха нет, похоже:
Ведь рядом с нею мы с тобою.

Я к ней привязанным был очень,
Бывало, на колени брал,
Ее от бед я ограждал;
Теперь расстаться с нею должен.

Она женою стать желала;
И вот раздались рядом с ней
Слова, что слов любых живей:
«Согласны Вы?» — они звучали.

Когда же ты дал свой ответ,
Опять звучал вопрос всегдашний;
Ответ невесты: «Да, согласна»
Вас с ней слил воедино впредь.

Как символ радости немой,
Впишите имена свои
Так, чтоб потомки их прочли.
Ну, а потом над головой

Раздались гулко звон, бряцанье:
Они о радости ветрам
Сказали и слепым горам
И вызвали листвы дрожанье.

И вот час счастья вместе с вами,
Хоть счастья вам еще прибудет;
Полны веселья лица люда,
Вас забросавшего цветами.

Жених с невестой в час стозвонный
С крыльца домашнего сходили

И проходили близ могилы,
Но та сегодня благосклонна —
К ним и ко мне приветна очень.
Тем жизни свет всюду сияет,
Кто с ними праздник разделяет,
У моря отдыхая ночью.

Для встречи солнечных громад,
Мой дух, сливайся с небесами,
Мою да не покинет память
Французский спелый виноград.

Воображение играет,
Тепло на сердце, лица ясны;
Мы пьем за наших новобрачных,
Им счастья долгого желая.

И не судите, коль средь прочих
Я вдруг представлю отчего-то
Молчащего все время гостя,
Что тоже развлечений хочет.

Но вот они уйти должны:
Их кони в ленточках заждались;
И от стола они поднялись,
И нас покинули они.

По нам вдруг тени пробежали,
Как тень от тучки по траве;
Затем исчезла быстро тень,
Когда гулять мы вышли дале.

Мы обсуждали вперевод
Историю помолвки их,
Еще истории других;
Домой вернулись мы с росой.

И снова праздник, снова речи,
Тень размышленья, ликование,
Тосты — здоровья пожеланья —
Обилье слов и красноречья.

Последний танец, и ушел я:
Безмолвно возвышалась башня,
Что так звучала раньше важно,
А на востоке — зорь уголья.

Луна, с холма взойди красиво;
И пусть всю ночь напролет

Туман над долом здесь плывет,
Минуя город молчаливый,
Ручьи и белые дома
И замирая в высях горных,
Над устьем речек разветвленных,
Что дарят серебро холмам.
Коснись чертогов брачных дверек
И крыши дома их нерезко,
И рассыпайся ты вся блеском,
Чтоб осветить весь этот берег,
Где отдыхали сообща,
Где океана голос слышен,
И где, минуя звездны тысячи,
Из бездны выйдет вдруг душа:
Пройдя начальных стадий бремя,
Она родится человеком
Для дум, любви и действий неких —
Звеном меж нами и меж теми,
Кому открыты знаний лики,
Кто будет всей Земли хозяин,
И в чьих руках Природы тайны —
Распахнутые просто книги.
Исчезнет грубость навсегда в них:
Ведь все людские размышленья,
Надежды, действия, томленья —
Лишь семя в будущих плодах их.
Таким был друг: достоинств полон,
По жизни проходил со мной;
Он был высокою душой,
Но раньше времени пришел он.
Мой друг — у Божьего чертога;
А Бог — бессмертный и единый,
Далекий, любящий и дивный;
И все творение — для Бога.

ЗАМОК ЛОКСЛИ

Здесь, друзья, меня оставьте, пока полдень не наступит;
Здесь меня пока оставьте; буду нужен — дуйте в трубы.

А вокруг — так, как и раньше: у кроншнепов выкалканье,
А над замком Локсли через пустошь вереска — мерцанье.

Замок Локсли — он выходит на гряды песчаных пляжей
И шумящие в потоках океана горны кряжи.

Много так ночей сквозь створки, до того, как сморит сон,
Все смотрел на Орион я, как скользит на запад он.

Много так ночей смотрел я на восход Плеяд (32) созвездья,
Как, подобно светлячкам, все звезды те сияли вместе.

Здесь по пляжу все бродил я, юное питал сознание
Сказками науки, также долгим Времени влиянием.

Прошлые века лежали, как земля в плодах отменных,
Когда к существу всему я льнул лишь с верой, что все бrenно,

Когда в будущего дали погружался я мечтами,
Наблюдал картину мира, и со всеми чудесами.

Ярче будут грудки красны у малиновок весной,
И достанет чибис дерзкий хохолок себе другой.

У блестящих голубей вдруг очи их живее станут;
Юношей воображение мысли о любви помянут.

Девичьи ланиты были бледны так и тонки очень;
Ее очи наблюдали за моим движеньем молча.

Я изрек: «Кузина Эми, ты правдива будь со мной,
Верь мне: существо мое все лишь к тебе обращено».

Свет, румянец ей ланиты и чело разгорячил:
Словно роза, что алеет в северной какой ночи.

Повернулась тут она, и грудь от вздохов сотрясалась,
И она совсем упала духом в мраке карих глаз,

Молвив: «Я скрывала чувства — вред от них меня страшил.
Ты, кузен, меня ведь любишь?» Плача: «Ты давно мне мил».

Времени стакан подняв, все ж опрокинула потом:
Каждый миг вдруг просочился сквозь песок золотой при том.

А Любовь, взяв арфу Жизни, ударяла что есть силы
По своим же струнам личным, что, дрожа, вдруг растворились

Часто утром в вересковой пустоши нам лес молодой
Слышен был, и осенял он мои чувства все Весной.

Часто вечером у вод мы за судами наблюдаенья
С ней вели, и дух сливался наш от уст прикосновенья.

О, моя кузина Эми! Ты уж больше не моя!
О, как мрачна, мрачна пустошь! О, бесплодная земля!

Лживей всех фантазий ложных, лживее всех песен спетых,
От злых языков зависишь, у отца марионетка!

Хорошо ли тебе счастья пожелать? — Ты знаешь все:
Отвергаю чувства ниже, сердце меньше, чем мое!

Суждено тому случиться: постепенно до его
Уровня ты опускайся: огрубеешь — здорово.

Муж каков, жена такая ж — клоун будет их венчать;
Грубая его натура тебя сможет принижать.

Содержать тебя он будет, когда страсть пройдет его,
Чуть получше, чем коня иль даже дога своего.

Что это? Как от вина, взгляд стал тяжелым у него.
Подойди к нему — то долг твой, за руку возьми его.

«Может, мой устал хозяин, утомлен мозг у него?»
Так утешь его своею думой, легче, чем его.

На намеренье ответит, на простую эту мысль:
Лучше бы ты мертвой стала, лучше б я тебя убил!

Лучше б мы с тобой лежали, скрытые от поруганья
Сердца, в сладостном объятье и в последний раз в молчанье.

Хула нормам социальным, чуждым силе молодой,
Этой лжи, что отвращает нас от истины живой!

Хула формам, что законы у Природы отрицают!
Хула золоту, что сильно дураков так оглуляет!

Хорошо: вскипеть я должен! — Ты меня к тому подбила.
Перед Богом: я из женщин всех сильнее тебя любил.

Горький этот плод лелея, не безумец разве я?
Из груди тот плод я вырву, сердце ж у меня в корнях.

Никогда — хоть многим летам впредь составить возраст мой:
Ворон старый, что грачовник за собой ведет домой.

Только лишь в воспоминаньях утешение твое?
Оторвать ее как можно от себя, любя ее?

Помню я ту, что исчезла: чудный голос и движенья;
Вечно помню ту, чей образ мне внушал благоговенье.

Как могу о ней я думать как о неживой тогда?
Так любя ее, меня что не любила никогда.

Утешенье? Лишь насмешка дьявола! Поэт поет,
Что венец из скорби память о счастливых днях несет.

Вызывай воспоминанья, пока сердце не расслышит
Ночью, мертвой и несчастной, когда дождь стучит по крыше.

Как охотничья собака, скорбь охотится во сне;
Ты ж взираешь на мерцанье света лампы на стене.

А потом рука укажет на ее хмельные грезы,
На твои подушки вдовьи и на будущие слезы.

Ты услышишь «Никогда», что шепчут призрачные годы,
И ушей твоих коснутся издали песен оды.

А на боль твою глаз некий будет с добротой взирать.
Повернись же на подушке, обрети покой опять.

Но, однако, утешенье принесет тебе Природа.
Жизнь, что чище, чем твоя жизнь, заберет твои невзгоды.

А уста младенца смогут рассмешить меня, дразня;
От груди от материнской пальцы оторвут меня.

О, отца младенец будет благодатью одевать,
А не долгом; их обоих будет стоить благодать.

О, тебя я вижу старым, в роль неглавную одетым:
К сердцу дочери взываешь малых лозунгов букетом.

Чувства – вожаки опасны; ими тоже обладая,
Полная к себе презренья, сгнула она, страдая.

Так переживи же это – счастлив будь! О чем грустить?
Должен с действием я слиться, чтоб от горя не почить.

Так за что мне взяться нужно, освещая эти дни?
В злате двери все: откроются златым ключом они.

Толпы у ворот: все рынки заполняет эта челядь.
У меня ж воображение гневное; так что мне делать?

Сгинуть был я рад, на землю вражескую упадая
В час, когда ряды сомкнулись, а ветра уже стихают.

Но гинеи звон – усилит он удар по Чести вдруг;
Нации же только шепчут и в капкан манят друг друга.

Лишь в печали оживу я? Я переверну страницу.
Время дивное, от сильных чувств ты помоги мне скрыться!

Сделай так, чтоб, как пред битвой, кровь в виски мне застучала,
Когда слышал дни былые жизни и ее печали.

Алчущий волнений сильных, что придут к тебе потом,
Полон жажды, словно мальчик, что покинул отчий дом

И ночами по дорогам наблюдает втихаря
В небе Лондона сиянье, как печальная заря.

А его дух в нем восходит, а потом его оставит;
А внизу – свет, на который он из толп людей взирает –

Тех людей, что пожидают новое всегда почти –
Сделанное ими; все же что серьезней – впереди.

В будущее погружался я, насколько видит взгляд,
Наблюдал картину мира, чудеса, что предстоят.

Видел я, как кораблями заполняют небеса,
Кормчего в ночи, что тюки дорогие вниз бросал.

Слышал выкрики, какими наполнялись небеса,
От воздушных же флотилий шла ужасная роса.

Слышал вдаль я шепот ветра, что придет с теплом,
А знамена у народа рвутся и сквозь шторм, и гром

До тех пор, пока не смолкнет дробь у барабанов тех,
А хоругви не свернут все в Мировом парламенте.

Большинства людей смысл здравый царство в страхе здесь оставит:
Добрая земля задремлет — здесь закон всеобщий правит.

Так триумфом наслаждался я, покамест страсть моя
Вдруг меня не иссушила, не оставила меня

С сердцем вымотанным, с глазом, что пристрастен так и въедлив:
Видит только беспорядок, а наука слишком медлит.

Медленно подходят люди — те, что голодны — шагает
Лев так тихо к тем, кто дремлет у костра, что догорает.

Цель — пройдет она сквозь годы — все ж считаю без сомненья,
А с процессами на солнце расширяется мышление.

Что ему до бесполезных юности забав тогда,
Хоть, как в юности, сердечко бьется у него всегда?

Знание придет; однако, мудрость медлит, медлю тоже;
Умирает человек, но мир становится все больше.

Знание придет, однако, мудрость медлит, тяжесть давит
Сердце в грусти, что биенье к отдыху свое направит.

Вы, веселые друзья мне, кликните меня скорей —
Те, что все так забавлялись страстью глупою моей.

Не насмешка ль — все играть мне на заигранной струне?
За любовь к ней, недостойной, нынче очень стыдно мне.

Прогневит всех слабых слабость! Женщин боль иль их влечение —
По природе лишь слепые в голове пустой движенья.

Женщины мужчин помельче: страсть твоя и страсть моя —
Лунный свет на солнце, в винах у меня вода твоя.

Где природа отдыхает — ничего. Для отступленья —
В глубь сияния Востока, было где мое рожденье,

Где в сражении с маратхи (33) под звездой, отнюдь не чистой,
Пал отец; я подопечным стал у дяди-эгоиста.

О, порвать с своей привычкой насовсем, без сожаленья,
Вдаль пойти меж островами мне в преддверье дня рожденья.

Там горят созвездья, луны, небеса счастливые,
Пальмы в тропиках и клумбы райские красивые.

Никогда сюда торговец, флаг Европы не явится;
Птица лишь парит над лесом, а у скал трава ярится.

Наклонились ваза с цветом, дерево, что фруктов полно;
Цвета острова Эдема одевают в пурпур волны.

Чем иметь ход мыслей этот — лучше будет, я считаю,
На корабль, на паровоз сесть с мыслями, что потрясают.

А подавленная страсть та здесь не возымеет силы.
Я возьму дикарку, чтобы мрачный бег мой защитила.

Люд с суставом из железа будет бегать и нырять,
Дикого козла ловить там, копыя на свету метать.

Попугаям там ответить и ручьи разбрызгать можно,
А не вглядываться слепо в книги, что совсем ничтожны.

О, глупец, опять мечтанья! Дико это — знаю я,
Но считаю: варвар ниже христианского дитя.

С узколобыми мне знаться без высокого стремленья,
Словно зверю, что стремится только к низким наслажденьям!

Если варвар я убогий — что мне солнце, что страна?
Я — наследник поколений в самых разных временах.

Для меня пусть люд в ничто хоть друг за другом обратится,
Чем, луне Осии (34) словно, вдруг Земле остановиться!

Отмечается огнями не напрасно расстоянье;
Так вперед! Пускай свалится мир в рвы преобразования.

Мы сквозь тени мирозданья в молодые дни влетаем;
Пять десятков лет Европы лучше, чем века Китая.

Ранний век (я свой не знал ведь) вечно мне помочь стремится:
Горы расколоть и воды повернуть, сверкнуть зарницей.

О, я вижу обещанья духа моего явленья;
Древние все вдохновенья — сквозь мое воображенье.

Но при всем при том прощай же, замок Локсли, мне столь милый!
Для меня леса отныне сгинут, упадут стропила.

Пар отходит от границы и чернеет над трясиной,
Насыщая пред собою ветер и грозу в груди.

Пусть на замок Локсли этот дождь, огонь иль снег падут:
Ведь задует сильный ветер к морю, и тогда пойду.

ЗАМОК ЛОКСЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Поздно, внук мой! Я пол-утра по песчаным тропкам шел,
Вновь следя, как в водопадах громахают гребни гор.

Брел назад, в свое я детство, слыша кроншнепов там окрик;
Я сейчас так близок к смерти; смерть сама же в замке Локсли.

Сватовство напрасным было к той, что всех тебе милей,
А любовь свою мальчишки сравниваешь ты с моей.

В прошлом часто лепетал я, весь уверенности полон;
Детский лепет – в нем погибнуть может старый Альбион.

«Бог с ним!» – крикнет твой товарищ по несчастью. Он – глуп очень?
Те же, что манили в детстве, старика дурачат очи.

На богатого польстилась! Видно, ум ее был мал.
Помню я, как на портрете очи эти целовал.

Был портрет в том замке: Эми обнимает там меня:
Отроки счастливые те на обломках корабля.

В жизни у меня картина, на которой ты ушла;
Я один в тени остался на обломках корабля.

Боль слаба твоя, не будешь болью из-за той оцеплен;
Ты – не ты! Любовник твой – он из простого теста слеплен.

Эми, что меня любила, предала меня немило;
Но меня та Юдифь, впрочем, ума вовсе не лишила.

Лучше для нее бриллианты, чем кольцо мое златое;
Для нее закат приятней зимний, чем рассвет Весною.

О надежд всех возрожденье в сердце мысль она лелеет
И сулит до гроба верность, но, наверное, овдовеет.

Предрассудков порожденье, мать, отца что ублажает –
Что-то и внизу есть – ферма скромная нас поучает.

Там, в часовне, что уходит постепенно в землю эту,
Воин возлежит, ступнями опершись о пса – мой предок.

Он по морю как-то плыл, чтоб мусульман бить что есть силы;
Воин мертв, и слава – тоже, и за что он лег в могилу.

С Эми были мы в приделе храма много дней подряд,
На того, кто создал род наш, мы на миг бро сали взгляд.

Я стоял сегодня снова в этом боковом приделе
Прямо возле створных окон, что гербы с щитом имели.

В итальянский мрамор белый вся одета и мила,
Эми возлежит, при родах что с младенцем умерла.

Умерла — и шесть десятков лет назад, и мужа нет уж;
Лоб из мрамора целую я — седой мечтатель этот.

Нет уже огня молодого: страсти слез, ошибок этих;
Он погас, как катаклизмы на молодой еще планете.

Ныне в пепел обратились те огни, что жгли меня.
Хладен над вулканом мертвым отблеск умершего дня.

Нет тирана юных дней, и ныне немы под камнями
Все его заслуги, те, что записали над костями.

Нет друзей моих: в сраженьях смерть они свою нашли,
А другие от болезней или возраста ушли.

Нет ее, с кем золотые сорок лет мои неслись,
Той, в которой прелесть женщин с широтой мужчин сплелись.

Так мудра и с волей сильной, Эдит с нежностью манящей
С головы до ног являлась женщиною настоящей.

Женщина из женщин, Эдит — для больных ума и тела
Утешитель: порванную цепь собрать она сумела.

Здесь, пока я шел по берегу, Эми вновь ко мне пришла;
Возле нас с улыбкой легкой Эдит бледна тень была.

Нет уж твоего отца, что сгинул средь морских глубин;
Мне оставлены отныне мальчик Эми и мой сын.

Нет и матери столь нежной, что одной быть не любила
И всегда так тосковала по плечу, в котором сила.

Он боготворил так Правду; как правдив, так смел он был;
Он к Добру стремился; ныне он взирает из могил.

Но здесь Смерть тебя мудрее: все и вся она венчает;
Все закроет после драмы занавес, что опускают.

Смерть его была красива, видел он ее, при том
Женщин и детей спасал он и ко дну шел с кораблем.

Он навек ушел! Навек? Нет — ведь пока есть человек,
Свет его — сиял всегда он, освещая путь навек.

Те, кто в варварское время убивал жену, рабов
Умершего господина, жаждали родиться вновь.

Расширять свою охоту краснокожий так стремится;
Даже черный австралиец грезит белым вновь родиться.

Истина за истину и за добро — добром! «Навеки»
Слово взять от них — то в пепел обратятся они некий.

Сгинул клич «Вперед! Вперед!», что в цвете буйном вдруг почил;
Вдруг почил и слышен только разве из тиши могил.

В юности моей пространства, времени преодоления
Вдруг затасканными стали до банального явления!

Голоса «Вперед!» звенели; собирался я в ответ.
Лучше крик «Вперед!» заглушим мы на десять тысяч лет.

Ассирийские цари, все с сердцем жестким, истязали
В дни былые очень часто тех, кого они пленяли.

Позже, в Азии, тот, кто вел диких за собой Моглов (35) ,
Создал башню, в коей восемьдесят тысяч черепов.

А в эпоху Эдуарда, что богата именами,
Христиане обратили здесь христианина в пламя.

Своего врага люби, как Величайший рек мудрец;
Христианская любовь — то дикой нелюбви близнец.

Из благословений создал человек проклятья ужас;
Цезаря Рим иль Петра Рим — жестче что из них иль хуже?

Свет французы показали, пели обо всех с любовью;
Кельты Демона явили, с криком свет залили кровью.

На вершине гор надежда бдила до утра всегда
Сверху тьмы в венце из солнца, не взошедшего тогда.

Выросли ль мы наконец-то из страстей племен от века?
«Убивай врага» — какого ненавидишь человека.

Мы не лучше их? Крестьяне бьют ту лошадь, что слабее,
Гонят под навес скотину, ту сжигают, что добрее.

А скотина та, что ночью сожжена была, с восходом
Найдена в агонье смертной вместе со своим приплодом,

Что приник к притихшим маткам. Мы — как демоны: так низки?
Как хотелось бы, чтоб рядом снова был Франциск Ассизский (36) —

Подлинный католик, тот, что и цветы, и зверя даже
Называл сестрой иль братом — боль у нас одна и та же.

Хаос, Космос! Кто же скажет, как все кончится не вдруг?
Прочитайте же анналы, предложив их мудрость другу.

Ты на лучшее надейся, но дочь Прошлого — Сегодня;
Сердце подготовь ты к часу, но недолог час тот плодный.

Динамит иль револьвер коль смелость сделают неумной —
Век когда был столь опасный, очень лживый и безумный?

Зависть носит Страсти маску и, смеясь над фактом ценным,
Словно Сильным, крикнет Слабым: «Вы равны все от рождения».

От рождения вы равны? Да, коли тот пригорок — плоский.
Очаруй ты нас, Оратор, пока Лев не больше Кошки.

Пока Кошка сквозь мираж тот воспаленных языков
Больше Льва не станет — люди мрут, исполнив судеб зов.

В Индии барьер Россия коль взорвет наш — сдаться? Брани?
Слушай с поля голоса ты, прежде чем забарабанить.

Триста миллионов ныне под имперский скипетр вдруг?
Мы их сдержим? Иль упустим? Слушай то, что скажет плуг.

Нет, они, однако, Правду чувствовали бы и чтили,
Если б вы на пире этом против царства правы были.

Пахари и Пастухи, что видел я, увижу снова —
Дети Бога, короли, что в самом лучшем смысле слова.

Так правдивы, доверяют все лжецам практичным; так
Высшее владеет Низшим, что есть Высшее хотя.

Здесь и там по-королевски рождено дитя крестьян:
Здесь и там мой лорд — пониже, чем его топор, свинья.

Хаос, Космос! Вот больная та игра опять: свобода,
Что свободна, чтоб убиться, ей когда слагают оды.

Шаг за шагом добивались мы свободы той основ,
Вырастали, но упасть мы можем из-за болтунов.

Голосам скажите: «Опыт старый не умен нисколько»,
Королей своих учите, что невежды правят только.

Сильных с мест смещай, однако, не сажай взамен ты мягких,
Мудрость осуждай на рынках и бросай в лицо ей «бьяки».

С ног на голову Природу ставь, скандируй раз за разом,
Ноги над умом поставь ты и клянись: в ногах есть разум.

Время древнее верни ты без надежды очень громкой,
Государство, Трон и Церковь разломай и брось обломки.

Автор, что из романистов, атеистов, рифмоплетов,
Роль свою играй искусно, опиши стыд у Природы.

Вскрой грех братьев, свои страсти низкие ты обнажай,
Вниз в Молчанье, вниз с Почтеньем и вперед — глядят пускай.

Наполняй бутон роз детства влагой ваших стоков исто,
Влагу шли в фонтан, покамест в нем вода не станет чистой.

Пусть фантазия девичья в методе Золя плывет —
Так вперед, вперед, назад и вниз в самую пучину вод.

Все возможное ты делай, чтобы худших чаровать:
Мы от зверя все поднялись, чтобы зверем стать опять.

Для меня лишь «прах во прах», что шум ослабит саранчовый
Мира старого во прахе, прежде чем придет мир новый.

Накален я? Удивлен ты? Вряд ли это мой набор.
Тихо! И пусть скажет слово умирающий актер.

Выкрики любви незрячей, пока жив тот господин?
Крики узкого сознания, а не музыка глубин?

Для уверенных я старый и седой с седым умом.
После перемен всех громких неизменный Май найдем?

После сумасшествия и Якобинства и резни
Сила поведет сквозь дни нас, но не видеть мне те дни?

Как придет упадок схем всех, Королевств, Республик тех,
Что-то, что добрей, придет: за одного все, он — за всех?

Расы все, которых водят Справедливость иль Влеченье,
Миллионы — как один все с юности моей виденьем?

Все болезни — под Наукой: нет глухих, незрячих больше;
Сильным ты рожден иль слабым, тело — страстней, разум — дольше?

Наконец, Земля без войн и где язык, раса одна —
Видел я ее далеко — так Земля еще юна?

Тигра блажь, гадюки страсти все подавлены отныне,
И сады — из всех оврагов, и возделаны пустыни.

Вся в вселенском урожае, улыбается Земля;
Океаны омывают без войны ее поля.

Без войны? Когда десятки — тысячи, тысячи — миллион,
Урожай ее так мал и — как представить люд без войн?

Без войны? Война исчезнет позже? Позже или враз?
Иль когда Земля погибнет, как мертва Луна сейчас?

Астрономы называют ее мертвой... С сего дня
Меж холмов песчаных, там, где башня Локсли вся видна, —

Шесть десятков лет назад мы здесь последний раз встречались
С Эми – свет зеленый лунный сквозь туман шел бледно-алый.

Прямо над воротной башней, где она видна и ныне,
Мы стояли, обнимались и клялись в любви по жизни...

Да, мертва, но замок, дюны слава осветит ее!
Лунный свет – все ж свет от солнца, солнце же само уйдет.

Близ нее Венера! Нашей жизни улыбаясь этой,
Ближе к Солнцу, где, возможно, никогда не вянуть цвету.

А Венера – та притянет все хорошее домой;
На Венере все прекрасно: там народ, король благой.

Хоть сродни великолепье нам и Марса, и Венеры –
В красоту Планеты этой, где мы стонем, больше веры.

Можно ль нам мечтать о войнах, бойне, злости или мести,
Иль о Лондоне, Париже в этом мирном света месте?

Разве можно, глядя в небо, где прекрасных звезд так много,
Нам зывать, ломая руки: «Что мы здесь – то воля Бога»?

Так вперед в безбрежном море и назад, и вновь вперед –
Знаем трудности судьбы все нашей мы наперечет.

Солнца все – они ль не символ человечества всего
Или Разума, что видит проектанта, план его?

Зло есть на Земле лишь? Или там, где люди – боль-возня?
Хорошо быть благодарным слову «эволюция».

Эволюция извечно с идеалом хочет слиться,
А Реверсия извечно в грязь стащить ее стремится.

Что за люди, коль Он должен нас остерегать? – Король
Так вскричал. Всю жизнь вредим мы, словно однодневка-моль?

Небеса тихи, а Солнца яростны на фоне этом;
И по миллиону миль в день все накрутят их планеты.

Много раз Земля менялась до прихода человека,
Много лет должно промчаться, прежде чем уйдет навек он.

Так Земля огромна – все же ограничена она;
Зелени, лазури нежность, дюны, горная стена!

Только Тот, кто сотворил нас, стать сильнее нам дал наказ,
Поместил Небесну сферу внутри человека глаз.

Образ свой бескрайний в душу человека поместил;
Беспредельность в микромир и беспредельность в Макромир.

Вот, о внук мой, замок Локсли с львом, что охраняет вход;
 Не сегодня в замок Локсли — завтра поздний твой приход.

Сломан поезд твой — иль все уж? Колесо сошло? Злой отрок!
 Хорошо ль вперед стремиться, к радости иметь охоту?

Хорошо ль, пока с Наукой соревнуемся мы слишком, —
 Загрязняют души, чувства в мути города детишки?

Там среди аллеек темных на ногах Прогресс из глины;
 Голод на панель бросает тысячи девушек невинных.

Мастер там свой стресс всегдашний ежедневный бережет;
 Одинокий мезонин там живых, мертвых обоймет.

Там огонь от лихорадки на полу прогнившем тлеет;
 Переполнена повозка там инцеста в бедных гетто.

А вы все «Вперед!» кричите, юности полны, надежд,
 Я ж — как слабая собака, коей восемьдесят лет.

Слабый, старый, в гроб сойду я, переживший сам себя,
 Но хочу: хоть вполвину юность к свету шла б, как я.

Свет слабеющий усилить Равенства? А с ним рассвет?
 Очи старые ведь могут забирать растущий свет.

Далеко за мириадами планетных изменений
 Отличаться Земля будет от моих и ваших мнений.

Если самого плохого иль благого достигает
 Вдруг Земля, то человека идеальным посчитает?

Так вперед, но помнить надо все-таки Времен нам ход,
 Вспять идущие кривые вкруг себя он обернет.

Замок не сегодня, внук мой! Держится Смерть своего.
 Мастер же пусть спит час первый сна последнего его.

У него душа получше, чем моя — эсквайр простой;
 Зависть молодости лжет: он с очень доброю душой.

Из груди своей яд вылей, из ума — безумье тоже;
 Пусть змея тебе покажет, что ты не впустишь прожил.

Юный! Юность, старость — только лишь студенты низшей группы;
 Он — отнюдь не мудрый самый, что ни разу не был глупым.

Вдалеке деревня наша — там слабеет Красота:
 Где Наука возрастает, Красота там всем чужда.

Старый Пансион у нас есть: там герб Локсли поднимают,
 Лишь пока крестьян корова в поле чужака бодает.

О, Геральдика, а с нею и Поэзия былая:
Вы теперь в одном потоке, здравый смысл где утопает!

Глас восьмидесяти старый, что кричит ушедшим вслед!
Я любил лишь глас ушедших, и на мертвых лишь мой след.

Для меня весь мир — как призрак: лишь фантом смыкает вежды —
Далеко вперед отсюда — восемьдесят лет надежды.

Над его я гробом каюсь здесь теперь после того,
Как, его случайно встретив, руку не пожал его.

Когда трейлер кирпичи здесь у фундамента крепил,
Лет шесть только было Эдит, и я юный мальчик был.

От дождей там укрывался я под свода потолком,
Ликом Эдит любовался, как среди цветов цветком.

Этой ночью здесь! А завтра — в Замке, с колокола гимном!
В темной комнате услышу ль: «Я люблю тебя взаимно»?

А затем звон колокольный — звать невесту начал он;
Ту, что сникла, отстранил он от меня; раздался звон.

Эха тихие! Леонард мой, на жизнь ты не пеняешь,
Средь людей вращаешься и вслед за лидером ступаешь.

Он старался шестьдесят лет вдовства помогать заботой
Бедноте, воздвиг дом, создал школу, осушил болото.

Слышит он сейчас того, кто обижал его? Как знать?
Не пропасть Земле, пусть даже он — один на пятьдесят.

А когда Земля достигнет Самого в себе Благого,
Должен Бог в игру вмешаться: безымянных средь нас много —

Тех, что Силы Зла и Блага, как и все мы, ощущают
И бальзам фонтаном Воли или яд свой источают.

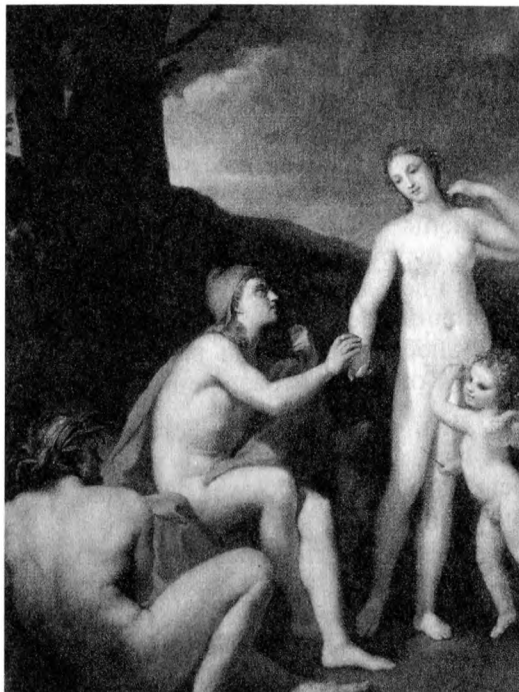
Следуй за Звездой, что светит над дорогою безлюдной,
Чтоб увидеть, что Природа Высшая людей столь чудна.

Следуй Свету, действуй Верно ты, покамест не явится
Пред тобою Ангел вечный, что сидит в пустой гробнице.

Так вперед; мгновенье шторма сгинет пусть, смешавшись с Старым.
Я его любить явился. Победит Любовь в финале.

Когда умер ты, как я был ты: восьмидесятилетний;
И тебя я оставляю, замка Локсли лорд последний.

ЭНОН (37)

Лежит долина в Иде (38) — лучше
Долин всех, что на холмах Ионийских.
А по долине пар волной струится
И, ширясь, от сосны к сосне ползет,
Чтоб замереть потом. А с двух сторон —
Лужайки и луга в цветах внизу;
Под ними же большой ручей журчит,
Который по ущелию бежит
От водопада к водопаду, к морю.
За долом — высочайший Гаргарус
Стоит, встречая утро; впереди
Ущелия широкие зияют
И открывают Трои цитадель —
Корону Трои.

Днем сюда пришла
Энон унылая, печалась горько
О друге детских игр своих — Парисе.
Увяли розы на ее ланитах,

Ее же шею локоны обвили.
На камни от развалин опершись,
Она все пела, пока тень горы
К ней не спустилась с верхнего утеса.
«Мать Ида, что фонтанами богата,
Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Сейчас в горах царит спокойный полдень:
Не слышно и кузнечиков в траве;
А ящерка, отбрасывая тень
На камень — тень сама, а ветры стихли.
Цветок пурпурный сник: пчела золотая
Спит в цветоложе; я одна не сплю:
Мои полны слез очи, ну, а сердце
Мое — любви, оно теперь разбито;
Устала я от жизни совершенно.

Мать Ида, что фонтанами богата,
Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Послушайте, Земля, Холмы, Пещеры —
Прибежища змеи в короне холодной!
О, гор ручьи, я — дочь речного Бога,
Внемлите мне — я буду говорить:
Я скорбь воздвигну в песне, словно стены,
Что поднялись мелодии навстречу,
Как облако, что появилось, — может,
Пока я говорю об этом, сердце
Чуть отойдет от глубины тоски.

Мать Ида, что фонтанами богата,
Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Внизу холмов рассветных я ждала,
А в вышине лужайка гор в росе
И горная сосна в росе темнели.
Парис прекрасный и жестокосердный,
Ведущий белорогую козу —
От в тростнике Симойса он пришел.

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Вдали меня поток звал из ущелья,
А утро одинокоеверху
Бросало девственные снега хлопья.
Я, очи потупив, одна сидела.
Он, как звезда перед рассветом, шел
Со шкурой леопарда на плече,
С власами золотыми, как у Бога;
Ланиты розовели, словно пена,

Что бризом одевается, а я —
Все сердце у меня к нему рванулось.

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Он улыбнулся и, ладонь открыв,
Явил златой фрукт сада Гесперид (39),
Что пах амброзией. Пока смотрела
И вслушивалась я, поток словесный
Проник мне в сердце:

«О, моя Энон,
Моя Энон с красивыми бровями,
Ты яблоко возьми: на коже
Написано «Прекраснейшей»; наверное,
Подарок сей заслужишь ты — прекрасней
Всего, за чем охотится Орезда
На холмах Иды, грации полна».

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Устами он моих коснулся уст,
Потом добавил: «Брошен был на стол фрукт,
Когда все Боги враз собрались там,
В Пелея (40) залах; и там спор возник:
Кому из них принадлежать он должен?
Ирида (41) легконогая его
Вчера мне вечером дала. И все
Судью избрали; и пришли сегодня
Паллада, Гера, Афродита — все
Они себя прекраснейшими мнили.
За рощицей сосновой в гроте можно
Увидеть их, дыханье затаивших;
И там Парис твой суд Богов свершит».

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Был полдень, и серебряная тучка
В долине между сосен затерялась.
Потом они к беседке подошли —
Все были обнаженными притом.
У ног их крокус, как огонь, пылал,
Цвели фиалки, лотос и нарциссы.
Поднялся ветер, потревожив кроны
У ив и виноградников верхушки.
Во множестве гирлянд дикорастущих
Пошло гулянье, что смогло расцветить
Сучки фестонами цветов и ягод.

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
На кронах древ павлин горел пером,
Вверху золотая тучка проплывала,
Росу прозрачную над ним пролив.
И я тогда услышала впервые
Глас той, что шла по Небу, словно свет,
Становящийся шире все и чище, —
Ее приветствуют все Боги, стоя.
Она Парису предложила власть
Безоговорочную и доход
Огромный, чтоб украсить государство,
С рекой долины и поля пшеницы
Иль шахту, злата полную, без дна.
Она сказала: «Честь, почет и дань
От гаваней и городов портовых
С толпой людей под мачтой цитадели
В заливах средь ее высоких башен».

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Она продолжила вещать о власти,
Что «во всех действиях венчает все.
Так вовремя подоженная власть,
Которую ведет, питает мудрость,
Покорность от соседних королевств,
Пока твоя рука удержит скипетр.
Вот милость от Небесной Королевы
Тебе, Парис, от короля рожденный,
Хотя всю жизнь ты прожил пастухом.
Благословляем мы тебя особо
Людей во власти видеть, что, как Боги,
Достигли отдыха над громом, счастья
И осознания своего господства».

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Она тут смолкла, а Парис держал все
В деснице вытянутой ценный фрукт:
Так сильно мысль о власти им владела.
Паллада же чуть поодаль стояла,
Придерживая голыми руками
Копье на алебастровом плече.
Ее серьезные, большие очи
Над грудью белой и ланит багрянцем
Взирали зорко и решенья ждали.

Она сказала: «Самообладанье,
Достоинство, самосознание лишь

Ведут ко власти суверенной (но
Не ради власти), чтобы по закону,
Что есть, жить, исполнять его без страха.
А так как в праве — правда, то ему
И следовать, последствий не боясь».

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Она рекла: «К тебе я без наград:
Я и без них не менее прекрасна.
Суди меня такой, какая есть я;
Найди прекраснейшей меня.

Хотя
При взгляде на проявленное чудо
Твои глаза, что смертны, слишком слабы,
Чтоб бескорыстно о красе судить.
Спокоен будь: тебя любить я стану,
И страсть моя, с твоей смешавшись кровью,
В твоей крови взиграет, как у Бога,
Чтоб повести тебя по жизни смело
Сквозь все ее опасности, удары,
Пока твое терпение не станет
Поступком, воля же твоя узнает
Свободы цену».

И она здесь смолкла.
Парис задумался, а я вскричала:
«Парис, отдай его Палладе!». Но
Не слышал он меня: о, горе мне!

Мать Ида, что фонтанами богата,
Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Италии прекрасная Венера,
Свежа, как пена из Пафосских вод,
Откинула нежнейшими перстами
Назад с чела, груди власа златые,
Что вокруг горла, плеч ее обвились.
Когда же двигалась она, ее
Сияла бело-розовым стопа;
Поверх ее округлых форм блуждали
Меж виноградных лоз от солнца блики.

Мать Ида, внемли мне, иль я умру.
Парису на ухо она шепнула:
«Тебе я обещаю в жены ту,
Что в Греции нежней всех и прекрасней».
Она так говорила и смеялась.

От страха очи я свои закрыла;
Когда ж я их открыла, то Парис
Поднял свою десницу; я узрела
Рассерженные очи Геры, что
Ретировалась в тучу золотую.
В беседке только я одна осталась;
С тех пор до смерти одинока я.

Мать Ида, все же внемли, иль умру я.
Прекраснейшей женой? Я ль не прекрасна? —
Возлюбленный мне говорил то часто.
Я думаю, что точно я прекрасна:
Намедни дикий резвый леопард
Мной любовался, как звездой; ласкаясь,
Игриво он клубком в траве свернулся.
Откуда самой любящей ей быть?
Пастух мой, обовью тебя руками,
К устам твоим своими прижимаясь;
И буду целовать тебя так часто,
Как часты осенью дожди в Симойсе!

О, мать, мне внемли прежде, чем умру я.
Они пришли, они спилили сосны
Мои густые — те, что возвышались
Над рифом горным и ущельем синим;
Меж снежных гор вершин и водопада
Неопытный орленок обитал;
Из-под таинственных и толстых сучьев
Пантер рычанье раздавалось утром,
Когда внизу долины я сидела.
Энон не видеть больше никогда
Крадущийся сквозь них туман утра
Иль серебристый блеск луны на них
Меж звездами и звонким ручейком.

О, мать, мне внемли прежде, чем умру я.
Хочу, чтоб где-нибудь среди развалин,
Среди обломков, брошенных в долине,
Иль в чаше я бы встретила ее,
Что, Гнусная, пришла совсем не званой
В застольный зал прекраснейший Пелея
И бросила на стол златистый фрукт,
И породила перемену эту.
В лицо сказать хочу ей: ненавистна
Она мне и мужчинам, и Богам.

О, мать, мне внемли прежде, чем умру я.
Не клялся ль он в любви мне тысячу раз
В зеленой сей долине под холмом
На камне сем, на сей руке, ее
Целуя и слезами орошая?
Счастливыми слезами все ж, однако!
О, Небеса, как можете лицо
Мое вы видеть? О, земля, как можешь
Выдерживать мой вес? О, смерть, о, смерть,
На сей земле достаточно несчастных;
Ступайте мимо вы, счастливы души,
Что любят жить. Молю тебя: пройди
Пред жизни моей светом, затени
Мою ты душу. Сердце мне ты давишь;
Так надави на веки: пусть умру я.

О, мать, мне внемли прежде, чем умру я.
Умру не одинокой: возникает
Во мне все больше мыслей воспаленных;
Из них вопросы черпаю, когда
Я слышу звуки мертвые в ночи,
Идушие из глубины холмов.
И смутно цель неверную я вижу,
Как мать — черты у будущего чада
Перед его рождением — дрожь меня
Охватывает: никогда ребенка
Я не рожу с его отца глазами!

О, мать, мне внемли прежде, чем умру я.
Земля, послушай: не умру одна я,
Пока их смех счастливый слышу я,
Бредущая по холодной и беззвездной
Дороге смерти, старую любовь
Оставившая женщине-гречанке.
Я встану, в Трою я пойду: туда
Приходят звезды говорить с Кассандрой;
Речет она: огонь пред нею пляшет,
В ушах — шум от мужчин вооруженных.
Что может это означать — не знаю,
Но знаю: где когда бы ни была я,
Земля и воздух — лишь огонь горящий».

ДВОРЕЦ ИСКУССТВ

Построил я душе дворец прекрасный,
Чтоб жизнь ей легку уготовить.
Сказал я: «Веселись, душа, и празднуй,
Пируй: все хорошо ведь».

Фундамент скальный выбрал я большой,
Что гладок был, как меди гладь;
А вал, выходит что на травостой,
Внезапно стал сиять.

Я стены крепкие возвел потом
И лестницу: наверх она
Шла, чтоб душа в своем дворце большом
Жила совсем одна.

И я сказал: «Пока жив мир бессечно,
Король, ты правь в одном лице
Спокойно, как Сатурна тень, что прочно
Спит на его кольце».

И не замедлила душа с ответом:
«Поверь мне: буду жить блаженно
В моем особняке огромном этом,
Богатом, совершенном».

Четыре сделал я двора-квадрата
С лужайкой в каждом непременно:
Там брызгали драконов пасти златы
Струей фонтана пенной.

А вокруг дворов, зеленых и прохладных,
В ряд арки крепки разбегались;
Они всю ночь на звуки струй фонтанных
Там эхом откликались.

Вкруг крыш – большой из золота балкон
На дали открывает вид
И панорамы ширь, где небосклон
С песком и морем слит.

А от фонтанов четырех потоки
Одним потоком с гор сбегали
Туманными струями самотеком
И радугу рождали.

Казалось, что скульптуры по горам
С вершин свисали и душистый
Как будто поднимали фимиам
Из чаши золотистой.

Подумала душа: «На ту обитель
Открытым глазом кто ж воззрится,
Когда на солнце радуга дрожит,
И ладан там курится?».

Упорно возносился вверх сей ладан;
С утра иль на закате дня
Там галерея с рейками из злата
Вся словно из огня.

Подобно окнам ржавым заглубленным,
Неспешно так воспламенялись
Те язычки огня от сводов темных
И гор вершин касались.

Дворец был полон коридоров длинных,
Что звуки гулко издавали;
Сквозь них душа ходила благочинно
Весь день из залов в залы.

Дворец тот состоял из комнат разных,
Что все Природы так достойны,
Со всеми настроеньями согласны
Души моей спокойной.

В одних — зелено-синие шпалеры
Сияли летнею зарей:
Охотник, щеки что раздул не в меру,
Дул в свой рожок витой.

Иные были темно-алы словно —
То было следом от песка;
Казалось, кто-то шел неугомонно
Там, где луна низка.

Иные представляли волны, берег —
Ты словно слышал тот прибой,
Волн рокот от ударов о пещеры
Под воздуха стеной.

И реку полноводную — другие,
Неторопливо что течет,
Где замышляет гром дела плохие,
Где тенью дождь идет.

Ну, а иные на переднем плане —
Жнецов за жаркими трудами,
Возвышенности сзади очертанья,
Шумящей под ветрами.

Передний план других — от шлака черный,
А задний — с линией гор неких:
Надменны скалы над вершиной горной
Вверху с огнем и снегом.

На третьих — сумерки на Альбион
Упали на луга с росой
Спокойней, чем какой спокойный сон,
Дом древнего Покоя.

Помимо, все прекрасные пейзажи
Для настроений всевозможных
Там были; в них веселость, грусть, кураж
Представлены, как должно.

Еще там богоматерь у распятыя
Иль же на солнечных лугах
Сидела близ изделия из агата
С младенцем на руках.

Иль же на море, в граде очень чистом,
Вблизи органных струн из злата
С цветами белыми в власах волнистых
Цецилия (42) спала там.

Иль же, столпившись у порога Рая,
Склонилась группа райских дам
Над мусульманином, что умирает:
«Тебя мы ожидаем».

Иль отпрыск Утера (43), тот, что изранен,
В пространстве склонов пастбищ райских
Лежал, на Авалона (44) дол взирая,
Под наблюденьем царским.

Иль, к уху приложив одну из рук,
Стоял король Осонский, чая
Шагов услышать нимфы тихий звук,
Премудрости желая.

Над риса грядками и кроной пальмы
Иль прямо над горы отрогом
Вдруг летом плыл из Индии трон Камы (45),
Когда так специй много.

Иль мантию прекрасную Европы
Бриз легкий относил назад;
В одной руке у той Европы – крокус,
В другой – рожок из злата.

Еще там Ганимед, в высь неба взмывший,
За бедра схваченный (46) Орлом,
С его ступнею, небо прочертившей
Звездой над городом.

Не только это лишь: легенды все,
Что высший ум Кавказа некий
С Природы для себя взял, были здесь,
Задуманы навеки.

Я в башни много взял колоколов:
Подобен серебру их звук;
Отборные портреты мудрецов
Расставил я вокруг.

Там Мильтон (47) был, как Серафим (48), силен;
Шекспир с ним в ряд монументальный;
Там песнь свою пел Данте утомлен
С улыбкою печальной.

Еще там Ионийский (49) был отец:
Морщин на коже очень много;
Снег сотни зим упал на это сердце
Со щек и подбородка.

Над головой прекрасный свод повис,
Где кверху арки поднимались;
Взлетая вверх и опускаясь вниз,
Там ангелы встречались.

Мозаика была искусна снизу,
Рассказывая бесконечно
Народа сказку о земель всех жизни,
Что остается вечной.

Работал здесь народ, трудом задавлен,
Нуждою движимый своей;
Здесь тигр играл, раскидывая главы,
Короны королей.

Атлет здесь вырос, могущий ломать,
А мощь его вся — в единенье;
Но словно слабый кто-то здесь опять,
Доверчивый к лечению.

Но шла она высокою тропкою;
Раздался колокольный бой;
Она взошла на трон промеж альковов,
Чтоб песни петь одной.

Сквозь яркий от альковов фимиам
Богородные два лика
Взирали вниз — Платон и Фेरulam:
Кто лучше — в том интрига.

И все те имена, чей ум с успехом
Мир изменял сей беспрестанно,
Горели ярко между хрупких вех
В различных платьях странных.

Сквозь них янтарный розовый огонь
Плясал в ее очах, висках,
А с уст ее, как утро от Мемнона (50) —
Мелодии река.

Продлить и соловью не интересно
Ей одиночество, не просто,
И свыше сил моих внимать сей песни
Ее сквозь камни остры.

Она от счастья быть живою оды
Петь примется иль же мурлыкать:
И видимой Земли, и с ней Природы,
И чувств пяти Владыка.

Она сама себе рекла: «Все это
Мое, пусть мир войны не знает».
Она, лишь день закатный звездным светом
Младая ночь венчает,

Столь мастерски приблизив красоту,
Свет зажигала в розеолах
Сквозь драгоценных масел чистоту
В камнях бесценных полах.

Чтоб рай отобразить, Душа тогда
В ладоши хлопала, кричала:
«Ах, если б радость в доме сем когда
Вдруг в небеса взмывала.

Прекрасные картины многолики
Глаза питают, что остры!
Приятны формы и оттенки, лики
Велики и мудры!

Как Бог, быть одинокой мне важней —
То для меня награда ныне,
Когда слежу за стадом из свиней,
Что вон на той равнине.

Они скребут в нечистых струпьях кожу,
Они выводятся и спят,
К ним некий глупый дьявол часто вхожий,
Что их уносит в ад».

Затем она про совести мольбы
Вещала и про вырожденье
По праву состоявшейся Судьбы,
Промолвив в заключение:

«Людским умом, делами завладела —
Пусть секты это отрицают:
Как Бог, пренебрегаю формой веры,
Но все я созерцаю».

Тайн множество земли, что захворала,
Уже сумело к ней попасть;
Она ж святую радость сохраняла
И интеллекта власть.

Ее расцвет так длился года три,
А на четвертый — ничего:
Упала, словно Ирод (51), когда крик
Достиг ушей его.

А прежде, чем ей кончить житие,
Бог, что извечно обнажал
Любые бездны личности, ее
Отчаяньем объял.

Душа, лишь погружалась в размышленье,
Как будто в воздухе росой
Слова «Аминь» писались вдруг в смятенье,
И уходил покой.

К уединенью страх и отвращенье
Ее объяли, в продолженье —
Презрение к себе, и в завершенье —
Смех перед тем презреньем.

Она рекла: «Мои ль не в этом силы?
Сей дом огромный для меня?
В его фундамент камни заложили,
Себя как помню я».

Но в темноте углов дворца унылых —
Неверны тени, и размыты
Фантомы белоглазые вампиров
Ночных кошмаров скрытых.

А пламени пыл окольцует грубо
Пустую тень; днем в тишине
Она к трехмесячным приходит трупам,
Приставленным к стене.

Душа моя — как скука без прорыва,
Застоя мгла, где еле-еле
Движенье вверх и вниз без перерыва
К определенной цели.

Соленый тихий пруд, что заперт словно
Наносами песка на бреге —
Внимает он морям, катящим волны,
Что белы в лунной неге.

Звезда, что в общий танец не включилась,
Узрила, стоя, вдруг орбиту
Тех Обстоятельств, что так подчинились
Закона монолиту.

И на нее опять сошла гордыня:
«Ни голоса сквозь мира тишь, —
Она вскричала в зале том пустынном, —
Одно молчанье лишь!».

Раз десять в стыд обернута, она,
Замешивая дерна тесто,
Лежала, от Богов удалена,
Без имени и места.

Ей были равно чужды жизнь и смерть,
Не видно было ничего ей —
Лишь страшные и время, и бессмертье,
Где нет нигде покоя.

В смятении от страхов пребывая,
Что были все сильней, она,
Гнет постоянный слез претерпевая,
Всегда была одна.

Как будто бы закрыта в склепе старом,
Силен где, как и стены, мрак,
Она вдали как будто услышала
Вдруг человека шаг.

Как странник, что в краю чужом что ищет,
Весь в замешательства миноре,
Еще до лунного восхода слышит
Неведомый шум моря,

Совсем не зная, гром ли это, скал
Треск, рев зверей, и размышляет
Так: «Землю новую я отыскал,
Однако, умираю».

Она рыдает: «Я полна огня»,
Но ей никто не отвечает. —
«Что грех мой заберет, спасет меня?
Иначе я скончаюсь».

Прошли четыре года, а потом
Она, сняв платье королей,
Велела в доле строить дом, чтоб в нем
Молиться, плакать ей.

«Но башни моего дворца не рушь:
Они легки, прекрасны даже;
С другими, может, я туда вернусь,
Когда вину заглажу».

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРАБСКИХ НОЧАХ

Когда бриз утра раздувать
Стал вольно детства паруса,
Пошла со мною Лета вспять —
Текущая вперед та Лета:
Я в летний солнечный рассвет
Близ Тигра (52) явлен был на свет
У золотых гробниц Багдада,
У старого густого сада
И Магомету дал обет —
Ведь то была пора расцвета
Гаруна аль-Рашида (53).

А по ночам ладья моя,
Сквозь листья пробираясь исто,
Плыла по водам, что искристы —
С ней рассекал их тени я.
Вовсю распахнуты ворота

На берегу в садов стене:
Блестит в них ярко позолота;
Диван на каждой стороне.
 Блаженны были эти лета —
 Ведь то была пора расцвета
 Гаруна аль-Рашида.

Там, где платаны сторожили
Речное устье, нос ладьи
От шлюза вниз через канал
Реки я часто направлял,
Где склосы трав подлунных были
Дамасской все работы, и
Несжатые ползли цветы
Вниз, чтоб достичь спящей воды.
 Блаженны были эти лета —
 Ведь то была пора расцвета
 Гаруна аль-Рашида.

Движением волны речной,
Что нарушала вод покой,
Ладья плыла в тиши полночной,
Пока я не сумел на ней
Проникнуть в ночь еще темней,
В грот, где свод пальмы стройной, прочной
Хранил гирлянд цветочных ворох
Под куполом из веток голых.
 Блаженны были эти лета —
 Ведь то была пора расцвета
 Гаруна аль-Рашида.

Все дальше; чистый тот канал
Похож на озеро, что чисто.
Каскад от берега журчал —
Из звонких ручейков кристалл.
А через малый низкий сток
Центрального ключа поток
Спадал со звоном серебристым,
Тревожа близ челна песок.
 Блаженны были эти лета —
 Ведь то была пора расцвета
 Гаруна аль-Рашида.

Все сплошь в ракушках разноцветных,
Над поворотом стен, что крыты,
Чтоб отводить светила стрелы,

Колонны шли, а с двух сторон —
В рифленных вазах, урнах медных
Цветов восточных крупный фон:
Одни из них — полураскрыты,
Другие же — раскрыты смело —
Несли свое благоуханье
Поре златого процветанья
Гаруна аль-Рашида.

Вдали, где роща из лимонов
Тянулась вверх за свой предел,
Затих вдруг свежий бриз ночной,
Когда там соловей запел —
Не он, но что-то, что владело
Смертями, радостью и тьмой,
Любовью, жизнью, болью стонов,
Что так свободно без предела,
Вне времени и вне пространства,
Но славящее мусульманство
Гаруна аль-Рашида.

Дремали сада все беседки,
А пальмы возвышались тихо,
Неодолимые ветрам;
Внезапное сверканье там
Позолотило древ одежду,
Перелетая быстро между
Их листьев и тревожа лихо
Поверхность озера подсветкой.
Блаженны были эти лета —
Ведь то была пора расцвета
Гаруна аль-Рашида.

Лазурь небес над головой,
Где звезды свет роняли свой,
Темнела от того огня;
Я выпрыгнул из лодки мягко,
Где был еще не брошен якорь;
И тут экстаз объял меня,
Как если б я попал сквозь сон
На берегу в прохладный дерн,
Плененный чудным местом этим,
Сопоставимым так с расцветом
Гаруна аль-Рашида.

Оттуда я сквозь сад прошел
И много насыпей, холмов,

Полянок в тех местах нашел,
Что полны тихих шорохов,
Из мирриса густых лесов,
Из кедра и из тамариска,
Розариев — там запах шел
Душистый, многоobeliskов,
Что знаки дней тех содержали
И процветанье воспевали
Гаруна аль-Рашида.

Виденьем смутным от кудесниц
Решетки силуэт возник
В конце аллеи: я проник
К дворцу большому Халифата.
Там прямо до дверей с узором
Вверх разбегались по-над полом
Проемы мраморные лестниц;
А от перил золотой шел блик
Согласно моды указанью
И духу в пору процветанья
Гаруна аль-Рашида.

А окна с множеством огней
Горели светом полнокровно,
И миллионы фитилей
Из серебра стыдили словно
Тьму призрачную и тянулись
Над крышами с луны серпом
В Багдад, пока не проглянулись
Вдруг сотни лун на небе том
Наставшей ночью — те мгновенья —
Прекрасные для прославления
Гаруна аль-Рашида.

Подкрался я, взглядеться чтоб
Мне в молодую персиянку:
Тиха, с очами, что ласкали,
Чьи веки серебром сверкали,
Ресницы — словно мрака стрелы,
Как с эбонитом жемчуг, лоб,
А кудри смоляные, тело
Прикрыв, волной спадали манко.
Прекраснейшая дева эта —
Достойная поры расцвета
Гаруна аль-Рашида.

Колонн шесть, что стояли по три,
Из серебра все, закрепляли
Трон пышный: в складках ниспадали
Полотна золота с него
В венках, узорах и цветах.
И там увидел я его:
Со смехом, что был скрыт в очах,
В веселии гордыни доброй,
Звезду времен всех и всех мест —
В эпоху золотых торжеств
ГАРУНА АЛЬ-РАШИДА!

СТИХОТВОРЕНИЯ

КОРОЛЕВЕ (54)

Примите скромную легенду,
Старинную и новую: рассудок
В ней в состоянии войны с Душой.
Высокие в ней качества людские
Вобрал в себя реальный человек:
Нет, он не призрачный король зловещий,
Не персонаж он Мэлори (55) иль Джеффри (56)
С пороком времени, что отдавался
Попеременно войнам и распутству,
Коронованьям и сверженьям.

КЛАРИБЕЛЬ: ПЕСНЯ

Где Кларибель лежит,
Там ветер не шумит,
Опась позволив розам;
Святой дуб шелестит,
Душистый, толстокожий,
С мелодиею старой
Внутри него пожары –
Где Кларибель лежит.

Жук вечером ползет
По чаше сиротливой,
Пчела глас подает
Над камнем за могилой.
А в ночь луна взойдет
И смотрит вниз тоскливо:
Ее песнь птиц тревожит,
И медлит дрозд, похоже;
Птенец его пишит.
Отхлынут волны, может,
А ручеек журчит,
И грот в ответ шумит,
Где Кларибель лежит.

ВЫСШИЙ ПАНТЕИЗМ (57)

Луна и Солнце, звезд, морей, равнин скопление —
Не это ль, Душа, есть Бога у нас Виденье?

Не это ль Виденье Бога, хоть Он ведь не такой?
Сны верны, пока снятся, живем ведь мы все мечтой?

О, Земля, о, звезды, их масса, могущество —
Знак или символ есть все сие, что ты есть часть Его?

Мир для тебя есть мрак, и в том есть вина твоя:
Ведь разве не Он есть ты, что себя так мнит: «Я есмь Я»?

Слава с тобой и нет; ты исполняешь рок свой,
Сделав Его разбитой надеждой и мечтой.

Говори с Ним — слышит Он — ведь встретиться могут те Духи —
Ближе Он, чем дыханье, и ближе, чем ноги и руки.

Бог — закон; душа, издай веселья свой возглас,
Ведь если Он по закону гремит, гром есть Его глас.

«Бог Закон есть» — одни утверждают; хотя утверждают
Глупцы, что нет вовсе Бога, что все водой смывает.

У людского уха, очей Его слышать, зреть нет уменя,
Но если бы мы смогли — не это ль Его Виденье?

В ДОЛИНЕ КОТЕРЕЦ

По долине, где поток сверкает белым,
Где глубже голос твой, где глубже ночь доселе,

По долине, где твои катятся воды,
Гулял с любимой я назад тридцать два года.

А над долиной, где сегодня я гуляю,
Та дымка, что тогда была здесь, ныне тает.

Ведь в той долине, снизу от подножий горных,
Твой глас живой был для меня как голос мертвых.

А вдоль долины, близ пещеры над скалой
Глас мертвой для меня был словно глас живой.

ТАК ПОЗДНО, ПОЗДНО

Так поздно, поздно! Ночь и хлад негожий!
Так поздно! Но войти мы можем все же.
Так поздно! Ты войти сейчас не можешь.

А света не было — о том жалеем;
Узнав о том, стать жениху добрее.
Так поздно! Ты войти сейчас не можешь.

Нет света: поздно! Ночь темна и стужа!
Давай войдем, чтоб свет нам обнаружить!
Так поздно: ты войти сейчас не можешь.

Не слышали ль мы, что хорош жених?
Войдем, чтоб ноги целовать у них!
Нет, поздно! Ты войти сейчас не можешь.

ПРАЗДНЫЕ МЕЧТАТЕЛИ (58)

«Смелей! — он рек и указал на землю: —
Доставят нас на берег скоро волны».
И в полдень прибыли они на землю —
Туда, где ясный день всегда был словно.
А воздух берега всего спокойный,
Мечтой какую истомлен, вздыхал;
А над долиной диск луны был полный;
Как дым, сходящий вниз, ручей предстал,
Что вдоль утеса вниз сбегал иль замирал.

Земля ручьев! Одни из них — виденье
Ваули, падающей постепенно
На луг; другие же сквозь свет и тени
Сворачивали простыню из пены.
И видели они, как неизменно
Река стремится к морю; дальше — скалы
Под снегом старым были так степенны
В закатном солнце, а от ливня в каплях
Тениста липа над кустами возвышалась.

Чарующий закат замедлил ход
На красном западе; и было видно
Сквозь щели гор равнину, позолоту
Внизу дюн вплоть до пальмы и долины,
Луга, где обитают сыти длинные —
Земля, где все всегда одно и то же!
Вкруг кия — бледные людские лики
Видны сквозь пламя: блеклы, темнокожи —
Да, праздные мечтатели пришли, похоже.

Мечтатели сейчас перевозили
Тяжелые от фруктов, цвета ветки
Для каждого; тем, кто их получили,
Казалось, что биенье волн нередко

Кричало будто, плакало так едко
На берегах; когда же говорилось
Что кем из них — как из могильной клетки
Был глас его: он бдил, как спал — так мнилось;
От музыки в ушах его так сердце билось.

Они уселись на песок шафранный
На берегу промеж Луны и Солнца;
О Родине мечтать им было славно,
О детях, слугах, женах и потомках;
Томило ж море их сильнее всего
И весла, очертанья пены моря.
Потом один сказал: «Мы не вернемся»;
Они враз спели: «Дом наш — остров доле
За волнами; не будем мы скитаться боле».

ХОРАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

I

Там чудно музыка звучит — нежней,
Чем роз опавших лепестки-ланиты
Иль капельки росы ночной меж стен
Мерцающего темного гранита.
На душу звуки нежно так ложатся —
Нежнее век усталых на глаза —
Та музыка, что навевает сон прекрасный.
Здесь есть глубокий мох,
И плющ крадется сквозь него;
Цветы в потоке плачут сильно так;
С карниза же свисает спящий мак.

II

Зачем нас труд к земле так прибывает,
И поглотить сумело нас страданье,
Тогда как остальное отдыхает?
Да, отдыхает; так зачем тогда
В трудах мы постоянно пребываем,
Стенаем мы всегда,
От слез одних к другим переходя?
Но крылья не слагаем,
Бродить не прекращаем.
Не усыпит нас никогда застой,
И гласу, что внутри, мы не внимаем:
«Нет счастья, есть покой!»
Зачем мы лишь на труд надежды возлагаем?

III

Поберегитесь! Посредь роши
Лист сложенный, что найден из бутона
С ветрами сверху веток, там
Большим, зеленым прорастает
Весь в солнце днем, а при луне —
Росой покрытый; пожелтев,
По воздуху он опадает.
Но чу! От света так прекрасно,
Фрукт яблоко, что сочно, крупно, спело —
Оно в ночь летом упадает.
На протяженье жизни этой

Цветет цветок на своем месте
И опадает без нужды трудиться,
В сочной земле сумеет прижиться.

IV

Ненавистна темень туч,
Что как под темным морем своды.
Смерть — жизни конец; тогда почему
Должна быть жизнь работой?
Останемся вдвоем; несется время,
И скоро губы наши немые станут.
Останемся вдвоем. Что будет впредь?
У нас отняли все, что частью
Стало прошлых грозных лет.
Останемся вдвоем. Скажи, зачем
Бороться с злом? Какой покой здесь есть
В карабканье на гребни волн извечном?
Покой во всем, что зреет в тишине
До смерти: цвет, паденье, смерть.
Покой нам дайте долгий или умереть.

V

Как сладко было, под потока звон
Глаза свои полуприкрыв,
Нам погружаться в полусон!
Мечтать, мечтать, как тот янтарный свет,
Что не покинет миррис в вышине,
И шепоту их всех внимать,
В мечтанья что погружены,
За рябью вод на пляже наблюдать
И за изгибом нежным у волны,
Наш дух и сердце посвящать
Влиянью меланхолии мягчайшей,
Раздумывать, в воспоминаньях снова греться
Со старыми личинами из детства
Над насыпью в траве заветной —
Две горсти пыли белой — те, что в урне медной!

VI

Нам дорога о жизни нашей в браке память
И наших жен последние объятья,
Их слезы теплые, но все сменилось:
У нас очаг домашний хладен ныне;
У нас наследники теперь — сыны,

И мы приходим, привиденья словно.
Иль с крупной плешью принцы островные
Всю сущность нашу выели, а бард
Поет пред ними о войне, что в Трое,
И о делах полузабытых наших —
На малом острове все так смешалось?
Так пусть останутся руины.
С Богами трудно примиряться:
Вновь навести порядок трудно ныне.
Здесь *есть* смятенье смерти хуже:
Лихо на лихо, боль на боль,
Труд долгий для уже недужных,
Рок тяжкий на измотанных войной,
Чей глаз ослаб от любования звездой.

VII

Там грядки амаранта (59), чеснока;
Приятно (теплый ветер нас ласкает),
Полуприкрыв глаза,
Под праведные небеса
Смотреть всем нам, как устремит река,
Себя с пурпурного холма —
Послушать эхо, что взывает
Промеж пещер сквозь виноград,
Смотреть на изумрудный водопад,
Струящийся сквозь в завитках акант;
Внимать прибою и смотреть на водну гладь,
Лишь, лежа под сосною, душу убаживать.

VIII

Цветет ведь под сухою кроной Лотос,
Цветет близ всех извилистых притоков;
И нежно дует мягкий бриз день целый;
Сквозь каждую пещеру и аллею
Златая Лотоса пыльца цветет, и вокруг холмов елейных.
Мы достаточно старались, шевелились также,
Когда сильным был прилив, то к бортам мы приближались —
Там, где сплюнул в море свой фонтан из пены монстр лежащий.
Так дадим же клятву вместе, будем ей верны:
Полулежа жить на Лотоса земле пустынной,
Словно Боги на горах, о людях из долины
Не заботясь, близ нектара вместе возлегая;
А внизу, в долине, сняты все замки, а облака
Вкруг домов клубятся вместе с миром, что мерцает,

И они с улыбкой тайной смотрят на долину,
На пески, землетрясения, голод, пропасти, пустыни,
Скрежет битв, дома в огне, тонущие корабли в путине.
Улыбаются они все ж, музыку слышав в пенье,
Поднимающемся кверху – песню плача и легенду:
Сказку с сильными словами – хоть нет смысла в ней,
Что поет народ, который землю поднимает,
Трудно сеет семя, после урожай снимает,
Каждый год вино, пшеницу, масло запасает
До тех пор, пока часть люда для страданий в ад не сгинет,
Чтоб принять там пытки болью, а другие будут жить
В райских кущах, на кровати лежа из нарциссов.
Правда, правда: сон, конечно, слаше он труда,
А брег – труда от океана, ветра, волн, весла.
Так отдыхайте, моряки, скитаться хватит нам.

МАРИАНА (60)

«Мариана на ферме, обнесенной рвом»
(В. Шекспир «Мера за меру»)

Сплошь были клумбы для цветов
Чернющим мхом усеяны,
Отпали гвозди от узлов,
Держащих груши у стены.
Покрыты старым тростником,
Дома о ветхости гласили,
Ангары сломанные были
На ферме, обнесенной рвом.
Она сказала: «Жизнь грустна —
Ведь не идет мой милый»;
Сказала: «Я измождена,
Сойти хочу в могилу!».

Все плакала на склоне дня,
Пока не высохла роса,
И не могла смотреть она
Рассвет, закат на небесах.
Лишь небеса сковала тьма,
Летучи мыши разлетелись;
Она открыла занавески
И посмотрела на дома.
Она сказала: «Ночь грустна —
Ведь не идет мой милый»;
Сказала: «Я измождена,
Сойти хочу в могилу!».

К полуночи ночные птицы
Ее внезапно разбудили;
Петух пел час перед денницей;
С болот до слуха доносилось
Скота мычанье, и кругом
Она одна во сне блуждала,
Пока ветра не поднимались
Близ фермы, обнесенной рвом.
Она рекла лишь: «День печален —
Ведь не идет мой милый»;
Она сказала: «Я устала,
Сойти хочу в могилу!».

А от стены на расстояние,
Что равно брошенному камню, —
Вод черных шлюза почиванье;
Над ним — густой мох панорамный.
Качается и серебрится
Поблизости зеленый тополь.
Другому древу ни за что бы
Седым кольцом с ним не сравниться.
Она рекла лишь: «Жизнь грустна —
Ведь не идет мой милый»;
Сказала: «Я измождена,
Сойти хочу в могилу!».

Светила низкая луна
И дули ветры одичало;
Сквозь белый занавес она
Увидела, как тень металась.
Чуть ниже стала та луна,
А ветры стали чуть сильнее;
Тень тополя упала к ней
На ложе, где спала она.
Она рекла лишь: «Ночь грустна —
Ведь не идет мой милый»;
Сказала: «Я измождена,
Сойти хочу в могилу!».

День целый в доме этом сонном
Был слышен скрип на петлях двери,
Песнь мухи на стекле оконном,
Писк мыши сзади стен панели,
Выглядывавшей из щелей.
В дверь лики старые мерцали,
Вверх ноги старые ступали,
А голоса зывали к ней.
Она рекла лишь: «Жизнь грустна —
Ведь не идет мой милый»;
Сказала: «Я измождена,
Сойти хочу в могилу!».

Чирикание воробьев,
Шум тополя в порывах ветра,
А также тиканье часов —
Ей досаждали звуки шедры.
Но час, когда луч солнца падал
На крыши утром, ей сильней

Всего претил; не меньше ей
Был ненавистен час заката.
Она сказала: «Я грустна –
Ведь не придет мой милый»;
Рыдала: «Я измождена,
Сойти хочу в могилу!».

МАРИАНА НА ЮГЕ

С одною тенью у подножья
Весь светится сей дом стабильно
С каминной мелкою решеткой,
Увитый виноградом пыльным.
Кряж гор вверху на бережке,
Речное русло впереди
Пустое, отмель позади
В заливах ярких и в песке.
«Мария, аве», – так она
Стенала ночью, днем всечасно
И пела: «Я совсем одна,
Забыта и в любви несчастна».

Как в песне больше стало грусти,
Она сквозь пальцы пропустила
Свои каштановые кудри,
Раздвинув их, и тем открыла
Глаза, полны очарованья,
Которые спокойно крайне
В обители сияли тайной,
В приюте скорби без рыданья.
«Мария, – плакала она, –
Как грустно ночью, днем всечасно:
Ведь я совсем-совсем одна,
Забыта и в любви несчастна».

Заря над морем, что красна,
Ярко-оранжевой вдруг стала;
Встав на колени, тут она
Перед Мадонной зашептала:
«Мадонна, окажи мне милость,
Избавь меня от ноши тяжелой».
А в жидком зеркале краса
Ее лица вся отразилась.
«То форма, – плакала она, –

Что он хвалил так постоянно?
Но просыпаюсь я одна:
Забытой сплю, забытой встану».

Не будут щебетать здесь птицы,
Не будут и ягнята бляеть,
И тучей небу не закрыться,
Но дни становятся теплее.
Она опять спала ночами;
Во сне она в горной траве
Стояла, слыша дуновение
Ветров, и как ручьи журчали.
Во сне она слегка стенала
И бормотала, как и прежде:
«Мой дух, совсем здесь одичалый,
Один гуляет без надежды».

То сон – так думала она:
Она была – казалось ей –
И не была здесь; стих ручей,
Когда вставала та от сна,
А ива стала вдруг блестящей.
Речное устье так бело,
И целый световой поток
Ударил по стене слепяще.
Она стенала приглушенно,
Скорей, внутри себя самой:
«Не позволяй, моя Мадонна,
Мне жить и умереть одной».

Она, поднявшись, уронила
С груди старые письма к ней:
«Любовь должна – они гласили
Быть честной, что всего ценней».
Проник как будто призрак к ней
И на нее взглянул в презренье:
«Грозит красе исчезновенье,
Впредь жить тебе еще грустней».
«Жестоко сердце – она пела, —
Увы, жестока и любовь.
Теперь моим стало уделом –
Быть одинокой вновь и вновь?».

Но иногда к началу ночи
Как будто призрак входит в дверь,

Чтоб ей сказать, ей глядя в очи:
«Не будешь ты одна теперь».
Закатом полыхая, день
Степенно убывал отныне;
К востоку медленно клонилась
От стен одна черная тень.
«Я целый день — рекла она, —
Я целый день с утра до ночи,
И днем, и ночью я одна,
Забыта и несчастна очень».

Цикада в ночь запела звонко,
Стал слышен с моря будто стон;
Она откинула заслонку,
Облокотилась о балкон.
В слезах ее багряным светом
Сияла так звезда Венера;
Рай, углубляясь в тихи сферы,
Над Раем поднял ночку эту.
И, плача, тут она вскричала:
«Утра не зная, ночь настанет,
Когда уйдут мои печали,
И брошенной быть перестану».

В ГОРАХ СВОБОДА ВОССЕДАЛА

В горах Свобода восседала,
И гром гремел у ног ее;
Над нею в звездах ночь мерцала,
Был слышен звон ручьев.

Была здесь радость для нее,
Ей приходило откровенье,
Звук гласа мощного ее
Шел с ветра дуновеньем.

Затем она во град ступила
С тем, чтоб с людскою расой слиться,
И шаг за шагом так открыла
Свои народу лица —

Как лик с гравюры колдовской,
Бросающий взгляд через алтарь,
Как Бог, трезубец носит свой,
И как корону Царь.

А истина манит ей очи:
В них словно мудрость тысяч лет.
Хранит пусть юность долго очень
Сухим от слез их свет,

А силуэт ее призывный —
Свети мечтам и долго здравствуй,
Кривя устами, что так дивны,
Над крайностей лукавством!

НОЧЬ СВЯТОЙ АГНЕССЫ (61)

На крыше монастырской снег
Сияет при луне:
Идет мое дыханье вверх —
Скорей туда б и мне!
А тени монастырских башен
По травам вниз идут,
Сползая, как часы сползают,
Что к Господу ведут.
Так сделай чистым, ясным дух,
Как небо в зиму, Боже,
Как первый снегопад в году,
В моем что сердце тоже.

Как белые си одеянья
Пред той землею грязны,
Как света тусклого сиянье
Перед Земли багрянцем, —
Вот так перед Тобой мой дух,
Душа перед Христом —
Пред тем, какой я быть хочу
В жилье своем земном.
Взорви же, Боже, рай! Сквозь даль
И звездное сверканье
Ты мне, твоей невесте, дай
Звезду в сплошном сиянье.

Меня к дверям златым ведет он
И искрами играет;
Взрывает небо свой помост
И свет свой вниз бросает:
Ему становится так тесно!
Воротам — отступить:
Меня там ждет Жених Небесный,
Чтоб мне грехи простить.
И Бесконечности покой,
Глубокий средь созвездий —
Как свет, что озарит прибор —
Жених с своей невестой!

К. J. S.

Тот ветер, что о горы бьется —
Он тише на горы платформе;
Мир мягко к людям тем пробьется,
Отлит кто по изящной форме.

Я крепко уяснил то знание,
Иначе б не позволил страх
В словах к тебе сих, в гореванье
Твое пробиться, пусть в стихах.

Как странно, что, к кому мы льнем,
Кто нас баюкал на коленях,
Кто нам дороже всех, потом
Их быстро так накроют тени.

Нам Бог дает любовь. Однако,
Любовь лишь наберется тела —
На ком она взошла, вдруг как-то
Падет: любовь осиротела.

Так времени проклятье люто!
Но в горе я не впал в минор:
Раз Смерть прошла сквозь дверь мою;
Кто не вернулся, тот ушел.

Не улыбнется мне, едва ль
Заговорит со мной. Его
Пустует кресло года два.
Я был никто ведь без него.

Твои потери реже: эта
Звезда с тобою враз поднялась
Сквозь арку неба прямо к свету,
Но вдруг во тьму потом промчалась.

Знавал я брата твоего:
Я славлю прах его — не сыщешь
На всей Земле ты никого,
Кто был отважней бы и чище.

Тебя мне близкой не считал я,
Покамест брат твой не почил.
Не плакать не прошу тебя я —
Меня мудрей, велик он был.

В слезах пусть очи у меня —
Те слезы духа в мозг прошли;

К тебе взывать не буду я:
«Плачь: плач ослабит боль внутри».

Ее хозяйкой будет Горе.
И, удовольствий всех сильней,
Она так любит эти боли;
О плаче же решать лишь ей.

Не изреку я: «Подчиненье
У смерти Богу есть всечасно».
То необычное явление,
Когда уходит ум прекрасный.

У нас о нем надолго память
Останется во всех сердцах:
Над солнцем павшим света пламя
От полночи есть в небесах.

Успокоенье неглубоко!
Ей память опустила очи,
Ее глас сделала далеким;
Над письмами я плакал очень.

Писал я сам не знаю что.
Тебя как *нужно* утешать?
Ты так скорбишь о брате том.
Но все-таки желал сказать:

Моим он другом в той же мере
Являлся — оба мне друзья;
И обольется кровью сердце,
Но лучше помолчал бы я.

От слов сильнее горе гложет.
Скорбеть я б лучше прекратил,
Хотя я мог занять бы тоже
То место друга, что почил.

Будь пухом для тебя земля.
Спи, дух святой, пока луна
Растет, сияют звезд моря;
Мы ждем большие времена.

Вкушай же, праведник, покой.
Ничто тебе не дерзновенно:
Спокойно почивай; прах твой
Пускай хранится неизменно.

**ВЕРГИЛИЮ (62), НАПИСАННОЕ
ПО ПРОСЬБЕ МАНТУАНЦЕВ (63)
к 1900-летию со дня его смерти**

Ты, Вергилий, воспевашь
храмы в языках огня со львами,
Трою павшу, Рим восставший,
войны, долг детей, Дидоны (64) пламя.

Любишь ты природу, лорд
языка, сильней того, кто пел
«Дни, деяния»; и горд
образ тот из фраз золотых глядел.

Ты, что воспевает пашню,
виноградники, коней в стадах,
Муз очарованье разных
очень часто лишь в скупых словах.

Тита бард, тот, что так счастлив,
сатира-поэта он поэт,
На свирели что вешает;
пастухом поэт украшен в цвет.

Поллия поэт, что славит
годы, что грядут опять без горя,
Лето с лугом без удавов,
землю без трудов, без весел море.

Ты, что видит Всю Природу,
движимую Разумом Всемирным,
Ты в своей чудесен оде
к судьбам человеческим эфирным.

Свет среди ушедших лет,
та звезда, что украшает брег,
Средь теней золотая ветвь,
короли, что скроются навек.

Форум не ревет уж твой,
каждый купол Цезаря пал главный,
Хоть всегда прибой морской –
будет он шуметь про Рим державный.

Сгинул нынче Рим рабов,
Рим людей свободных воцарился;
С Северных я островов
и от всех людей вдруг отделился.

Мантуе я салютую –
с детства раннего пленен тобой;
Лучшую хвалу людскую
заслужил ты как никто другой.

ТЫ ВОПРОШАЕШЬ: «ПОЧЕМУ?»

Ты вопрошаешь: «Почему?» —
Но в этой сфере я живу;
Идет моя душа сквозь мглу
И чахнет по багровому.

То земли, что вспахал народ,
Живущий трезво и свободно,
То земли, могут где вольготно
Промолвить, что на ум придет.

То земли, где так твердо правят,
Где постепенно, год от года
Все ширятся бразды Свободы,
И где все справедливость славят.

Где очень редки расхожденья,
И где от малого к большому
Мошь мысли некоей весомой
Имеет шанс распространенья.

А коли некие союзы
На человеческие мненья
Как на какие преступленья
Надеть пытаться будут узы,

И коль повсюду будет Власть
Британии петь громко славу,
И все каналы у Державы
Златой песок заполнит всласть, —

Меня из порта забери,
О, ветер дикий! Я ишу
Теплее небо и узрю
Я Юга пальмы, алтари.

ПЕСНЯ «ДУХ ВСПОМИНАЕТ»

I

Дух вспоминает, и нередко,
Часы, прошедшие в беседках.

Он с собой болтает.
Коль прислушаться сильно в поздний час,
Можно слышать, как он стенает там
И вздыхает;
К земле он стебли пригибает –
Гниющий цвет.

Подсолнух тяжело нависает.

Над ямкою в земле прохладной
Штокроза тяжело свисает,
А с нею – лилия, вся в пятнах.

II

А воздух влажен, сперт и тих,
Как воздух в комнате больных.

Час перед расставаньем:
Мое сердце и с ним душа ревут
При запахе листьев, что гниют,
И дыханье
Пальм, что объяты увяданьем,
И роз последних.

Подсолнух тяжело нависает.

Над ямкою в земле прохладной
Штокроза тяжело свисает,
А с нею – лилия, вся в пятнах.

К***

по прочтении жизнеописания и писем

Проклятье тронувшим мой прах
Эпитафия Шекспира

Назвали, может, Вас поэтом,
Доколь Поэт в чести у нас;
О чем мечтать лишь: лавром Вас
Сумели увенчать при этом.

Мудрее выбор был у Вас:
Жизнь только для благих идей,
Минуя множество друзей, —
Жизнь дельная, негромкий глас.

Смогли Вы избежать судьбы
Поэтов, носящих корону,
И в будущем ни плут, ни клоун
Ваш склеп не осквернили бы.

Не может умереть Поэт,
Не постареет глас его.
Коль он живой, вокруг него
Толпа кричит какой-то бред:

Провозглашает пусть порок,
Что он не хочет выявлять,
И нужно истину предать,
И что еще — то знает Бог.

Бесстыдники! Он пел дотоль
Ту песнь, в которой красота.
Жизнь в обществе ему чужда:
Ведь не герольд он, не король.

Он людям лучшее отдал,
Оставив худшее — себе.
И прокляты Шекспиром те,
Кто трогать прах его бы стал!

Кто лучше, чем Поэт, покажет,
Как скромно вереска жизнь длится,
Иль распеваящую птицу:
Коль не слышна, то чахнет даже?

Поэт поет протяжно, с потом,
И падает у Славы храма.
А гриф желает лишь упрямо
Поэта сердце рвать пред сбродом!

ПОКИНУТЫЙ ДОМ

I

Жизнь и Мысль уже ушли
Друг за другом;
Не закрыли двери туго –
Как они могли!

II

Все внутри сейчас темно,
И не светится окно,
И, как раньше, уж теперь
Не скрипнет ведь на петлях дверь.

III

Дверь закройте, ставни – тоже,
А иначе сквозь окно мы
Покинутого, в мраке, дома
Наготу увидеть сможем.

IV

Уходите: не услышим
Уже мы здесь веселья звук;
Землянка словно, то жилище
Вновь упадет на землю вдруг.

V

Уходите: впредь не жить
Им здесь, несомненно.
Но в городе они далеком,
Большом смогли уже купить
Себе дворец нетленный.
А без них так одиноко.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Когда в ночи луна пошла сиять,
Любовь гуляла по дорожкам Рая,
С восторгом все вокруг обзревая.
Но вот, как обошла она корицу,
Пред ней предстала Смерть под сенью тиса:
Любовь заметив, стала заявлять:
«Уйди с моих дорожек». Ну, а та
Всплакнула и, собравшись улетать,
Ей отвечала: «Хоть твой час настал,
Ты — жизни тень. Как дерево на солнце
На все внизу отбрасывает тени,
Так в свете бесконечности без донца
Жизнь создает тень смерти, тем не менее.
Уйдет тень, древо упадет когда;
Я ж буду властвовать над всем всегда».

УМРУ — НЕ ПРИХОДИ

Умру — не приходи
И не роняй слез глупых над могилой
Над мертвою главою ты
И не тревожь напрасно прах мой сирый.
Пусть кулика там плач и ветра вой —
Не беспокой.

Дитя, пускай ты этому виной —
Меня уж это не тревожит боле.
Венчайся с заслужившей выбор твой —
Мне ж нужен отдых доле.
Где я лежу, мне обеспечь покой —
Не беспокой.

МЫ СВОБОДНЫ

Ветра, как будто в час рожденья,
Близ гор припали к глади водной
И обдували землю в рвенье
И повторяли: «Мы — свободны».
Потоки их сквозь ряд из лилий
С теченьем вниз сходили
Среди цветов: «Да, мы свободны!»

СОНЕТ (65)

Ах, если б я любимым был тобой —
Чего тогда на всей земной громаде
Меня когда сумело испугать бы,
Коль я б любимым был тобой — мечтой?
Всю боль мою — души и тела тоже —
Смогла бы заглушить твоя любовь.
Я слышал: воды пресные, быть может,
Сквозь слезы моря просочатся вновь.
Не страх тебе свел руку, а экстаз,
Чтоб смерти дожидались мы безмолвно,
Когда мы на горе от всех отстали;
Волна всемирного потопа словно
С холмов идет под нами в пропасть дале
Насколько в состоянье видеть глаз.

ТИФОН (66)

Роняет лес увядшую листву;
Ее к земле пар водный прибывает.
Приходит человек и пашет землю,
В нее ложится — умирает лебедь
Так после долгих лет. Меня ж бессмертье
Жестокое лишь поглощает: я
В твоих объятьях тихо увядаю.
Здесь, словно на безмолвном крае света,
Тень седовласая моя все бродит,
Как сон, в сиянье утреннем Востока.

Увы! Та тень когда-то человеком
Была: он славился своей красою.
Твоим избранником он был: себе
Казался он подобным даже Богу!
Я попросил тебя: «Дай мне бессмертье».
А ты в ответ мне улыбнулась, словно
Богатый человек, всегда спокойный.
Но Время все ж ту волю исполняло,
Меня и изнузив, и запятнав.
Хоть не смогло оно меня прикончить,
Оно меня калекой обрекло
Жить вечно среди бессмертной молодежи.
Под силу ли любви твоей, красе
Исправить что-нибудь тогда, когда
Твоя звезда над нами серебрится,
Сияя, трепеща в глазах людей,
Что плачут, только мой слышат глас.
Дай мне уйти, свой дар возьми обратно.
Зачем хотеть отличным от других быть
И мимо проходить обычных целей?
Как можно стать приемлемым для всех?

А мягкий воздух тучи разгоняет:
Приметы мира мрака возникают,
Где был рожден я. Древнее сиянье
Вновь заструится с ясного чела
И с плеч, с груди, где сердце возрожденья.
В ночи твои ланиты заалеют,
А очи близ моих вновь засверкают,
Покамест сами звезды не затмят.
Зверь дикий, что так жаждет быть твоим,
Вставай, стряхни же тьму с поникшей гривы
И вбей в огонь ты сумерки свои.

Еще прекрасней стала ты в тиши;
Но ты в безмолвье исчезаешь, слезы
Лишь оставляя на моих ланитах.
Зачем тебе меня пугать слезами
И заставлять меня дрожать, пока
Сбывается такое изречение:
«Не могут Боги дар у вас отнять»?

А я — с какими чувствами иными,
Каким иным обозревал я взглядом
Твои прелестные изгибы прежде
И кудри — словно кольца золотые
В каком мистическом преображеньи!
И начинала кровь моя играть,
И жар окрашивал твои порталы.
А я лежал: уста мои, чело,
Ресницы становились горячи
И влажны после поцелуев жарких,
Что были ароматнее бутонов.
Уста твои шептали сладко что-то
Прекрасное, как песнь у Аполлона:
Он пел ее, когда смотрел на Троию.
И все ж не оставляй меня навечно
Ты на своем Востоке — разве сможет
Моя природа дальше быть с твоей?
Твои же розовые тени хладны,
Мои морщинистые ноги — тоже.
Тем временем от матовых полей
Пар движется к домам людей счастливых,
В ком воля умереть есть, и к могилам
Умерших, что счастливее живых.
Освободи меня ты для земли:
Забуду суету — в земле земля.
Ты ж будешь возрождать красу в денницу,
Уйдя на серебристой колеснице.

СПЯЩИЙ ДОМ

Я стоял, не слыша ничего —
Только речку, что бежала
К лесу мрачному тому с лугов,
Отдаленный шум волны у моря —
Той, что в серой заре приливала.
Я пригляделся, и в доме заметил я вскоре
Цвета смерти покрывало.
Ужас меня вдруг объял сильно: он
Даже дыхание мое так спирал.
Зная, что то покрывало — лишь сон,
Все ж о сне смертельном думал и дрожал.

ЕЙ РАВНЫХ НЕТ

Ей нет здесь вовсе равных,
Никто с ней не сравнится ни в какую.
А ты вздыхаешь по Ливану;
А бриз так долго на Восток твой дует.
Вздыхаешь по Ливану,
Тенистый кедр, что ветками колдует
Над этим склоном пасторальным,
На юг взгляд устремив, себя питая
Дождем медовым с воздухом кристальным.
Тебя ж преследует, сияя,
Глава ее: от робкой воли метко
Моя судьба изменена была,
Став пламенем алтарным. Тень твоя
Ложится на нее с восторгом предков
Из райских куш пред Евой лучезарной
И белой, от которой она произошла.

ПЕСНЬ ЭЛЕЙН (67)

Любовь прекрасна, хоть дана напрасно;
И смерть, что уничтожит боль, прекрасна;
И что из них прекрасней — не пойму я.

Прекрасна ты, любовь? Знать, смерть горька;
Но горька для меня любовь пока.
Любовь, милей мне смерть. Так пусть умру я.

Любовь прекрасна без конца и края;
Прекрасна смерть, что чувства заглушает;
И что из них прекрасней — не пойму я.

И я хочу идти вослед любви,
Коль можно, но взывает смерть, увы.
Взывает — так пойду! И пусть умру я.

ПЕСНЬ ВИВЬЕН

В Любви, коль истинна Любовь бывает,
Неверность с преданностью не равняют;
Неверность хочет верности во всем же.

Любовной лютни маленький разлад —
Заглушит он весь музыкальный ряд.
Усиливаясь, он заглушит все.

Разлады в инструментах тех любовных —
Как пятнышки на фруктах запасенных:
Вот эта гниль уничтожает все.

Хранить не надо это: избавляйтесь.
Но вот уйдет оно ль? Не доверяйтесь
Совсем иль доверяйтесь мне во всем.

ПЕРЕХОДЯ ЧЕРТУ

Вот звезды и закат,
И зов заслышу вскоре;
Пусть отмели стенанье прекратят,
Когда я выйду в море.

Но словно спит течение такое,
Для шума слишком полно,
Когда все, что покинет дно морское,
Вернут вновь волны.

Вечерний звон печальный,
И сумерки настали;
И пусть не будет горести прощальной,
Когда отчалою.

За Временной, Пространственный предел
С потоком я уйду:
Я с Кормчим близко встретиться хотел,
Коль перейду черту.

КОММЕНТАРИИ

1) «**Бороться, искать, найти и не сдаваться**» (*To strive, to seek, to find, and not to yield*) — последняя строка стихотворения А.Теннисона «Ulysses» («Улисс») о приключениях древнегреческого героя Одиссея.

2) **Король Артур** — согласно кельтским народным преданиям, король бриттов (V — VI вв. н.э.), вместе со своими рыцарями боровшийся с англо-саксонскими завоевателями и занимавшийся поисками «Святого Грааля». «**Круглый стол**» у него и его рыцарей служил средством улаживания споров о главенстве.

THE PRINCESS. ПОЭМА «ПРИНЦЕССА»

Впервые была опубликована в 1847 году (позже она послужила основой для английской сатирической оперы поэта Вильяма Гилберта и композитора Артура Салливана «Принцесса Ида» (1870).

ПРОЛОГ

3) **Азенкур** — селение к югу от Кале (Франция), близ которого в 1415 году (во время столетней войны между Англией и Францией (1337-1453)) войска английского короля Генриха V в союзе с бургундцами разгромили французские войска под командованием коннетабля Ш. д'Альбре, захватив север Франции.

II

4) **Психея** (англ. **Psyche**) — в древнегреческой мифологии олицетворение человеческой души; изображалась в образе бабочки или девушки — возлюбленной бога любви Купидона (Эрота, Амура).

5) **Салическая правда** (Салический закон) — сборник обычного права салических франков (одна из варварских правд); записана в начале VI в. н.э..

6) **Каффир** — представитель немусульманского населения Нуристана на северо-востоке Афганистана и в соседних районах Пакистана.

6а) **Малай** — главный герой Киргизского эпоса.

7) **Готгентот** — представитель африканского народа из южных районов Намибии, боровшийся с европейскими колонизаторами.

8) **Елизавета** — здесь: английская королева Елизавета I (1533-1603).

9) **Шеба** — здесь: Балкис, царица Савская, легендарная правительница Сабейского царства в Южной Аравии во времена царя Соломона.

III

10) **Ганимед** — в древнегреческой мифологии троянский юноша, из-за своей необыкновенной красоты похищенный богом Зевсом и взятый им на Олимп.

11) «**Сверкают ярко стены замка**» (*The splendour falls*) — одно из лирических отступлений поэмы, которое было к ней добавлено лишь в ее третьем издании (в 1850 году).

IV

12) «**Пустые слезы**» (*Tears, idle tears*) — это лирическое отступление было создано уже в 1834 году и вошло в первое издание поэмы.

13) **Валькирии** — в скандинавской мифологии воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражений и отбирающие храбрейших из павших воинов во дворец этого бога.

14) **Кариатиды** — скульптурные женские фигуры, служащие опорой балок в зданиях.

15) **Юдифь** — в одноименной книге Ветхого Завета вдова, спасшая свой город в Иудее от нашествия ассирийцев (обольстив их военачальника Олоферна, обезглавила его во сне).

16) **Мнемозина** — в античной мифологии богиня памяти.

V

17) **Кир** — Кир II Великий (VI в. до н.э.): первый царь государства Ахеменидов, покоритель Мидии, Лидии, значительной части Средней Азии, Вавилона и Месопотамии.

VI

18) **Немезида** (Немесиды) — в древнегреческой мифологии богиня возмездия.

19) **Лот** — в библейской мифологии племянник Авраама. Его жена превратилась в соляной столб за то, что при бегстве из гибнущего города Содомы оглянулась, несмотря на запрет Бога.

20) «**Ты ни о чем не вопрошай меня**» (*Ask me no more*) — одно из лирических отступлений поэмы, добавленное к ней лишь в ее третьем издании.

VII

21) **Катон** — древнеримский правитель.

IN MEMORIAM A.H.H.
ПОЭМА «ПАМЯТИ А.Г.Х.»

Эта поэма писалась А.Теннисоном в течение продолжительного периода времени: между 1833 и 1850 годами.

II

22) **Тис** – род вечнозеленых хвойных декоративных деревьев (и кустарников), которые живут по 2-4 тыс. лет. В Великобритании их немало на кладбищах у могил.

XIX

23) **Северн** – река в Великобритании; берет начало в Кембриджских горах и впадает в Бристольский залив Атлантического океана.

XXIII

24) **Аргосские горы** – горы в Греции на полуострове Пелопоннес.

25) **Аркадия** – область в центральной части полуострова Пелопоннес. В переносном смысле – счастливая, райская страна с патриархальной чистотой нравов.

XXXI

26) **Лазарь** – согласно Новому Завету, брат Марии и Марты, которого воскресил Иисус Христос (см. «Евангелие от Луки» 16:19-31).

XXXVII

27) **Урания** – в древнегреческой мифологии муза астрономии.

28) **Мельпомена** – муза трагедии.

ХСVI

29) **Синайские горы** – горы на Синайском полуострове между заливами Суэцким и Акаба Красного моря.

СXXI

30) **Люцифер** – в поэзии: утренняя звезда, она же планета Венера.

ЭПИЛОГ

31) **Эпилог** здесь представляет собой свадебную песню по случаю бракосочетания сестры поэта Сесилии и Эдварда Лущингтона.

LOCKSLEY HALL

ПОЭМА «ЗАМОК ЛОКСЛИ» («ЛОКСЛИ-ХОЛЛ»)

32) **Плеяды** – в древнегреческой мифологии 7 дочерей Атланта, превращенные Зевсом в созвездие.

33) **Маратхи** – народ в Индии (штат Махараштра), воевавший с англичанами за независимость.

34) **Осия** – согласно Библии, пророк, последователь Моисея, который повел израильский народ в «Обетованную землю».

LOCKSLEY HALL SIXTY YEARS AFTER

ПОЭМА «ЗАМОК ЛОКСЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ»

35) **Моголы** – население ряда индийских штатов под управлением династии Великих Моголов; в XVIII- XIX веках были захвачены английскими колонизаторами.

36) **Франциск Ассизский** (1181 или 1182 – 1226) – итальянский проповедник, основатель Ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений.

OENONE

ПОЭМА «ЭНОН»

37) **Энон** – в древнегреческой мифологии лесная нимфа, жена героя «Троянского цикла» Париса (пастуха и одновременно сына царя Трои Приама), оставленная им ради Прекрасной Елены.

38) **Ида** – горный массив в центральной части греческого острова Крит.

39) **Геспериды** – в древнегреческой мифологии дочери Атланта, жившие в сказочном саду, где росла яблоня, приносившая золотые плоды.

40) **Пелей** – герой «Троянского цикла», внук бога Зевса, муж богини Фетиды. На его свадьбе на пиршественный стол было брошено «яблоко раздора».

41) **Ирида** – посланница и вестница богов.

THE PALACE OF ART

ПОЭМА «ДВОРЕЦ ИСКУССТВ»

42) **Цецилия** – святая, христианская мученица.

43) **Утер** Пендрагон – в «артуровских легендах» король британцев, отец Артура.

44) **Авалон** – полуостров.

45) **Кама** – бог любви в индуизме, обычно представляемый как сын бога Вишну и богини Лакшми.

46) **Орел** – здесь: согласно одному из древнегреческих мифов, воплощение бога Зевса, который, превратившись в орла, похитил прекрасного Ганимеда.

47) **Мильтон Джон** (1608-1674) – известный английский поэт и публицист, автор знаменитых поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай».

48) **Серафимы** – одна из категорий ангелов.

49) **Ионийцы** – одно из основных древнегреческих племен.

50) **Мемнон** – в древнегреческой мифологии царь эфиопов, сын богини утренней зари Эос (Авроры), участник Троянской войны. Погиб в единоборстве с Ахиллом.

51) **Ирод I Великий** (около 73–4 гг. до н.э.) – царь Иудеи, отличавшийся особой жестокостью. В Новом Завете ему приписывается «избиение младенцев» при известии о рождении Христа.

RECOLLECTIONS OF THE ARABIAN NIGHTS
ПОЭМА «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРАБСКИХ НОЧАХ»

52) **Тигр** – река в Ираке и Турции.

53) **Гарун аль-Рашид**, или Харун ар-Рашид (763 или 766 – 809) – халиф из династии Аббасидов, продолживший борьбу с Византией и добившийся в своем Халифате процветания. Его образ идеализирован в сказках «Тысяча и одна ночь».

СТИХОТВОРЕНИЯ

TO THE QUEEN
«КОРОЛЕВЕ»

54) **Королева** – здесь: английская королева Виктория (1819–1901), вззошедшая на престол в 1837 году, в годы правления которой Британская империя достигла наивысшего могущества.

55) **Мэлори Томас** (1417(?)–1471) – английский писатель, автор литературных обработок «артуровских легенд».

56) **Джеффри Монмаутский** (1100(?)–1155) – английский монах, историк и писатель. Первым обработал легенды о королях Артуре и Лире.

THE HIGHER PANTHEISM
«ВЫСШИЙ ПАНТЕИЗМ»

57) **Пантеизм** – религиозное и философское учение, отождествляющее бога и мировое целое, характерное для еретической мистики средних веков, для натурфилософии Возрождения и материалистической системы Б.Спинозы.

THE LOTOS-EATERS
«ПРАЗДНЫЕ МЕЧТАТЕЛИ»

58) **Lotos-eaters** – это английское словосочетание может переводиться буквально как «сдоки лотоса», «вкушающие лотос», «лотофаги», а также фигурально как «праздные мечтатели».

CHORIC SONG
«ХОРАЛЬНАЯ ПЕСНЯ»

59) **Амарант** – род преимущественно однолетних зерновых, овощных, декоративных и сорных растений.

MARIANA
«МАРИАНА»

60) **Мариана** – героиня стихотворений А.Теннисона «Мариана» и «Мариана на Юге», образ которой ему был навеян шекс-

пировской Марианой из «обнесенной рвом фермы» в трагикомедии «Мера за меру».

ST. AGNES' EVE
«НОЧЬ СВЯТОЙ АГНЕССЫ» —

Это ночь с 20 на 21 января, когда, согласно преданиям, девушкам могли привидеться их суженые.

61) **Святая Агнесса** — христианская мученица, покровительница девушек.

TO VIRGIL...
«ВЕРГИЛИЮ...»

62) **Вергилий** Публий (70—19 гг. до н.э.) — выдающийся римский поэт, автор знаменитой эпической поэмы «Энеида».

63) **Мантуанцы** — жители города Мантуя, поклонники Вергилия.

64) **Дидона** — в древнеримской мифологии царица, основательница Карфагена.

По Вергилию, стала возлюбленной героя Энея, а после его отплытия покончила с собой.

SONNET
«СОНЕТ»

65) **Сонет** — стихотворение (в основном любовное), состоящее из 14 строк, рифмующихся в соответствии со схемами рифмовки в сонетах Петрарки и елизаветинцев (т.е. поэтов времен правления Елизаветы I и первых Стюартов) или Шекспира. В данном сонете А.Теннисон не соблюдает строго вышеуказанные схемы рифмовки.

TITHONUS
«ТИФОН»

Это драматический монолог А.Теннисона, написанный белым стихом в 1833 году и впервые опубликованный лишь в 1860 году.

66) **Тифон** — в древнегреческой мифологии возлюбленный богини утренней Зари Эос (Авроры), которая даровала ему вечную жизнь, но забыла наделять его вечной молодостью.

ELAINE'S SONG
«ПЕСНЬ ЭЛЕЙН» —

песня из поэмы «Элейн» — одной из 12 поэм («идиллий») эпического цикла «Королевские идиллии», впервые опубликованная в 1859 году.

67) **Элейн** — одна из главных героинь «Королевских идиллий», влюбленная в рыцаря Ланселота.

VIVIEN'S SONG
«ПЕСНЬ ВИВЬЕН» —

песня из поэмы «Вивьен» «Королевских идиллий», начатая А.Теннисоном в 1855–56 годах и опубликованная в 1859 году.

ИСТОЧНИКИ

1. «Путеводитель по английской литературе» — М. Дрэббл, Дж. Стрингер, М., «Радуга», 2003.
2. «Новый энциклопедический иллюстрированный словарь», М., «Большая российская энциклопедия», 1999.
3. «Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима», М., «Правда», 1990.
4. «Англо-русский словарь персоналий», М., «Русский язык», 2000.
5. «Англо-русский толковый словарь библейско-религиозной лексики» — С. Бен-Лев, С-П, «КАРО», 2000.
6. «Географический энциклопедический словарь», М., «Советская энциклопедия», 1989.
7. *Myths of Greece and Rome.* — Th. Bulfinch, N-Y, 'Viking Penguin Inc.', 1979.

Альфред Теннисон

ИЗБРАННОЕ

Перевод с английского
Эммы Соловковой

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 15,2.
Заказ № 719

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
Тел./факс: (812) 579-08-33, e-mail: evrodom2006@list.ru

Эмма Александровна Соловкова — жительница Уфы, профессиональный переводчик. Окончила факультет романо-германской филологии Башкирского государственного университета. В 2004 году в уфимском издательстве “Слово” вышел ее перевод поэмы “Принцесса” и ряда стихотворений Альфреда Теннисона. Публикация “Избранного” приурочена к 200-летию юбилею поэта.